

Цель **Н**япушистая, оболочка

mom 4

Добро пожаловать в Фелерию, товарищ лейтенант. Добро пожаловать и счастливо оставаться. Вашему вниманию представлен исключительный выбор яблочных напитков и проживание в пятизвездочной казарме с группой интеллигентных солдат. И не забудьте провести незабываемое время со здешними аборигенами.

Вы ведь любите маленьких кошкочевочек, верно, товарищ лейтенант? Нет? Ну что же, не расстраивайтесь. У вас это взаимно.

Глава 1

— Да етить тебя в колено!!! — прошипела Сивира, швыряя ключ на пол коридора.

После пятой неудачной попытки открыть дверь в свой кабинет, лейтенант была уже порядком взбешена. Впрочем и без проблем с ключами, утро у нее не задалось с самого начала. Мало того, что она смогла урвать на сон лишь пару часов, так даже толком умыться не успела.

«Так, спокойно. Ты офицер, ты личный секретарь принцессы, разодрать ее на флаг... Давай еще раз.» — попыталась успокоить себя девушка и снова подцепив ключ, сходу вогнала его в замочную скважину.

— Выкуси, яблока кусок! — радостно выкрикнула темноволосая фелисина провернула ключ пальцами.

— Э-э-э... Разрешите уточнить? — послышался голос из-за спины.

Позади, Сивира обнаружила своего недавно назначенного адъютанта, который неловко переминался с ноги на ногу. Судя по его бледной физиономии, последнюю фразу командира он адресовал в свою сторону.

— Да я тут, с дверью говорю... Эм... Ну, ты понял, с дверью, в общем. — пробубнила девушка что-то невразумительное, но быстро пришла в себя от удивления и коротко скомандовала. — Вольно!

Закончив возиться с замком, офицер прошла в свой кабинет и приготовилась к очередному служебному дню, уже начав перебирать аудиторские отчеты оставшиеся с вечера, как её прервал нерешительный голос капрала:

— Господин лейтенант, сэр... Леди... Э-э-э... — снова мялся с ноги на ногу Дилли, раздражая свою начальницу.

— Ну что? Неси докладные по лотерее за месяц и смету расходов на городскую стражу. Давай-давай, выполняй. — отмахнулась она от адъютанта, но тот не шелохнулся.

Съежившись под взглядом Сивирьы, капрал нервно сглотнул и приняв строевую стойку, заговорил чуть громче, чем обычно:

— Её высочество, принцесса Солерия распорядилась передать, чтобы лейтенант Сивира Армс прибыла к ней так скоро, как только возможно.

— Да твою налево... С самого утра уже такой бардак! Стоп, когда ты получил это сообщение? Не в коридоре же ты с ней пересекался? — подозрительно закончила девушка, внимательно разглядывая сжавшегося подчиненного.

— Никак нет, я получил извещение по прибытию на пост!

«Что-то тут не то...» — подумала Сивира и вдруг вздрогнула, заметив кусочек капусты, застрявший в воротнике подчиненного.

— Только не говори мне что ты только что с обеда... — хватаясь за голову, проворчала фелисина, уже понимая, что несколько ошиблась со временем.

«Проспала! Да будь трижды благословлена эта благородная задница и её ночные посиделки!» — помянула она принцессу, за то, что по её вине Сивира первый раз в жизни опоздала на службу. Во всяком случае — первый раз без похмелья.

Жестом отпустив подчиненного, лейтенант нехотя встала из-за стола и подошла к маленькому зеркалу, возле гардероба, предназначенного для хранения парадного камзола. Взглянув на своё отражение, офицер с досадой вздохнула. Вид у неё был явно неподобающий

для появления перед Солерией. Однако ни расчесок, ни умывальника в кабинете не было. Хлопнув себя по щекам и мысленно приготовившись к возможной вербальной экзекуции, лейтенант решительно покинула кабинет.

Путь до покоев принцессы, где она обычно обитала после обеда, был неблизким и обильно сдобрен разномастным праздным шатающимся сбродом. Как правило благородного происхождения. Лейтенанта никогда особо не интересовало, что именно местная знать забыла во дворце, воспринимая этих персон лишь как элемент декора. Едва не столкнувшись с грузной и явно переедающей дамой в вычурном платье, Сивира краем глаза заметила, что та удерживает в руках стопку конвертов с какими-то печатями.

«Отлично, очередное нытье благородных особ по поводу урезания дотаций предприятиям. И конечно к принцессе Нолярис. Она же не отказывает, светило ночное, чтоб её. А разгребать все это дерьмо придется мне. Отлично, просто отлично!» — хмуро подумала фелисина. Впрочем, вскоре ее настроение стало еще хуже, когда она вспомнила о письме, что Нолярис писала от лица секретаря. Такого обилия пошлостей и ужимок Сивира не встречала даже в дамских романах, что изредка почитывала в целях общего развития. Но девушка старалась не сильно переживать по этому поводу. Она твердо решила, что письмо никогда не достигнет адресата, так как она же сама и заведует почтой принцессы. Так что эту проблему можно вычеркнуть.

Жаль, что так же нельзя поступить с «высоко духовным» потоком сознания Нолярис, на тему взаимоотношения полов и бесконечных красочных описаний эротических фантазий.

«Мужика ей надо, а не секретаря... Еще пара таких ночей и я к минотаврам переvedусь!» — твердо решила Сивира, взбираясь по винтовой лестнице ведущий на жилой этаж. Поприветствовав почетную стражу, несущих дневной караул возле покоев правительницы, девушка глубоко вздохнула и, приготовившись к чему угодно, постучала в дверь.

— Войдите. — донесся сосредоточенный голос Солерии и Сивира для себя решила, что это не предвещает ничего хорошего.

— Ваше величество, лейтенант Армс по вашему приказанию прибыла! — громко и четко отрапортовала девушка, замерев по стойке смирно.

Самое могущественная дама Фелерии сидела на своей кровати, перед придвинутым кофейным столиком, на котором громоздилась целая кипа различных бумаг. Солерия быстро смерила взглядом вошедшую Сивиру и жестом подала команду «вольно».

— Наши с вами представления о «явке при первой возможности» несколько отличаются, не так ли? — возвращаясь к бумагам, проворчала принцесса и тут же прервала еще не начавшиеся оправдания. — Знаю, знаю... Мне доложили, что вы до шести часов утра находились в распоряжении Нолярис... Не важно, в любом случае сейчас не до того. — устало поморщилась она и быстро приложившись к чайной кружке, в которой было явно нечто покрепче чая, жестом пригласила Сивиру присесть на одно из кресел возле кровати.

Присаживаясь, офицер с удивлением отметила, что принцесса выглядит едва ли не хуже ее самой. Ее ночная пижама была помята не хуже лица, на котором присутствовали явные признаки недосыпа. Круги под глазами — не то, что ожидают подданные от своей правительницы. «Да уж, она-то фигней не страдает. Моей „командирше“ явно есть чему у нее поучиться...» — про себя хмыкнула лейтенант.

— Так... — выдохнула принцесса, и принялась быстро перебирать бумаги, откладывая часть из них в папку. — Лейтенант, перейдем к главному вопросу. Как вы считаете,

королевская стража или лунная гвардия способна противостоять группе людей, вооруженных огнестрельным оружием? — бросив быстрый взгляд на удивленную фелисину, проговорила Солерия.

«Что? Ох, только не говорите, что Лукин там опять что-то отчудил... Вот дебил! Его недавно чуть не повесили, а он опять за старое! Придушить мало...».

— И нет, я не про нашего общего знакомого и его компанию. Я про иных, «гипотетических» людей. — добавила правительница, видимо правильно прочитав выражение лица офицера.

— Эм... Прошу прощения, ваше...

— Оставьте формальности. — коротко сказала правительница.

— Я не совсем понимаю сути вопроса. Речь идет об аресте или...

— О вооруженном противостоянии. О войне, если хотите. — буднично ответила принцесса, вгоняя Сивиру в еще больший ступор.

«Да что за хрень тут происходит!? Она же это не серьезно? Так, стоп, может это какая-то проверка? Так, вопрос поставлен, нужен ответ, соберись, тряпка!» — девушка мысленно ударила себя по щекам.

В военном и техническом превосходстве «гипотетического» противника сомневаться не приходилось. Порой, Сивире еще снились события, произошедшие в лесу Кентервиля. Сны о гигантском многолапом монстре, явившемся из самой темной задницы мира. Правда, кошмарами эти сны назвать было нельзя, так как они непременно скатывались в эротику, с участием огромного странствующего рыцаря странной наружности, спасающего девицу в беде и побеждающего жуткую тварь. И, к великому стыду Сивире, эти сновидения доставляли ей определенное удовольствие.

Но сны снами, а факты говорят сами за себя. Один вооруженный человек, пусть и не без труда и с поддержкой со стороны одной фелисины, но справился с огромной многоножкой. И лейтенант искренне сомневалась, что даже рота стражников бы смогла повторить этот успех. Даже приблизительно. К тому же, взвод человеческих солдат, будучи дезориентирован и в смятении, смог, второй раз за всю историю Фелерии уничтожить королевскую гидру. В первый раз, сотни лет назад, для этого потребовалась мощь обеих принцесс и поддержка сборной лучших волшебников, не говоря уже о грифонах да минотаврах. Однако, офицер так же помнила и то, что в первый раз почти одолела Лукина в рукопашном бою. Пусть он и был пьян и не ожидал атаки. Пусть он в итоге и сумел одолеть ее, но и Сивира сражалась далеко не в полную силу.

— Это... Сложный вопрос, ваше вели... Кхм. Боюсь, я не уверена, как правильно ответить. — честно призналась лейтенант, после недолгих раздумий.

— Скажите как есть. — не отвлекаясь от сортировки бумаг с личными делами стражников, отрезала принцесса.

— Ну... Как бы выразится? То что у нас называется полной задн... — лейтенант быстро замолкла, сообразив, что её понесло.

— Задницей. — быстро договорила Солерия за смущенной подданной.

— Так точно... Я думаю так — то что у нас зовется полной задницей, у них называют «понедельником». — несколько сбивчиво проговорила фелисина.

Солерия коротко кивнула, соглашаясь:

— Определенно иной уровень, верно. И поэтому есть вы считаете, что противостояние невозможно?

Неуверенно поерзав на подушке, Сивира рефлекторно пожалала плечами:

— Ну, если речь все еще идет о «гипотетическом» противостоянии, то я считаю... Ну, мне кажется, что если перенять некоторый опыт, забыть про линейные сражения, то, возможно, появятся некоторые предпосылки для успешного сдерживания. Гипотетически. — чувствую явную неловкость, нерешительно закончила лейтенант.

Она никак не могла понять, к чему этот странный вопрос? Мало похоже на праздный интерес, — старшая принцесса к такому не предрасположена. Но зачем консультироваться по таким вопросам с младшим офицером?

— Хорошо... — заключила Солерия и закончив сортировать бумаги, пододвинула доверху забитую папку к лейтенанту.

Опустошив свою чашку и, кисло поморщившись, принцесса снова повернулась к подданной и с секунду подумав, подбирая слова, заговорила:

— В девять часов утра, мэр Кентервиля доложила о чрезвычайной ситуации. Если кратко: сегодня ночью, многочисленная группа неизвестных вооруженных людей вступили в бой с лейтенантом Лукиным. В ходе сражения, лейтенант и его подчиненный получили ранения. О потерях среди нападавших ничего не известно. В данный момент раненые находятся в клинике Кентервиле. — глядя на ошарашенное лицо Сивире, принцесса не удержалась от легкой улыбки. — Так как я не располагаю никакими иными сведениями — угроза неожиданного нападения является приоритетной. В связи с этим, я собираюсь начать организацию особого подразделения стражи, способного пресечь или своевременно отреагировать на возможную угрозу. Обучение, оснащение и внутреннюю организацию, я собираюсь передать лейтенанту Лукину, как наиболее подходящему кандидату. Впрочем, это еще не точно...

«Чего!?!» — на последних словах, Сивира недоверчиво приподняла бровь тем самым вызвав у принцессы неконтролируемый смешок:

— Вы же не забыли, что я уже давно его завербовала? Вот пусть и поработает. От вас я хочу следующее... — правительница кивнула в сторону папки. — Поскольку работа предстоит весьма деликатная, то и отбор кандидатов должен быть соответствующим. Вам отлично известны «особенности» службы с вместе и против человека. Поэтому, вам следует прежде всего — отобрать кандидатов, наиболее... Толерантным к людям. Во избежание паники среди личного состава... — принцесса слегка замялась подбирая слова и даже не заметила как у ее подданной потихоньку отвисает челюсть. — Вы наиболее близко знакомы с Лукиным и лучше прочих знаете людей и их... М-м-м... «Подход». Поэтому, я хочу чтобы вы также лично дополнили каждое отобранное вами досье. Короткой характеристики от вашей персоны, будет вполне достаточно, чтобы избежать возможных ошибок в подборе кадров.

«Ага, конечно... Просто все прекрасно знают, что этот тупень не будет вчитываться в личные дела, длиннее пары абзацев. А может он и вовсе читать не умеет. С него станется...»

— Эм... Ваше величество, а... Ну-у-у... Я как бы... — пытаюсь собраться с мыслями, пробубнила лейтенант.

— У вас есть возражения? — приподняв бровь, осведомилась принцесса.

Сивира, почуяв дрожь пробежавшую по спине, быстро замотала головой и коротко отсалютовав схватила папку и едва ли не бегом выскочила за дверь.

Проводив взглядом еще не до конца проснувшуюся девушку, Солерия глубоко вздохнула. Все о чем принцесса сейчас могла мечтать — лишь пара часов непрерывного сна или кружку

самого крепкого кофе в мире. Однако ни того, ни другого ожидать не приходилось. Устало протерев глаза, правительница вернулась к бумагам.

— Слышишь, ты там поаккуратнее можешь, а? Ты, блять, боевого офицера оперируешь, а не... Эй, да больно же!

— Можно подумать, будто мне самой очень нравится ковыряться в твоей заднице, бычара ты лысый... — угрюмо отозвался голос медсестры и после небольшой паузы, я вновь почувствовал ее теплое дыхание на своей ягодице.

Ну, в целом-то она права, ручки у нее коротенькие, а ковыряться в моей жопе практически заглядывая в шоколадный глаз — сомнительное удовольствие. Тем более, если перед этим она всю ночь, в компании с Лисси и швеей латали несчастного ефрейтора. Магия там, вся хуйня... Правда, на мою жопу магии не хватило. Устали они, мол. Уродцы цирковые, етить их душу!

Но я был не особо против, ибо это по моей вине у Лисина плечевая кость превратилась в крошево. Не оставлять же парня инвалидом на всю жизнь? Одного калеки нам во взводе хватит, пока что. Так что — хрен с ней, с магией их. Но ведь можно и понежнее! Я же тут герой, бляха-муха! Отбил нападение страшных террористов, вознамерившихся покусятся на Кентервиль, да еще и спас с поля боя павшего бойца, несмотря на собственные раны! И похуй что все это пиздеж, главное что местные теперь так думают. Мне даже рот открывать не пришлось, все уже сами сочинили эпичную историю о моих подвигах. Особенно Лисин.

Ну не говорить же ему, что это я его подстрелил!? Он и так на меня недавно чуть с кулаками не бросился, а если узнает, что это моя пуля сломала ему плечо, то точно как-нибудь отомстит. В койку мне насыт или еще чего...

Впрочем хрен с ними, с койками. Мне тут жопу препарируют! Причем уже второй час. Причем тщательно сдабривая ягодицы горячим дыханием. Хотя в анатомической ущербности лилипутов есть и свои плюсы. Когда эта чертова медсестра начинала слишком хамить, я, нет-нет, да поддавал «газку». Ощувив на своих ноздрях всю мощь военно-полевой кухни имени младшего сержанта Кабанова, девушка начинала вести себя поскромнее. Правда, проблема была не только в ней...

— Равнение на окно, блять! Хули вылупился, калич хренов!? Отставить глазеть на командирскую задницу, я сказал! — переключился я на лежащего на соседней койке бойца, что нисколько не краснея, наблюдал довольно пикантную сцену.

Но боец решил что это какая-то шутка и слегка посмеявшись, продолжил свое наблюдение. Вот ведь говнюк! Или пидор? Хм-м-м... Да не, он же зоофил. Впрочем одно другому не мешает...

— Передайте своим новым друзьям, что в вас стреляли, чтобы в следующий раз выбирали более подходящие места... Ох, святые кочерыжки, наконец-то... — осеклась Свитхарт и со вздохом ухватила пинцетом за что-то внутри моей ягодицы.

Несмотря на промедол и полбутылки яблочного спирта, я все равно дернулся от боли, на что тут же получил нагоняй от «доброй» медсестры. К счастью, долго терпеть не пришлось и уже через несколько секунд садистка опустила пинцет в колбу с жидкостью возле моей койки. В спирту, вместе с каплями моей крови, оказалась маленькая, слегка сплюснутая пуля.

— Хуйня какая-то... — не обращая внимания на усталые вздохи мурзилки, я взял колбу и поднес ее к глазам.

Пулька была какая-то совсем странная. Мелкая и... Ромбовидная, что ли? Напоминает строительный патрон. Первый раз такую хуйню вижу.

Медсестра, судя по всему, решила обойтись без перекуров и тут же взялась промывать мою рану. Но я был слишком занят изучением пульки, чтобы как-нибудь отреагировать на ее бесцеремонность. Уж больно странные стволы было у нападавших. Ведь в автоматическом оружии используются только пули конической формы, но никак не такой геометрический пиздец. Иначе они тупо из магазина в ствол нормально не войдут. А тут, на тебе — мало того пистолет-пулеметы странные, так еще и боеприпасы хитровыебанные. Хотя хрен с ними — с боеприпасами. И с тепловизорами тоже.

Для бойцов, обвешанных такими продвинутыми игрушками, эти «коммандос» действовали уж больно тупо. Ну серьезно! Даже мои дауны смогут без проблем шлепнуть в лесу какого-то одиноко бредущего калеку. А эти, мало того что мазали чуть ли не в упор, так еще и тупили на каждом шагу. И при этом, в общем-то, в остальном их план был весьма неплох.

Нашли меня в лесу, значит была разведка. Внезапно атаковали, преследовали, стараясь взять в окружение, а когда все пошло через жопу, быстро отступили. И то что они могут обосраться в самом начале тоже было предусмотрено. Тот дрищ, которого я протаранил, явно стоял в оцеплении, а не просто семечки в стороне лузгал. Слишком уж хорошо все организовано, для такого хренового исполнения. Фигня какая-то.

— Да нежнее же, блять! — прошипел я, отвлекшись на ощущение иглы, проткнувшей мою задницу.

— Нежнее только за дополнительную плату... Продлевать будете, кстати? — явно издеваясь, ответила Свитхарт, на секунду прервавшись от зашивания моей жопы.

Вот ведь кошатина наглая! Издевается еще. Ну да ладно, главное, чтобы работу нормально сделала, а то хватит с меня одного увечья. Вернее — двух. Ухо-то мне оторвало нахуй... Не целиком, но ощутимую часть. Блин, и так ведь красавцем не был, а теперь вообще пиздец...

Мои мысли прервала резко распахнувшаяся дверь в палату. Привстав с койки и обернувшись, я увидел целую толпу охувших мурзилков, во главе с Кабановым. Вот говнюк! Я же ему сказал, чтобы никого не впускал!

К сожалению, ни мои угрозы, ни ворчание медсестры — не смогли выпроводить незваных гостей. Радовало лишь, что две кошатины из пятерых были тут не по мою душу. Подстилка Лисина и бледная истеричка, тут же бросились к ефрейтору и, несмотря на все слова медсестры о «покое для больного», чуть не задушили бедного придурка, в попытках обнять. Ну, вернее, это училка обниматься полезла, но работала она явно за двоих.

Я уже было порадовался что на мою голую сраку никто не обращает внимания, как возле койки материализовались сразу три морды. Оно, конечно, здорово когда за тебя беспокоятся, но не тогда, когда ты валяешься голой жопой кверху.

— Уйдите, противные! — полушутливо пытался избавиться я от незваных гостей, которые одновременно и с беспокойством и с интересом осматривали мои ранения.

Но, конечно, все мои попытки были обречены на провал и на меня буквально обрушился поток сознания сразу двух поехавших кисок. Одна требовала доступ к оружейке, с целью покарать «проклятых рейнджоперов» которые так бестактно ранили ее командира, а вторая канючила что-то про эксклюзивное интервью то ли у меня, то ли у моей задницы. Кабанов же извинялся и говорил, что не смог их остановить. Короче — полный бардак.

И только когда «добренькая» медсестричка наконец устала слушать этих придурков, она наконец соизволила набрать в легкие побольше воздуха и громогласно объявить, что если посторонние не покинут лазарет, то немедленно присоединятся к больным. Подействовало слабо. Но «посторонние» все же потихоньку начали закругляться и наконец свалили из лазарета, обещав вернуться сразу после моей операции.

Блин, нужно будет дверь чем-нибудь подпереть, а то ведь до смерти заебут, мурзилки жалостливые, мать их! Впрочем и без посетителей мои дела были не очень.

— Так, а теперь наши любимые плановые мероприятия... — пробормотала гребанная медсестра и подкатила ко мне тележку со скальпелями и дезинфекторами.

Забыл про культу, чтоб её... Блять, а я-то думал, что уже все закончилось.

Даже несмотря на окончание пыточных сеансов и наступление ночи, сон решительно не шел. Что странно, ибо я уже вторые сутки не сплю. Хотя и не удивительно, если подумать.

Сперва мне полдня латали жопу, потом руку, потом парили мозги. Еще и нужно было всех боеспособных бойцов к себе вызывать и назначать им караулы. Даже Арфу пришлось припахать. Кабанов, с какого-то хрена, позвал и её, а выгнать было бы как-то не красиво. Обидится еще... Хотя хуй с ним, главное чтобы она никого не пристрелила, а то уж больно кровожадной стала — получив разрешение взять мой личный автомат, она радостно скакала как чокнутая. Маньячина ушастая! Чуть обниматься не полезла, но, слава богу, успокоилась.

Солдаты, как и ожидалось, не особо обрадовались тому, что им придется морозить яйца в караулах вокруг города, а не бухать на ферме или жрать конфеты. Но возражений не последовало. И то хорошо — значит еще не все мозги просрали. Понимают, что и их самих грохнуть могут.

Странно, но когда я расставлял солдат по постам, что Скоков, что Пугачев, смотрели на меня с чем-то похожим на уважение. Несмотря на то, что я лежал на животе с забинтованной жопой. Видимо тоже решили, что я ефрейтора из под огня выволок. Во дураки... Ну да ладно, не разочаровывать же их?

Правда без проблем не обошлось. Едва я объяснил им, как и где выставить дозоры возле казармы, на пальцах объяснил график смен и отправил их по местам, как в окно на противоположной стороне палаты постучали. Не успел я схватиться за кобуру с Кольтом, к которому мне уже принесли патроны из оружейки, как Лисин успел запустить в палату свою блядскую мурзилку. На парадном входе, видите ли, медсестра дежурит, а она, мать её, соскучилась.

В итоге весь вечер я провел с подушкой на голове, пытаюсь не слышать бесконечные «уси-пуси» и чмоканья. Впрочем и моему терпению рано или поздно настает конец. Полобзались часик и хватит. Блин, да если бы Лисин тут валялся не из-за меня, то я вообще хрен бы терпеть стал!

Вконец заебавшись слушать все эти «сиси-писи», я пообещал ефрейтору, что если он немедленно не выпроводит свою ненаглядную на мороз, то их любования превратятся в групповое изнасилования. Причем «группой» будут они. После чего сполна насладился недовольным взглядом малявки, которая очень хотела куда-нибудь меня послать, но явно не решалась. То ли боялась, то ли была благодарна за то, что я этого дебила до лазарета донес. Интересно, как бы она отреагировала, если бы выяснилось, что именно я его и подранил? Хотя не важно. Пули эти кошечки определять не умеют, а сам я рассказывать ничего не собираюсь. Еще не настолько чокнулся.

Хорошо еще, что догадался навалить ефрейтору снега под китель, а то кровью истек бы нахрен. А так — только простудился.

Но даже при условии, что Лисин с кошатиной больше не пытались перепихнуться на моих глазах, мне все равно было как-то не по себе и заснуть никак не выходило. Хрен знает почему. Может из-за того, что меня в очередной раз пытались убить. Может из-за того, что местные травки-муравки были хреновыми обезболивающими и раны не давали покоя, а промедолом злоупотреблять нельзя. Или из-за этой, чертовой, Солярки, которой завтра

придется писать очередной отчет. Хотя, ей наверное уже все доложили. А может просто настроение такое — хрен знает.

Справа раздалось какое-то шуршание и спустя пару секунд донесся голос Лисина:

— Не спите, товарищ лейтенант?

Бойцу явно хотелось о чем-то поболтать на ночь глядя. Только не тянет меня сейчас на задушевные беседы. Блин, может спящим прикинется? Глядишь и отъебется. Хотя... А вдруг он подрочить хочет!/? Вот и уточняет, сплю я или нет. Сейчас как начнет рукоблудить... Ну нет, так не пойдет!

— Нет, не сплю. — намеренно вялым голосом отозвался и потянулся к пачке сигарет на тумбочке рядом.

Закуривая, я заметил в тусклом свете уличного фонаря, светившего через окно, как ефрейтор неуверенно почесывает свой компресс на плече, словно не решаясь заговорить снова. Застеснялся, что ли?

Блин, какие же они, все-таки, дети. Казалось бы разница у нас лет в семь-восемь, а будто пропасть целая. Прямо стариком себя ощущаю, блин.

— Разрешите вопрос... Личного характера, так сказать. — наконец тихо сказал он.

— А до завтра твой вопрос подождать не может? Ладно, хуй с тобой, дерзай. — махнул я зажженной сигаретой.

Не то чтобы мне было так сильно «влом» поболтать — заснуть-то все равно не получалось. Но я еще не забыл, как этот мелкий высерок собирался погромсать меня ножницами в местном бутике. Ну, не то чтобы погромсать, но выебывался точно.

— Даже не знаю как бы это сказать... — с нервным смешком, начал он. — Я, в общем-то, просто не понимаю, за что вы так не любите, мурзи... То есть — местных. Ну, феленидов, кошкодевочек там, и прочих тоже, наверное.

— А за что я их любить-то должен? — пожал я плечами, стараясь не засмеяться над неуверенностью бойца.

Походу он тоже думает, что теперь обязан мне жизнью и решил круто изменить отношение ко мне. Может даже за ножницы хвататься перестанет, придурок.

— Они ведь не злые вовсе. Напротив, очень милые и добрые! И очень хорошо к нам относятся! Ну, к людям то есть. Я вообще не понимаю, с чего у вас это все... А вы вечно с ними на ножах. Про вас в городе уже столько страшилок сочиняют... Детей пугают, представляете? А вам будто бы все равно. — наконец выговорил он, более-менее, твердым голосом.

— А я должен беспокоиться что ли? Пусть сочиняют. Они вообще те еще сказочники, мурзилки твои. То я у них герой, жопа горой, то редкостный мудака. Не определились еще, блин.

Я затаился и, стряхнув пепел в утку под койкой, немного поерзал — лежать весь день на животе, то еще удовольствие:

— Это они, «милые и добрые» пока у тебя автомат есть. Ты же у нас дохуя образованный, знаешь же цитату, про доброе слово и пистолет.

— Но ведь тут совсем другое! Они совсем не как люди... — запротестовал он.

— Ага, очень другое. На руку мою левую посмотри, умник. — уже начиная заводиться, взмахнул я левой культией.

Лисин как-то сразу стушевался и полез за своими сигаретами, дабы сгладить неловкость.

— Ты пойми простую вещь, ефрейтор... — начал я, после серии крепких затяжек, дабы успокоиться. — Сейчас мы, как гребанные ежики. Мяса мало, а иголок хренова тонна. Вот к нам и не лезут особо. А окажись ты тут один...

— Простите, товарищ лейтенант, но вы несете... Кхм, то есть, вы ошибаетесь. — поправился солдат, следуя моему примеру и затягиваясь.

Серия короткого кашля, подсказала мне, что боец курит какое-то говно. «Сталь», полюбому. Эту дрянь только я тягать могу, да и то с трудом. Сжалившись над подранком, я кинул ему на койку почти пустую пачку американских сигарет.

— Спасибо... И все таки, если фелениды такие, как вы себе представляете, то почему ко мне они относятся куда лучше, чем к вам? Блин, товарищ лейтенант, да даже они от обкуренного Скокова так не шарахаются, как от вас!

Судя по расслабленному голосу, солдат наконец перестал стесняться. Впрочем, его дружеский тон меня мало радовал. Только панибратства мне тут не хватало. Тогда точно — пиздец, а не дисциплина. Надо бы его на место поставить, пока не поздно.

— Нет, калич, ты нихрена не врубаешься. Вроде с «вышкой», а все равно дебил-дебилом. — Память короткая? Напомнить как ты пиздюлей от Гамбургера огреб? А теперь прикинь, что было бы, если бы я не впрягся в эти детские разборки. Тебя бы выщепили чоткие «барсики», где-нибудь в подворотне, и отхуярили «за здорово живешь». А так — даже самый тупорылый мутант знает, что будет, если он решится на что-то подобное. Понятно?

— Да-да, вы всех перестреляете, я уже понял. Вы у нас типа как «крыша»... — попытался отшутиться боец.

— Чердак, блять! — чуть громче нужного, ответил я. — Командир я ваш, дебилы вы малолетние. Или ты считаешь, что мне по приколу с вами сюсюкаться? Типа мне нравится ваши вонючие подшивы проверять или давать пинки, чтобы дом грязью не зарос?

— Эм... Ну, так-точно, товарищ лейтенант. Если честно, то в последнее время примерно так и думал. — стушевался ефрейтор, явно не ожидая такой откровенности.

— Ага, заняться мне, блять, больше нечем. С вами же так интересно! Так весело и полезно для здоровья! Всю жизнь мечтал застрять в «Котоляндии» с кучкой тупых срочников. Пиздец ты идиот... — закончил я, туша сигарету.

Ефрейтор проямлил, что-то в стиле «Извините» и поспешно затушил сигарету в утку. Он даже хотел отвернуться к окну, но лишь забавно ойкнул, вспомнив про боль в плече. Судя по всему, разговор можно считать завершенным. Еще и обиделся, походу. Козел!

Что за день-то такой несчастливый, а? Сначала пристрелить пытаются, потом — мозги заебать. Надо было его там бросить, блин.

Куранты пробили полночь еще несколько часов назад, а принцесса Солерия и не думала идти на отдых. Уже третий день подряд.

Выйдя на просторный балкон, с которого открывался хороший обзор на внешний периметр замка и западный район столицы, укутанная в белую шубу женщина устало облокотилась на посыпанные свежим снегом перила. Дворец пустовал в ночное время суток и лишь пара караульных, шагающих вдоль стены, нарушали общую тишину.

Решив, что ее никто не может здесь увидеть, снежноволосая девушка положила устало нагнулась и положила подбородок на перила. "Прямо как скучающая первоклассница на занятиях...«— невольно подумала она и быстро огляделась в поисках возможных

свидетелей. Но балкон пустовал, а караульные уже скрылись за стеной дальней башни, с которой, обычно, принцесса Нолярис вела свои ночные наблюдения.

Обычно, Солерия никогда не позволяла себе расслабляться там, где ее могли бы заметить ее подданные. Однако последние дни выдались слишком напряженные и правительница отчаянно нуждалась в отдыхе.

— «Государство вести — не мудями трясти»... Удивительно точное определение. — хмыкнула древняя фелисина, вспомнив свой старый разговор с лейтенантом.

После падения Кентердейла, Фелерия буквально трещала по швам. И дело было даже не жертвах или политических проблемах связанных с Нолярис или людьми. Потеряв один из четырех крупных городов, экономика страны понесла ощутимый урон. Чтобы хоть как-то стабилизировать обстановку, правительнице пришлось организовать лотерею и уже начать подготавливать почву для выпуска облигаций государственного займа. Вот только надолго ли этого хватит? Вместе с дырой в бюджете и снизившимися поступлениями в казну, существенно возросли военные расходы. В двадцать три раза, если быть точным. В связи с приближающейся угрозой, со стороны забытого прошлого, принцесса была вынуждена стряхнуть со своей стражи пыль и существенно расширить бюджет. Только вот каты шли, а результата не было. За столько поколений, не знавших ужасов войны, фелениды уже не годились ни для наступления, ни для обороны.

И будто бы этого было мало, вчера ночью пришло это проклятое донесение из Кентервилля. Большая группа отлично вооруженных людей едва не прикончила Лукина и одного из его подчиненных. А значит, что грядущая война будет не похожа на предыдущую. Если тысячу лет назад — фелениды сражались с феленидами, то теперь этим бедным созданиям предстоит столкнуться с куда более опасным противником. И если горстку людей еще можно было бы как-то одолеть, то как быть с тем докладом Лукина о древнем автономном устройстве, который спас его глубоко под землей столицы? Механизм, который в одиночку уничтожил десятки феленидов, вооруженных самым передовым оружием.

Солерия прекрасно понимала, что эта штукавина не просто так там оказалась. В государстве этих устройств никогда не водилось, а значит ее привезли с далекого материка на юге. Или, может, еще откуда.

«Может эти психи нашли какой-то склад или еще что-то... И вряд ли они привезли лишь ее одну. В конце-концов, ведь когда я была маленькой, в небе еще изредка пролетали огромные крепости, сыпя бомбы на давно уже мертвые форты не менее мертвых врагов...».

— Что за безумие... — выдохнула принцесса, у которой голова уже ошутимо болела от всех этих мыслей.

И больше всего ее угнетала мысль, что в своем отчаянии она одинока. Даже сестра не догадывается о всех угрозах, что нависли над ними. Солерия всегда позволяла ей вести свою спокойную и беззаботную жизнь, беря на себя все ответственные дела. Не из-за того, что она не доверяла сестре, а лишь просто хотела, чтобы единственная близкая фелисина была счастлива. Ну, или хотя бы немного довольна. И, поэтому, ограждая сестру от проблем, Солерия, сама того не заметив, невольно отдалилась от нее. Нолли смотрела на правительницу не как на старшую сестру, которая спасала ее от нагоняев матери, из-за прогулок по древним катакомбам. Даже для нее, Солерия была великой и мудрой принцессой, опутавшей Фелерию и держа рука на пульсе каждого подданного.

— Хорошо хоть «ваше величество» не говорит... — проворчала женщина, прижимаясь щекой к холодному снегу на перилах.

Что уж говорить про остальных подданных, которые смотрели своей ненаглядной правительнице в рот и поклонялись ей как живому божеству? Даже аристократы плели свои неумелые интриги лишь для того, чтобы просто встать поближе к принцессе, во время очередного приема. Однако, недавно произошло и кое-что хорошее.

Первая встреча с человеком, несомненно, сильно разочаровала принцессу. Она ожидала встретить сама не зная кого. Существа, покоровившие планету целиком и полностью, подчинившие себе каждый кусочек, заставляющие работать на себя каждое погодное явление... Да, такие создания слабо подходили под описание пьяного лейтенанта, пытавшегося украсть горсть каких-то блестяшек у беззащитной модельерши.

Впрочем, его соратники обрадовали еще меньше. Четверо молодых мужчин, которых принцесса пригласила на прием, если и не глядели на женщину подобострастными глазами, то уж точно полностью подчинялись ее авторитету. Едва Солерия намекнула, как они уже готовы были отдать все что у них есть, за весьма скромные деньги.

Но тут появился тот самый лейтенант. Помятый, с бледным лицом, на котором ясно читались следы похмелья и в грязной одежде. На фоне своих соплеменников он выглядел довольно жалко. Солерия без труда уловила брезгливые взгляды своих подданных, устремленных на вошедшего человека и уже подбирала нужные слова, чтобы без конфликта выпроводить незваного гостя, однако у него были совсем иные планы.

Ни секунды не колеблясь, он принялся отдавать приказы своим солдатам. И за неподчинение следовала немедленная расправа. Не имея ни особых сил, ни ресурсов, ни чьей-то поддержки, он смог быстро и без труда подчинить остальных своей воле. И не колебался ни секунды. Принцесса не увидела в его движениях ни грамма сомнений, ни тени страха в глазах. Только четкое понимание того, что нужно делать. Солерии не хотелось признавать, но ее действительно впечатлила эта сцена. Но все же она, как всегда, быстро сориентировалась в ситуации и решила, что ей не помешает иметь неподалеку такого кадра.

Правда и тут ее ждал сюрприз. Лейтенант никак не желал присягать ей на верность, несмотря на деньги и подталкивания в нужную сторону. Женщина даже подумывала прибегнуть к обычному шантажу, на тему убитых «негров», которых человек уничтожил вопреки инструкциям. Впрочем, она отмела эту идею, решив, что и это не возымеет нужного эффекта.

И после одного неприятного инцидента, связанного с казнью одного из солдат, принцесса и лейтенант уединились за столом... Именно тогда Солерия почувствовала разницу между феленидами и человеком. Вернее сказать, между тем кто был создан согласно чьему-то замыслу, и тем, кто родился, пройдя через миллионы лет эволюции. Разница была почти не ощутимой, но при этом колоссальной. Мышление, жесты, поведение и стремления — у людей было все подвержено инстинктам. И эти инстинкты нельзя было назвать доброжелательными. Но еще больше ее удивляло то, что пусть человек и состоял из наборов животных позывов, но, каким-то образом, он оставался полностью разумным. Более того, он полностью подчинял себе инстинкты и заставлял работать себе на пользу. Это было не менее поразительным, чем сам разговор. В первый раз в жизни, Солерия была с тем, кто вел себя как равный. Не как древний дракон, созданный лично богиней или как мама. Не как младшая сестра или простые подданные. А как тот, кому глубоко безразлично кто там перед ним. И это, пожалуй, было самым приятным событием, со времен возвращения Нолярис.

— Осталось только добиться от него чего-то более осязаемого и полезного... — с усмешкой сказала принцесса вслух.

Решив, что она стоит на балконе не меньше часа и пора бы уже закругляться да возвращаться обратно к работе, Солерия отлипла от балконной ограды и вдруг остановилась. На своей белоснежно белом платье, она заметила странно-подрагивавшую красную точку.

— Светлячок? — хмыкнула она, как вдруг заметила яркую вспышку с крыши одного из жилых домов, расположенных в полутора километрах от дворца.

Буквально почувствовав угрозу, принцесса успела воспользоваться магией и уплотнить воздух перед собой до твердости гранита. Через мгновение, в заклинание ударилось нечто, что неслось на ужасающей скорости. Чары сработали, но выпущенный снаряд был готов к этому. И лишь благодаря своим выдающимся способностям, Солерия успела наложить еще одно колдовство, прежде чем из снаряда вылетела сотня маленьких продолговатых шариков, способных превратить ее в решето. Но получилось лишь отчасти. Укрепление кожи хоть и подействовало незамедлительно, но смогло лишь смягчить удары.

Впрочем, когда, спустя секунду, упавшая Солерия открыла глаза, она несомненно обрадовалась чувству боли в теле. Ушибы и гематомы чувствовались куда лучше, чем лишние вентиляционные отверстия. Принцесса хотела было вскочить и умчаться прочь, пока еще не поздно, но тут же остановила себя. Кто бы не напал, он определенно находится вдалеке и наверняка ведет обзор с помощью какой-то подзорной трубы. А если так, то все что он видел, это как женщина остановила снаряд перед собой, но тут же рухнула, сраженный роем небольших пуль.

«Лишь бы он там „на бис“ повторить не решил... Хотя оттуда не видно, кажется.» — пронеслось у нее в голове у «мертвой» принцессы.

Но ни вспышек, ни грохота больше не было. Прележав с пару минут на холодном мраморе балкона и так не дождавшись приближающегося топота своих слуг, озабоченных странными взрывами, что по ночам раздаются на балконах замка, принцесса не нашла ничего лучше, как самостоятельно покинуть место происшествия.

«С той крыши видно быть не должно, я надеюсь...» — прикусив губу от боли, подумала она и принялась неловко сучить руками, пытаясь выползти за открытую дверь, ведущую в ее покои.

К стыду принцессы, за столько лет без практики, она уже совсем забыла как нужно ползать.

— Ну охуе... То есть, с ума сойти можно. — пропыхтела она, уже всерьез раздумывая, будет ли заметна вспышка от телепортации, или не очень.

Утро добрым не бывает. Даже если для тебя оно началось уже на закате. И если учесть, что у тебя прострелена задница, а кишечник и не думает прекращать свою работу, то вообще звездац. Срать стоя — та еще акробатика.

Чую, после всех этих приключений, меня должны взять в цирк без собеседования. А если вражеские пули продолжают попадать в интимные части моего тела, то меня будет ожидать лишь роль бородатой женщины. Так что мне еще повезло. Попади пуля немного иначе, я бы мог писать сидя.

Хотя не все так ужасно. Во всяком случае, когда я вернулся из сортира в палату, то был приятно удивлен отсутствием одного очень надоедливого и болтливого ефрейтора.

— На процедуры его повели, что ли... — проворчал я, закрывая за собой дверь и предвкушая пару часов покоя.

Откровенно говоря, Лисин успел меня настолько задолбать, что я уже начинал жалеть, что попал ему в плечо, а не в голову. Так было бы проще — погоревал недельку и свободен. А так, придется теперь всю жизнь этого придурка терпеть. Романтик хренов. Даже поспать спокойно не дал, снова свою ушастую через окно притащил. Хорошо хоть у них наглости не хватило потрахаться, пока я сплю. Хотя... Я же спал — откуда мне знать-то?

— Пусть только попробует, засранец. — снова заворчал я и уже собирался грохнуться обратно на свою койку, но вдруг остановился, заметив возле своей лежанки здоровенную бабищу.

— Не думала, что могу быть на-а-астолько незаметной. — язвительно сказала сидящая на стуле Солерия, недовольно глядя в мои ошарашенные глаза.

Вместо очередного роскошного белого платья, на ней была простая рубашка да черные брюки, но да, это определенно королева! И какого хуя она-то нарисовалась!? Еще и прячется тут, сволочь бледная. Чуть не обосрался с испугу. До инфаркта довести хочет, точно говорю!

— Какого хера ты делаешь в моем доме!? — сказал я первое, что пришло в голову.

Мне нисколько не хотелось показывать свой испуг, так что я не нашел ничего лучше, как быстро перейти в агрессивное наступление. Принцесса устало вздохнула и, разочарованно покачав головой, театрально оглядела больничную палату.

— Да-да, у меня был хреновый риэлтор и нехуй тут... — я осекся, заметив, что деваха устала в точку, чуть ниже моего пояса. — Ух ёпт...

Совсем забыл ширинку застегнуть! Хотя не удивительно, одной рукой — это тот еще геморрой.

— Ой, да полно вам смущаться. Я видела вещи и пострашнее. — лыбясь во всю рожу, проговорила Солярка. — И побольше...

Нет, ну она охуела!

— Да-да, видела ты... В чужой пизде соломинку ты видела, а в своей и бревна не заметила! Скотина хвостатая... — огрызнулся я, уже даже не пытаюсь подбирать слова.

Даже как-то забыл, что обычно я до усрачки боюсь эту «скотину». Или вернее — предпочитаю держаться подальше.

— Не думала, что вы так сильно соскучились по моей темнице... Однако это сравнение с соломинкой кажется мне невероятно точным. Так и быть, вы прощены.

Судя по просиявшей морде, эта засранка откровенно перлась от того, что получила возможность поиздеваться над кем-то. Вот вам и добренькая принцесска, на которую полстраны молятся. Плохо они ее знают, тупые мутанты. Забив на попытки застегнуть третью пуговицу в ширинке, я плюнул на пол и молча плюхнулся на свою койку. Один хрен на животе спать приходится, так что хрен с ней, с ширинкой этой.

Старательно игнорируя насмешливый взгляд сисястой королевы, я придвинул к себе тумбочку с импровизированной пепельницей и достал пачку сигарет.

— Ну, и долго ты тут торчать будешь? — как можно небрежнее бросил я, затягиваясь.

— О, я вижу в вас проснулся дар дипломатии? — еле сдерживаясь чтобы не заржать в голос, «восхитилась» принцесса. — Так ловко сменили неудобную тему и тонко уточнили продолжительность моего визита. Ох, как изящно это прозвучало — «торчать будешь»...

Блять, да она уже задолбала! Несите Лисина обратно! И бабу его тащите. Их содомию терпеть гораздо легче, чем эту мерзкую высокую гадину. И ведь не застрелить, ни вмазать ей нельзя! А она меня, как какого-то идиота чморит. Полный отстой.

Принцесса, похоже, сообразила, что за эти пять минут уже успела меня заебать по самое не могу и, немного отсмеявшись, сменила пластинку.

— Ну так... — легкомысленным тоном начала она. — Я все жду, когда же это вы спросите себя, «зачем эта прекрасная и благородная особа дожидается меня, героически преодолевая эти невыносимые запахи». — кивнула она в сторону моих берцев, стоящих возле койки.

Кстати, а ведь и правда... Какого хуя она тут забыла? А-а-а, точно! Меня же вчера ночью пристрелить пытались. Вот, видимо, и прибежала проведать — она же считает себя моим начальником, наивная дура. Блин, со всем этим бардаком я уже почти забыл.

— Ну и нахрен ты приперлась? — как можно холоднее буркнул я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Какой вы ужасный собеседник... Нельзя быть таким грубым с друзьями.

— С такими друзьями и враги нахуй не нужны, понятно!?! Хорош тащиться, задолбала! — не выдержал я.

Блин, как бы она меня сейчас раком тут не поставила, за неуважение к местной власти. Сейчас возьмет и всю палату выжжет к едрене-фене. Как тогда, в лесу возле раздолбанного Кентердейла. Мда, надо бы мне поспокойнее себя вести.

Солерия уже собиралась что-то сказать, но ее прервал неловкий стук в дверь и, спустя секунду, вошедший ефрейтор.

— Э-э-эм... Здравия желаю, ваше величество. Эм, я тут, на секунду, если позволите... — заблеял смущенный боец и быстренько подскочив к своей койке, принялся ковыряться в тумбочке, доставая оттуда свои вещи.

Секундочку. Какое такое «величество»?

— Так, блять, я не понял. Слышь, боец, ты башкой не пизданулся, часом!?! — еле сдерживаясь, поинтересовался я, у совершенно здорового и без следов прежнего ранения, солдата.

Селедка его вылечила, что ли? Везучий уродец!

— А? — откликнулся он, прервавшись от рассовывания по карманам своих сигарет.

Так, ну это пиздец! Это уже не в какие ворота!

— Хуй на!!! Где три строевых!?! Где «разрешите обратится, разрешите войти»!?! Какое, блять, «ваше величество», с-с-сученок!?! Упор лежа, обморок!!! Застрелю, урод! — во все

горло орал я, не обращая внимания на ошалевшую от неожиданности принцессу.

Но ефрейтор лишь застыл в нерешительности, глядя то на меня, то на стройную дамочку.

Ага, понятно, это он поддержки ищет. Ждет что Солярка сейчас за него вступится. Пусть только попробует, блять! Обоих пристрелю! А потом еще на трупы насру! Пусть и стоя. Им от того еще обиднее будет!

— Выполнять!!! — заорал я, хватаясь за пустую утку и швыряя ее в сторону бойца.

Попасть не попал, но истеричный звон дешевого металла о больничный пол возымел нужный эффект. Солдат нервно сглотнул и промямлив что-то невнятное тут же рухнул на пол, послушно замерев в требуемом положении. Отжимаясь под счет и, то и дело, замирая в позиции «полтора», боец сбивчиво пояснил, что своему волшебному исцелению обязан ушастой благородной жопе. Мол, пока я целый час зависал в сортире, нашу скромную обитель почтила эта наглая зараза и, едва заметив ранение бедного Лисина, тут же предложила свою безвозмездную помощь.

Собственно, это уже и так было очевидно. Но убедится все же не помешало.

И все таки, вот же гадина-то, а? Надо мной она издевается и откровенно угарает, а с этим додиком в заботливую мамочку играет. Пристрелил бы обоих!

Принцесса, казалось, наблюдала за происходящим с неподдельным интересом и даже не помышляла вмешиваться, отвечая невинной улыбкой и теплыми подбадриваниями, на жалобные взгляды ефрейтора. Ну хоть субординацию не нарушает и то спасибо. Видимо, за свои тысячу годков чему-то да научилась.

Едва я дошел до цифры двадцать, в дверь, без стука и строевых шагов, вломилась чертова медсестра и сходу обломала всю малину.

— Седлать вашу мать, да вы тут совсем сдурели!?! — нисколько не стесняясь в выражениях, завела она старую «песню о главном».

Пожалев бедного солдатики и обосрав с ног до головы его подлого и мерзкого лейтенанта, она буквально выгнала Лисина из палаты, мотивируя это тем, что здесь место для больных на башку офицеров, а не для чудом излечившихся хорошеньких человечков.

Странно, но присутствие возле моей койки божественной сущности, в виде принцессы — нисколько не помешало медсестре пообещать мне всевозможные анальные кары, едва наступит время ночных процедур. Она даже не взглянула в ее сторону, полностью игнорируя свою правительницу. Хм, то ли эта Свитхарт дохрена смелая, то ли Солерия уж больно незаметная...

— А я думала, будто бы ваши порядки не распространяются на медицинские учреждения... — откровенно угорая, протянула Селедка, едва медсестричка закрыла за собой дверь.

Откуда она знает-то!?! Тоже мысли читает!?! Да ну на... А-а-а, точно! Кабанов же к Лисси вечно устав таскает. А очкарига — та еще доносчица.

Блин, фига у принцесски память!

— Да ничего... Сам виноват. — пожал я плечами и закурил новую сигарету, добавил. — И вообще, это скорее сельская ветеринарка, а не военный госпиталь, так что все как надо.

— Ну конечно, где же еще лечится глупенькому и дикому животному, как не в «ветеринарке», верно?

— Да ты задолбала уже! Лучше жопу мне заколдуй, чтоб ее... — брезгливо поморщился я, чувствуя, что действие обезболивающих начинает проходить.

Блин, а ведь медсестричка по-любому на залупу полезет и откажется мне новую порцию колоть. И все из-за этой мерзкой Селедки! Вернее, из-за ее пагубного влияния на Лисина. И что он в ней нашел? Ну подумаешь, местное тысячелетнее божество... Я, между прочим, не сильно хуже! Потому что, во первых, я не баба, а во вторых... Ну как бы... Блин, да не важно!

— Боюсь я чувствую себя не лучшим образом, для нового заклинания... Колдовать, это знаете ли, не утками в людей кидаться. Но если вы очень хорошо попросите... — продолжила она ломать комедию.

Ага, счаз-з-з! Еще не хватало лебезить перед этой дрянью. Нет, уж лучше я и дальше буду заниматься акробатикой в сортире.

Солерия, похоже, почувствовала, что скорее мост на Сахалин построят, чем я ее о чем-нибудь попрошу. Вздохнув и театрально закатив глаза, она проворчала что-то вроде «ну так и быть» и ее глаза начали потихонечку светиться.

Никогда не привыкну к это чертовой магии. И так взгляд пугающий, а уж когда «дальний» включают... Впрочем, в этот раз я только за. Уж всяко лучше, чем валяются тут пару месяцев. Блин, что-то задницу как-то жечь начинает...

— Так... И все-таки, а нафига ты приехала-то? — решил завести я разговор, чтобы немного отвлечься от неприятных ощущений.

Она там точно колдует, а не кипяtilьник в сует? Жалко у меня башка назад не поворачивается...

— Попрошу заткнуться... А чего доброго, зад с головой тебе перепутаю... — напряженно прокряхтела она, явно погруженная в процесс.

После минуты жжения в интимных местах и кряхтения благородной барышни, я наконец услышал заветное «Ну наконец-то... Да чтобы я еще хоть раз...». И так далее и в таком духе. Судя по выражению ее физиономии, Солярка была явно не в восторге от игры в доктора. Ну да и хрен бы с ней, главное, что я теперь могу срать сидя.

Решив немедленно проверив свою вновь обретенную супер-способность, я перевернулся и уселся на койку.

— Блин... Ну спасибо тебе, что ли. — нехотя смущаясь, сбивчиво поблагодарил я, доставая пачку сигарет и глядя в пол.

— Спасибо на крекер не намажешь, знаешь ли... — проворчала Солерия, глядя куда-то в окно и, судя по всему, пытаюсь собраться с мыслями.

Походу она не врала и вся эта магия-шмагия тот еще гемморой. Во всяком случае — с людьми. Надо бы ей что-нибудь дать, что ли. Только что, блин? Не деньги же?

— Ну, могу покурить дать, если хочешь. Ну или, хуй знает... — буркнул я, затягиваясь и чувствуя себя неловко.

Уж больно хреново эта принцесса выглядит. Даже неудобно как-то.

— В другой раз. А сейчас... — выдохнула она, поднимаясь на ноги и тряся головой, будто сгоняя наваждение. — Лучше бы тебе окупить мои труды и обеспечить мне подобающую безопасность. И я бы была признательна если бы в процессе обеспечения, ты больше не ловил патроны своим задом...

— Пули, вообще-то. Патроны это... Стоп, че? Какую еще безопасность? — сообразил я, уже чувствуя как моя свежееисцеленная задница произвольно сжимается, предчувствуя плохие новости.

И таки не зря.

Как выяснилось, Солярку тоже пытались прибить. Буквально на следующую ночь, после

меня. Правда не по лесу за ней носились, а пытались ебнуть прямо во дворце из какой-то пушки или чего-то подобного. И таки почти ебнули. Так «почти», что принцесса решила не разочаровывать своих «обожателей» и прикинуться мертвой до поры, до времени. Типа, по ее логике, так будет проще выяснить кто и зачем совершил покушение. Поэтому тихо слиняла из дворца прямо в Кентервиль.

Честно говоря, я хрен понял, каким образом это может помочь «расследованию». Скорее уж ее сестру грохнут следующей. Хотя, Солерия сказала, что Звезде ничего не угрожает, но хуй знает. По-моему ей просто пофиг. Странно, а ведь не так давно я наблюдал их трогательное семейное воссоединение.

— Так... А в Кентервиль-то нахрена? У тебя тут убежище или еще чего? Бункер может? — спросил я, попутно собирая вещи по всей палате.

— Если ты свой скучный прямоугольный барак называешь бункером, то да, именно он. — уставшим голосом пробормотала принцесса, наблюдавшая за моими телодвижениями с моей же койки, на которую она рухнула, едва я с нее встал.

От вида лежащей на больничной койке стройной девушки, я даже не сразу сообразил, о чем идет речь.

— Не понял, ты ко мне в казарму хочешь что ли!? — охренел я, выронив из руки китель, который безуспешно пытался надеть, не задев покалеченную руку.

— Хочу? Ха! Поздравляю, ты только что стал победителем конкурса «преувеличитель года». — слегка повеселела она. — Но раз уж мне, к сожалению для некоторых, пока не хочется ловить новые «пули» лицом, то придется потерпеть. Перевожу для лейтенантов, «да, я иду к тебе». — добавила она, заметив мое охреневание.

Еще чего не хватало! С меня и двух дур хватит, куда третью-то!? Блять, да что бойцы-то подумают!? А если они все, как Лисин, ей жопу лизать начнут? Поклонятся может? Алтарь построят и меня в жертву принесут!? Да ну нахуй! Черт, надо бы как-то ей тактично отказать... А то на простой посыл в пешее эротическое путешествие, она может и молнию пульнуть.

— Да у меня там грязно, да и солдаты... Еще и Сэйли и еще... И вообще, котиками пахнет... — блял я что-то невразумительно, пока не заметил злой взгляд Солярка.

— Для феленида... То есть, для человека, который стольким мне обязан, тебе не помешало бы поучиться быть немного благодарным.

— Ну, за жопу-то, конечно спасибо, но...

— За лечение, за гору золота, за разрешение на проживание и, наконец, за то, что не упекла тебя в темницу, за все твои художества. Ты это хотел сказать? Так вот, пожалуйста. — краснея от негодования, проговорила женщина, видимо, уже раздумывая, какой именно магией меня испепелить.

Блин, теперь мне немного стыдно. Ну хочет она у меня в казарме тусоваться, ну пусть тусуется, мне-то что? Не сопрет ведь ничего, надеюсь...

— Да ладно-ладно, хрен с ним. — быстро согласился я наконец облачившись в форму и надев портупею с кобурой.

Солерия выглядела слишком уставшей и была готова вырубится даже на моей больничной койке, но все таки поднялась и проследовала за мной на выход. Едва я вышел в коридор, как на меня бросилась чокнутая Свитхарт и начала брюзжать что-то по поводу моих невероятных регенеративных способностей. Мол, когда солдатик чудесно исцеляется, это хорошо, а когда я — лучше не стоит.

Сказав ей пару ласковых и близких сердцу слов, я быстро свалил на улицу, убедившись, что Солерия следует за мной. Странно, но и в этот раз медсестра не обратила на принцессу никакого внимания. Даже не поклонилась и в жопу не поцеловала. Лилипуты себя так не ведут...

— Я все гадаю, это медсестра слепая или ты слишком бледная? — поинтересовался я, когда Селедка спустилась с крыльца клиники и немного поежилась от зимнего ветра.

Ни куртки, ни шубы у нее, походу, не было. Она сюда прямо в рубашке приперлась, что ли?

— Последнее что мне сейчас нужно, так это всеобщее внимание... — отмахнулась она.

Понятно, значит таки очередное колдунство. Секундочку, но ведь...

— Не понял, но Лисин-то тебя видел. Да и я тоже.

Принцесса недовольно скривилась и, двинувшись вперед по дороге, лишь брезгливо бросила:

— А своей головой когда думать начнем?

Что-то она сейчас явно не в духе. Прямо совсем. Потупив с пару секунд, я молча пожал плечами и пошел вслед за барышней, которая, как оказалась, отлично знала дорогу до казармы. Весь путь мы провели в молчании. Солярка была вымотана до чертиков, а я, от нечего делать, пытался последовать ее совету и разрешить задачу самостоятельно.

Получалось не ахти. Лишь подходя к дому, я наконец вспомнил недавние слова Валентина про невосприимчивость ко всяким колдунствам. Правда, ефрейтор-то тоже ее видел, так что, версия так себе. Хотя... Люди же вообще не особо подвержены всей этой мумба-хуюмбе, да? А я чуть более устойчивый чем остальные. Стоп, а что если Лисин не просто так лебезил перед Селедкой? Что если это очередная магия? Аура там какая или чакры обдристанные? Блин, а ведь тогда все сходится! Черт, да я умный!

— Да это же идиотизм! — донеслось в ответ из казармы, едва я взялся за дверную ручку.

Стоп, опять мысли читают? Да что же это такое-то!?

— Эротические рассказы это переживания на почве интимных отношений. Драма, понимаешь!? А не какие-то там «поебульки», как ты сказала! — снова послышался негодующий голос Бэйри.

— О да, я так переживала за эту «вымышленную» журнашлюшку! Все боялась, как бы она не порвалась! — явно издеваясь, отозвалась Арфа.

Судя по всему, на кухне опять какая-то перепалка. Блин, надо бы шумоизоляцию провести, что ли. А то вся округа в курсе, что у меня тут сумасшедший дом. А хотя, я же в роще живу...

— Я не вовремя? — изящно подняв правую бровь, поинтересовалась принцесса, видя мое замешательство.

— Да тут всегда так... — отмахнулся я, на что Солерия пробормотала нечто про то, что ей это знакомо.

Дальнейшие события разворачивались уже по знакомой колее. Раздать по соплям двум неугомонным лилипуткам, выслушать слезливые поздравления с чудесным выздоровлением, увернуться от очередной порции жалоб Арфы и неумелого флирта Бэйри. Дать по сраке Пугачеву со Скоковым за недобросовестное несение караульной службы, послушать отмазки про «да мы только-только пожрать зашли», дать пизды еще раз и послать за Кабановым, дабы тот сообразил ужин, узнать что он с Лисиным в сортире и что Сэйли таки съебала в столицу, даже не попрощавшись. Ах да, еще одна мелочь.

— А, да, забыл. Дорогие вискасы и недоразвитые дебилы, позвольте представить вам владычицу говна и пыли... Ай, больно же! Да понял я... Ладно, короче, это принцесса Солерия. И она какое-то время тут перекантуется. И это... Если кто-то решит открыть свое ебало утиное и растрепать об этом на всю округу — суровой нитью зашью. мехом внутрь, поняли? — не так грозно как хотел, закончил я, потирая ушибленную поясницу.

Можно подумать, что я специально... Просто вырвалось и все. Привычка же! А она сразу драться. Сразу видно, начальство, мать его. Только вот не мое нихуя, кстати!

— Ваше величество... — чинно поклонилась Бэйри, едва я закончил свою речь.

Бойцы молча охуевали, а Арфа же просто кивнула. Видимо, она твердо для себя решила, кто тут командир и что никакие принцессы не смеют ее поколебать в своем убеждении. Или ей просто похуй...

Как бы то ни было, когда автоматы и всякий хлам были убраны со стола, а Кабанов появился из сортира, мы, наконец-то занялись ужином.

Вернее — Кабанов занялся, а остальные просто жрали. Даже Солерия. Причем — с жадностью. Видимо магия сильно утомляет и силы пополнять таки нужно.

Странно, но за столом все было очень спокойно. Скоков пуще прежнего пытался скрыть запах перегара и сожрал не меньше двух головок чеснока. Как бы у этого алкоголика язва не открылась, блин. Пугачев нервно ерзал на стуле, то и дело пытаюсь строить глазки упорно игнорирующей его принцессе. По-любому настучать хочет. Поди, целую пачку кляуз к утру напишет, говнюк. Ну да ладно, будет с чем в сортир сходить.

Лисин же был явно не в восторге от того, что ему приходится сидеть в казарме, а не трахать свою мурзилку, но помня о недавних событиях, сопел в тряпочку и молча ел свою капусту.

Но не только на них распространялся эффект присутствия коронованной персоны. Даже журналистка с Арфой держали пасти на замке и ноги при себе. Видимо, у Селедки сейчас настолько усталый вид, что журналистка не решается начать заебывать ее вопросами. Но по восторженной моське видно — очень хочется.

И только Кабанову было глубоко насрать, кто там напротив него, королевна кошачьей страны или сам министр обороны. Жрал он как и всегда — много и с особой жестокостью к окружающим.

Блин, всегда бы так было. Можно мне тоже короноваться? А то как-то обидно. Мне-то приходится пиздюля раздавать, дабы такого эффекта добиться. А ей даже рот открывать не приходится, а все и так уважают.

Когда было сожрано все что можно было сожрать и градус неловкого молчания достиг своего пика, я наконец напомнил о себе:

— Ладно, маловероятно, что сегодня какая-нибудь хуйня приключится. Да и знаю я вас, мудаков... Сидите дома. Оружие в оружейку, мыться-бриться и отбой. И чтобы никакой «сливы» на ночь! Я тебе это говорю, Скоков! А, ну и без баб... То есть кошек. Ну это уже и так понятно, кому. — закончил я, откидываясь на стуле и принимая пепельницу из рук Кабанова.

Солерия вежливо поблагодарила младшего сержанта за вкусный ужин и остальных за приятную компанию. После чего она посетовала на собственную утомленность и, пожелав приятной ночи, удалилась с кухни. Интересно в какую комнату-то? А хотя, мне ли не похер? Не в мою уж точно и на том спасибо.

Черт, я все таки завидую. В каждом ее движении прямо чувствуется — благородная скотина! Я сам не из «Жоповки» какой вылез, но что касается манер и умения держаться, мне до нее как до Китая раком. Обидно, блин.

Арфа, будучи последней, замешкалась в дверях, будто хотя что-то у меня спросить, но почему-то откинула эту идею и пожелав мне спокойной ночи, вышла. Поди, подумала, что я тоже заебался за сегодня. В общем-то, так и есть. Ну да ладно.

Закурив цивильную сигарету я стащил с себя пояс с кобурой и положил на стол, дабы не мешался. Я и раньше без пистолета никуда не ходил, а теперь и вовсе, даже в сортир без пулемета не сунусь. Жаль только воспользоваться им не смогу, ну да ладно. Да и пулеметов у нас нет...

Со всеми этими покушениями я уже порядком заманался. Еще и этой ночью придется без охраны торчать. А ведь, если эти хреновы «коммандос» знают что Селедка здесь, то точно что-нибудь задумали. Но, откуда им знать-то? Да и стены в казарме толстые. Танк, конечно, пробьет, но откуда тут танку взяться? А уж пулемет какой-нибудь точно выдержит. Не зря же я столько бабла Потапычу давал, правильно?

Но все равно, стремно это, без караула сидеть. Я, конечно, сказал, будто сегодня точно ничего не случится, но это так, от балды. Ну не говорить же им в очередной раз, что они все дебилы и толку от них никакого? Ну кого я в патруль пошлю? Скокова? Да он напьется где-нибудь и весь патруль. Пугачев просто заснет, знаем, проходили. Лисин и вовсе к бабе своей утопает. А Кабанов мне выпавшимся нужен. Мало ли что днем стряется.

Так что придется самому тут всю ночь торчать. Вернее, не тут, а где-нибудь снаружи, но один хрен. Ну не Арфу же посылать?

— Ладно, надо бы инвентаризацию провести, что ли... — проворчал я, туша вторую сигарету и поднимаясь из-за стола.

Пока застегивал пояс обратно я покосился на часы, на которых было ровно десять часов. Как раз отбой. Все по распорядку, блин.

Правда, осмотреть оружейку мне так и не довелось, едва я закончил возиться с поясом, как на улице будто гром грянул. Вернее, это для гражданского человека гром, а вот я на полигоне порядком насиделся, чтобы уметь отличить звуки природы, от различной артиллерийской пиротехники, ебать ее рот...

Бахнуло где-то вдалеке, так что я даже не сразу сообразил что делать. Только спустя секунду, я таки догадался объявить тревогу и принялся метаться по коридору, долбясь в каждую дверь, выгребая оттуда еще не до конца одевшихся солдат и посылая их в оружейку. Хуй знает, что сможет сделать четверка идиотов во главе с инвалидом, но выбора-то и нет. Сразу застрелится, разве что.

В оружейной творился полный кавардак. Скоков сдуру сначала ухватился за

американский автомат, Пугачев никак не мог завязать берцы, Кабанов завалил оружейную пирамидку... Блять, надо было чаще их дрочить! Совсем уже разучились, уроды!

— Вашу, сука, за ногу, уже две минуты прошло! Реще, обмороки, реще! — подгонял я солдат, пока не слышал еще один раскат взрыва.

Блять, куда они там долбят-то!? Я конечно понимаю, что «коммандос» косые что пиздец, но не до такой степени. Взрывы не ближе, чем за триста метров от казармы, блин. Это же насколько хуевым наводчиком-то быть надо?

— Шлем где, урод!? Только баб ебать научился, террорист половой! Пулей шлем надел! — наорал я, на уже было выскочившего из арсенала ефрейтора без каски.

Блин, ну что за цирк... Четыре минуты уже, блять! Устав орать во всю глотку и проигнорировав схватившуюся за мой автомат Арфу, я быстро проверил собственный пистолет.

— Мы готовы? — донесся из-за спины голос Солярки.

— Че?

Барышня красовалась в накинутом на плечи бушлате и внимательно осматривала развернувшийся цирк. Секунду, это разве не мой запасной бушлатик-то?

— Я спрашиваю, мы готовы идти? — повторила она, кивнув на строящихся в коридоре бойцов.

В смысле? Она с нами что ли попрется? Да она же баба! Хотя... Огнем пуляется не хуже пушки. Ладно, похер. Окинув взглядом стадо вооруженных баранов, во главе с Кабановым и с замыкающей Арфой, я нехотя ответил, что готовы.

— Тогда следуйте за мной. — коротко бросила она и твердым шагом двинулась на выход.

Не понял, она что, командовать вздумала!? Охуела совсем!? Нет, принцесса это круто, но не в мою, блять, смену!

— За мной, в колонну по одному, на выход, бегом-марш! — командовал я на ходу, попутно едва не задавив подвернувшуюся ошарашенную журналистку.

Блин, походу и она за нами увяжется. Репортажи делать. Блять, лучше и правда сразу застрелится.

— Товарищ лейтенант, разрешите открывать огонь по готовности!? — подала голос Арфа, едва мы оказались на улице.

— Отставить, я тебе дам огонь...

— В городе. — громко сказала Солерия, уставившись на тусклые перекаты света в облаках, над Кентервиллем.

Блин, пожар там что ли... Огня-то вроде не видно. Еще и хлопки какие-то тихие. Блять, там бой что ли идет!? Да ну нахуй!

— За мной, быстро. — коротко скомандовала она и не дожидаясь ответа, устремилась вперед.

Колонна было дернулась за ней, но Кабанов, заметив мое замешательство, быстро замер на месте. Блять, час от часу не легче.

— Бегом-марш! — подтвердил я приказ и нехотя побежал вслед королевны.

Если там сейчас и вправду бой, то нам всем полный пиздец. И никакая магия не спасет. Твою мать. Еще и эта дура командовать вздумала. Сейчас в засаду заведет и конец. Да будь ей хоть сто тысяч лет, насрать. Она же нихера не знает, во что лезет!

— Ну охуеть теперь! — недоуменно заорал я, наступив на что-то склизкое и противное

на дороге.

Опять!? И когда они только срать-то успевают!? Зима же! Чертовщина сплошная!

— Ну что, видишь там кого-нибудь? — на чистом французском, поинтересовался молодой человек не отвлекаясь от портативной игровой приставки.

Он на время прервался от приключений забавного итальянского водопроводчика и подышал на замерзшие пальцы. Зима была весьма теплой даже по меркам его родного города, но все же сильный ночной ветер делал свое дело. Особенно в таком продуваемом месте, как крыша местной ратуши.

— А то я себе здесь все отморожу... — хмыкнул он и посмотрел перед собой на лежащую на животе девушку.

— Конечно вижу! Вернее чувствую. Гребанного задрота-неудачника. И кажется он за моей спиной... — раздраженно ответила та, не отрывая глаз от окуляров цифрового бинокля.

Рене устало пожал плечами, не принимая оскорбления близко к сердцу. С самого момента их знакомства, Николь только и делала, что доставала всех вокруг. И не важно, был то человек или феленид. Впрочем она никогда не переходила черту и не прибегала к чему-то большему, нежели словесные оскорбления или пара оплеух. И, насколько было известно французу, последнее применялось лишь однажды — когда Рене имел неосторожность зайти в общую ванную без предварительного стука и имел несчастье застать там ее в неглиже. Или же к счастью. Молодой парень был почти уверен, что зрелище стоило пары затрецин.

— Ты взад смотришь? — снова послышался голос девушки.

— Что? — Рене опешил на секунду, быстро пытаюсь сообразить, пялился ли он сейчас на ее, обтянутую в армейские штаны, задницу, но через несколько секунд до него дошло. — Не «взад», а «назад». Военные еще говорят «следи за тылом» или как-то так. Твой французский...

— Я тебя, дер троттель, спрашиваю, ты смотришь или нет!? — резко оборвала Николь своего напарника.

— Да-да, конечно!

Парень быстро отвернулся в противоположную девушке сторону и бегло осмотрелся вокруг. Спящий городок выглядел все так же безмятежно. С высоты мэрии, Кентервиль выглядел на удивление милым и дружелюбным. Как и его жители, что сейчас мирно спали по своим домам, даже не догадываясь о вооруженной парочке людей, без труда забравшейся в самое сердце города.

«Если бы не это странное дерево с окнами, то можно было бы подумать, что я где-нибудь на родине». — с небольшой грустью подумал Рене, задержав взгляд на местной библиотеке.

— Ты вообще понимаешь, зачем мы здесь? — послышался на удивление спокойный голос Николь.

— Конечно понимаю!

— Тогда какого... Как это слово!? Вас цу хелле ты в игрушки тут играешь!? — мгновенно взорвалась она, переходя с французского на немецкий и обратно.

— Да скучно, просто... И ты, наверное, хотела сказать «какого черта»... — снова покраснел парень, про себя усмехаясь сильному акценту своей знакомой.

Николь, по ее словам, пол-жизни прожила в Саарбрюккене, поэтому неудивительно, что

она довольно неплохо знает французский. Однако немецкий акцент все еще был слишком сильным, особенно, когда она злилась.

— Шайзе, ну почему мне в напарники послали именно тебя... Хотя, остальные такие же идиоты.

Девушка недовольно вздохнула и, отложив в сторону прибор наблюдения, решила в очередной раз проверить свое оружие.

— Вообще-то, я довольно неплохо справился в прошлый раз. — оскорбленно заметил француз.

Девушка ничего не ответила и лишь когда футуристично выглядящая винтовка вернулась из ее рук на свое место, она наконец сказала:

— Ты про тот раз, когда тебя едва не трахнули?

— Да не собирался он меня трахать! Он меня убить хотел! Надоела ты уже со своими... — запротестовал молодой человек, стараясь не повышать голос сверх меры.

— Ну да, сначала убить, а потом трахнуть. И только я спасла тебя от страшной участи, стать жертвой русской анальной оккупации. Поверь, это дорогого стоит! По ящику целый сюжет был. — не скрывая издевательской улыбки, проговорила девушка и насладившись видом возмущенного напарника, вновь вернулась к окулярам бинокля.

Рене снова поежился, но он точно не мог сказать, от подувшего ветра или неприятных воспоминаний.

Казалось бы, вас шестеро, вы вооружены оружием, которое не в каждом фантастическом фильме можно увидеть, на вашей стороне внезапность, тщательно разработанный план и полное техническое преимущество. Что может пойти не так?

Как ни странно — абсолютно все. То ли у этого офицера шестое чувство, то ли он как-то еще смог раскусить засаду, но он не только сумел выйти из под огня, но и пошел в атаку. С одним пистолетом и без левой руки. Против шестерых! И как это не парадоксально звучит, офицер преуспел.

Позже, уже дома, Рене, вместе с остальными участниками операции обсасывали каждый момент, тщетно пытаясь понять, что и где пошло не так. После двух часов раздраженной жестикуляции и взаимных обвинений, сошлись на отсутствии должного опыта и недооценке сил противника. Ибо, вместо вместо обещанного покалеченного связиста, они напоролась на какого-то спецназовца, который сам их едва не покалечил

И на том, что им сказочно повезло, что все ушли живыми и, относительно, здоровыми. Кроме Элен и Рене. Первая поймала пулю в тепловизор и едва не осталась без глаз, а несчастному француз, «посчастливилось» участвовать в рукопашной — в виде груши для битья.

Как бы парню не хотелось, но все же он не мог полностью отрицать, что в тот раз, девушка и впрямь спасла его. Но признавать это вслух он не собирался.

— Так спасла, что меня чуть не пристрелила... И вообще, я не про тот случай, а про последний!

— Ах, ты опять про свой хелдентат... — без былой насмешки в голосе, осведомилась она.

— Ну, не подвиг, конечно... Но тем не менее мы с Андерсом справились отлично! — немного смущенно кивнул парень.

— Ага, выстрелить в кацзенфрау трех километров из самонаводящейся пушки... Воистину, подвиг достойный легенд! Как придем на базу, я вся твоя, о Зигфрид! —

хихикнула Николь, искренне издеваясь.

Рене лишь раздосадованно засопел. Конечно, нажать в нужный момент на кнопку — так себе подвиг. Но ведь, тем самым, он уничтожил древнее божество. Собственноручно прикончить создание, что тысячелетиями держала эти земли. Такое только в кино или играх бывает. Так что, Рене, искренне рассчитывал на толику уважения от своих новых товарищей. И не зря, в их, с Андерсом, честь, даже закатали пирушку. Даже сам шеф заявил, что это событие войдет в историю.

Однако от Николь нельзя было дожидаться даже капельки одобрения. И это немного задевало.

— А это еще что за панзеркляйн!?

Удивленный возглас напарницы, вырвал парня из круговорота жалости к себе и мыслей о несправедливости мира. Несколько рассеянно, он вынул свой бинокль из чехла.

Всего через пару сотен метров от них, в доме, что ближе к яблонево́й роще, на крыше маячила какая-то странная человеческая фигура. До Рене не сразу дошло, что незнакомец выглядит несколько больше обычного человека. И только когда автоматика цифрового бинокля смогла отрегулировать изображение, француз ахнул:

— Да это же силовой доспех!!! — во весь голос воскликнул он, мигом позабыв обо всем на свете.

— Чего!? Ты чего несешь, какой еще... — снова зашипела девушка, но замолкла в момент, когда незнакомец скинул с крыши мешок особо внушительного размера.

От раскатившегося грохота, казалось, вот-вот вылетят стекла по всему городу. Когда же, вслед за мешком, прыгнул и сам человек, то ходуном заходили не только стекла, но и, как показалось Рене, даже стены.

— Ну броня силовая! Ну, типа, бронированный скафандр с сервомоторами или чем-то еще! — не обращая внимания на испуганное лицо девушки, загараторил француз. — Такие штуки уже давно военные разрабатывали. И в играх они есть. Черт, это ведь рабочий образец! Как гребанный железный человек! Черт, где моя камера...

— Ладен зи ваффен. — сквозь зубы произнесла Николь, явно не разделявшая восторгов товарища.

— Что? В смысле «заряжай»? — оторопел француз, но получив ощутимый удар каблуком ботинка по колену, быстро подчинился.

«А пушка точно его пробьет? Мы ведь не брали бронебойные...» — с сомнением подумал парень, расчехляя легкую переносную установку неизвестной ему конструкции и открывая казенную часть:

— Слушай, а что если это не он, а? Нам ведь ведь сказали, что нужно устранить только...

Его слова, прервала серия выстрелов — Николь, решила воспользоваться своим личным оружием, не дожидаясь основного. Рене с досадой выругался вполголоса, но так, чтобы напарница его, не дай бог, не услышала. Сжимаясь от громко ухающих винтовочных залпов, парень закончил ковыряться с казенником и громко, чтобы перекричать выстрелы, доложил о готовности.

Не теряя времени зря, девушка откинула винтовку и, прильнув к прицелу установки, уверенно нажала на пуск. Ракету со свистом выбросило из установки и, спустя мгновение, включившийся реактивный двигатель, унес ее далеко вперед. Однако, вместо цели в виде бронированного человека, ракета нашла лишь одиноко стоящий пень, в лесу, неподалеку от

города. Установка была развернута не в ту сторону.

— Подожди, я сейчас все... — начал быстро оправдываться француз, стараясь отойти от Николь как можно дальше.

— Заряжай... — багровея, повторила она команду, видимо решив, что сейчас не самое лучшее время для экзекуции напарника.

Взрывы и вспышки, похоже, ничуть не волновали странного металлического человека. В бинокль, Николь наблюдала, как незнакомец, отряхнув от грязи и снега свои ноги, закинул на плечо недавно сброшенный мешок, по габаритам, не сильно уступавшим человеку.

— Готово!

— А теперь разверни орудие... Найн, хальт! Я сама!!! — опомнилась девушка и бесцеремонно отпихнула напарника.

Следующая ракета попала в цель. Яркая вспышка пламени, грохот, выбитые стекла в соседних домах. Рене уже начал всерьез беспокоиться, не задело ли взрывом, кого-нибудь из местных жителей. Но, видимо, фелениды то ли привыкли к громким взрывам посреди своего города, то ли просто предпочли не лезть на рожон и сидеть по домам. Да и домов, к счастью, было лишь два. Клиника, где должна находится цель, да чей-то домик. Больше зданий на той стороне улицы не было.

— Витцен зи... — разочарованно проворчала девушка, бросая бинокль и снова хватаясь за винтовку.

Как бы красиво не взорвалась ракета, как бы громко и раскатисто она не громыхнула, но цель это не слишком впечатлило. Когда дым едва-едва рассеялся, пара «ракетчиков» с удивлением обнаружила все того же бронированного человека, который ошалело осматривал то, что осталось от его мешка.

Немка выпускала пулю за пулей, но все они, с искрами и звоном просто отскакивали от массивной черной брони. Не обращая никакого внимания на выстрелы Николь, отчего та принялась стрелять вдвое усерднее, неизвестный принялся метаться по обугленной земле что-то выискивая. Отмахиваясь от идущего со всех сторон пара из-за испарившегося снега, человек нагнулся и поднял с земли что-то непонятное.

«Дверной замок, что ли?» — подумал француз наблюдая, как человек разочарованно отбрасывает от себя железку.

— Давай вундерваффе! Нет, сама... — подала голос напарница и положив винтовку, кинулась заряжать «главный калибр».

— Подожди, ты же полгорода разнесешь! Эй! — запротестовал француз, с ужасом наблюдая, как девушка достает из ящика ракету, фиолетовой маркировкой.

Но её было уже не остановить. Во всяком случае, парню это было точно не под силу. Когда он попытался загородить дорогу напарнице, она лишь небрежно его оттолкнула. Да так, что он едва на ногах устоял.

— Только не промажь! — взмолился Рене, бессильно стискивая кулаки, глядя как Николь трясущимися от возбуждения руками заряжает ракетную установку.

— Не промажу. Отвали уже!

Пока Николь прицеливалась, Рене вновь приложил бинокль к глазам.

«Железный человек» продолжал проявлять чудеса флегматичности. Он все ходил взад-вперед, то и дело, подбирая тот или иной предмет, проверяя их целостность. Казалось, что он даже не понял, что по нему стреляли.

«Подожди, а у него оружие-то вообще есть? Или мы, что, стреляем в безоружного!?!» к

своему стыду сообразил француз, когда девушка почти закончила приготовления. Он уже хотел остановить напарницу во что бы то ни стало, как незнакомец поднял с земли какой-то огромный лом. Или небольшой столб — парень так и не понял, пока автоматика бинокля не отрегулировала изображение.

«Да ну к черту!» — округлил он глаза, рассматривая как человек стучит здоровенной пушкой по обугленной стене дома, отряхивая ее, то ли от грязи, то ли от капель.

— А теперь, как говорил мой прадедушка — дас фюер!!! — во все горло, восторженно крикнула Николь и снаряд, с фиолетовой маркировкой, с хлопком, вылетел из ствола.

«Только бы никого из местных не задело!» взмолился француз, задирая голову и глядя в хвост улетающей ракете. В этот раз, снаряд полетел не по прямой траектории. Отлетел от крыши на пять метров, он резко включил реактивные двигатели и устремился прямо вверх, словно стараясь протаранить облака. Взлетев высоко над городом и развернувшись в сторону цели, он разорвался с яркой вспышкой, почти как фейерверк. Спустя секунду, с неба на моторизованный доспех полетело не меньше сотни маленьких, не больше перепелиного яйца, снарядов. Незнакомец как раз закончил отряхивать свое орудие и с интересом обернулся на ночное небо, видимо, заинтересовавшись внезапным «салютом».

— Получите, хюнден!!! — радостно закричала Николь, когда лавина накрыла противника.

Врезаясь в крепкую броню, снаряды хлопаясь, как попкорн в микроволновке, взрывались, оставляя после себя лишь дым и летящие во все стороны осколки. Через мгновение, половина улицы утонула в дыму. Было видно, лишь как медленно, кусок за куском, рушится дом, с которого недавно спрыгнул незнакомец.

«А ведь мы хотели обойтись без лишних разрушений...» — со смесью разочарования и злости, Рене взглянул на восторженную девушку. — «Чему радуешься, идиотка?».

Наконец, канонада смолкла и в наступившей тишине, слегка оглушенный парень, слышал лишь как возбужденно дышит его знакомая. Во всем городке, то тут, то там, то загорался, то гас свет. Рене заметил как из пара ушастых человечков осторожно выглядывают из окон в домах. По изначальному замыслу, никто из жителей не должен их заметить. Но теперь парню было уже все равно.

Всего-то нужно было: дождаться появления офицера, пристрелить его, по возможности, не задев его солдат и смотаться прочь. Просто подождать, пока цель подойдет покурить к окну клиники, где он сейчас должен находится, или выйдет на улицу. О излишнем пристрастии цели к сигаретам было хорошо известно. Огонь по самой клинике, допускался лишь в случае, если до утра офицер так и не покажется. Схема такая же, как и с Солерией. Поправка лишь на живучесть противника.

— Да какого хера?!

От крика напарницы, полного детской обиды и негодования, Рене дернулся и скомканными движениями прижался к биноклю.

Дым рассеялся достаточно, для того, чтобы понять — атака успехом не увенчалась. Прижимая свое орудие, словно ребенка, к груди, незнакомец замер посреди усыпанного кратерами «лунного пейзажа». На броне виднелись небольшие сколы и царапины, но и только. Ракета, что, согласно учебному фильму, предназначалась для уничтожения танковых колонн через вертикальную броню, нанесла доспеху лишь незначительные повреждения.

Постояв какое-то время без движения, ходячий танк наконец вышел из оцепенения. Оглядевшись вокруг, он, как показалось, с некоторым удивлением обнаружил себя в

внушительного размера воронке, по колено в земле. Встрепенувшись и смахнув с себя пепел летящий от медленно тлеющих развалин деревянного дома, незнакомец, несколько лениво, вылез из воронки и развернулся к парочке на крыше.

— Проклятье... Он нас увидел! — с ужасом воскликнул Рене, когда слегка алые визоры на шлеме уставились прямо в бинокль парня.

Он уже представлял, как человек вскидывает свое монструозное оружие и дает залп по крыше. «Ну почему мы не взяли бронебойные!?» — с досадой сжал кулаки француз.

Но противник лишь поднял бронированную руку к голове и покрутил пальцем у виска. Медленно, отчетливо, можно сказать — с выражением. Так, чтобы они видели.

После чего, с явной досадой пнул какую-то железку под ногами и, махнув на все попытки собрать содержимое взорванного мешка, быстрым шагом устремился прочь, прямо сквозь горящие развалины.

— Рене... — послышался тихий голос Николь.

Судя по тону, она готова была плакать:

— Это... Это ведь не тот русский, верно?

Кажется, до нее начала доходить вся глупость ситуации.

Парень не нашелся с ответом и лишь молча пожал плечами, не обращая внимания, что Николь смотрит совсем в другую сторону. Вслед странному бронированному человеку. Абсурдность происходящего оказалась чрезмерной для них. Какое-то время напарники просто стояли и молча смотрели на горящие развалины, не решаясь заговорить. Рене еще никогда не чувствовал себя таким жалким. Николь, похоже, тоже.

«Ну, хотя бы никого из местных, кажется, не задели. Дом, похоже, пустой был, а в остальных лишь стекла повывлетали... Черт и чем мы только занимались!?».

— Давай... Давай сворачиваться, а? — устало сказал парень, кивая на тень какой-то высокой фелисины вдалеке. — А то местные уже зашевелились. Потом уже можем...

Француз вдруг осекся и пару раз удивленно моргнув, быстро прильнул к биноклю.

«Да быть не может!».

— Рене!? — послышалось шипение Николь.

Парень, внутреннее сжавшись, взглянул на напарницу, что тоже смотрела в окуляры. Он еще раз посмотрел на далекого белого аликорна и нервно сглотнул.

— Подвиг, значит!? Ах ты лживый кусок... — девушка осеклась на полуслове.

Позади бегущей принцессы, в ночной тьме, освещаемой лишь бледными фонарями, мелькали человеческие силуэты.

— Хочешь просрать, доверь дело французам... Чтоб вас! Заряжай! Потом тебя убью... — беря себя в руки, скомандовала она и парню не оставалось ничего иного, как подчиниться.

Вообще, говорят, что государство любит брать в долг и ненавидит платить по счетам. Наверное это правда и по отношению к местной Кошколяндии. Все-таки, Селедка — та еще жопа с дыркой, хоть и прикидывается дофига доброй. Все эти ее деньги, ужимки и разговоры по душам — не более чем пряник, на который она заманивает наивных лохов, чтобы затем их поймать как следует. Или, в моем случае, просто подмять их под себя.

Я почти полностью уверен, что в подходящий момент, Солерия кинет меня без колебаний. И еще выставит это в нужном свете... Политика, ебать ее в сраку.

Но в этот раз она почему-то решила поступить иначе. Наверное потому, что вместе с моей задницей, в комплекте шла и ее. И слава яйцам!

Едва я заметил далекую вспышку света, как Солерия уже метнулась вперед и буквально закрыла меня собой. Вернее, всех нас, ибо она зафигачила какой-то то ли щит, то ли барьер, хер знает. Меня и колонну солдат будто закрыло какой-то прозрачной подрагивающей стеной. Внушительный на вид снаряд, просто повис в воздухе всего в паре метров перед нами. Но этот гребанный кусок неведомых технологий явно не собирался так просто сдаваться.

То ли электроника у него особо продвинутая или рассчитанная на всякую магическую мумбу-юмбу, то ли еще чего, но с секунду повисев в воздухе, он врубил еще один реактивный двигатель. Да так мощно, что Солярку, аки бульдозером, начало тащить назад, до тех пор, пока она не уткнулась густой шевелюрой мне в нос.

Я не придумал ничего лучше, как упереться в ее спину и попытаться «отбуксировать» обратно. Жить захочешь и не такую хуйню сделаешь, блин...

Но, то ли силенок у меня не хватало, то ли принцесса была больно жирная, но, кажется, все чего я добился, так это недоуменного взгляда бледной королевны. По-моему она решила, что я пытаюсь ее облапать. Ну, типа, ситуацией воспользоваться или что-то вроде того. Хотя маловероятно, не такая же она дура?

Блять, о чем я думаю!?! В нас тут артиллерией хуярят!

Едва я усомнился в умственных способностях принцессы, как снаряд перестал тужиться пересилить барьер и просто напросто рванул, осыпав невидимую стену кучей мелких осколков. Блин, я таких спецэффектов даже в кино не видел.

Правда, порадоваться новым впечатлениям я не успел. Едва осколки упали на землю, как в барьер полетел еще один гостинец. Хрен пойми откуда взявшийся снаряд, едва не коснулся носа принцессы, когда та, то ли укрепила, то ли заново наколдовала свою защиту.

— Да вы охуели там!?! — только и смог выдохнуть я.

Черт, долго мы так не протянем! Точно, такими темпами нам пиздец. Судя по дрожащим плечикам Солярки — долго свою мумбу-юмбу она не удержит. Надо уже что-то делать. Не подпирать же мне и дальше ее за сраку!?!

— Взвод, к бою, слева-справа! Колоннами по одному! В направлении движения! Огонь только по цели! Короткими, бегом-марш! — проорал я первое что пришло в голову, тщетно пытаясь найти хоть какой-то выход из ситуации.

Оглянувшись на бойцов, я ожидаемо отметил их пребывание в шоковом состоянии, близком к полному охуеванию от происходящего. Только Кабанов, как обычно, не

заморачивался и тупо выполнял приказы. Хватая за шкурку Лисина, он уже ломился в ближайший переулочек. Немного погодя, за ними бросилась и Арфа. Блин, а я про нее уже и забыл... Кстати, Бэйри что-то не видно. Дома что ли осталась? И на том спасибо.

Стоп, а куда они собрались-то!? Стреляют-то с другой стороны, блять! Они поссать решили или съебаться!? Гребанные идиоты!

Ладно, хер с ним, всяко лучше так, чем стоять как Скоков с Пугачевым и тупо таращиться на реактивную струю от ракеты. Или снаряда? Да какая разница!? Селедку продолжало «буксировать» на меня и до стены клиники оставалось не больше метра. Такими темпами, меня об нее расплющит! С одной стороны белая стена, с другой бледная жопа! Ебанный анекдот, а не смерть!

— Хули встали!? Сюда, живо! — скомандовал я двум оставшимся обморокам и дождавшись их реакции, передал им честь удерживать августейший зад.

Так, а дальше-то что? Стоять и тупо таращиться как Селедка играет в гляделки с ракетой? Не, я не в настроении. Надо думать, соображать, блять...

Это ведь по-любому те же самые дебилы, что пытались грохнуть меня в лесу. То есть, они дилетанты... Что это значит? Э-э-э... Хуй его знает, что-то мне туго соображается, под артиллерийским, блин, огнем!

Под откровенно ошалевший взглядом Солярки, я достал сигарету и начал чиркать зажигалкой. Что это она удивляется? Не от реактивного сопла же мне прикуривать? Гребанная ракета! Кстати, походу она сейчас бахнет...

Будто прочитав мои мысли, ракета и вправду рванула, отшвырнув принцессу еще на полметра назад. Скоков успел вовремя отскочить, а вот Пугачева припечатало о стену королевской жопой. Впрочем не сильно, он даже смог удержаться на ногах, ухватившись за объемную грудь Селедки, отчего она явно не была в восторге. Да и я тоже. Завидно, блин!

И в этот же момент, откуда-то спереди, прилетел еще один снаряд. Вроде бы шмяляют с той крыши. То ли часовня какая или администрация...

— Да ты заебал!!! — не выдержал я и плюнув на все, понесся по, как мне казалось, направлению выстрелов.

Хренли еще делать-то!? Ждать пока у врага снаряды кончатся? Блин, ведь по-любому на засаду напорюсь, ну сто процентов просто. Будь я на их месте, во дворах бы еще и растяжек нахерачил... Еще и Кабанов куда-то не туда почесал, придурок. Господи, да когда этот бардак кончится!?

— Что значит «кончились»? — заорала Николь, от чего у бедного француза подкосились ноги.

— Ну-ну-ну... Ну нету их больше... Мы же всего один ящик несли! Я нес, точнее... Ай! — всхлипнул парень, получив ладонью по уху.

Глядя на плаксивую мину напарника, девушка уже собиралась добавить ему еще, но замерла с поднятой рукой, заметив чью-то массивную тень, мелькнувшую в переулочке недалеко от мэрии.

— Пистолет с собой? — вдруг совершенно спокойно спросила она.

Рене удивленно моргнул и, перестав тереть след от пощечины, принялся охлопывать свой пояс, в поисках кобуры.

— Да, вот, держи! — с ноткой гордости в голосе, протянул парень небольшой черный пистолет.

«Шайзе, какой же он идиот...» — вздохнула Николь и на ее лице промелькнула тень улыбки.

— Да не мне его суй, тупица! В руке держи. Да, вот так. Давай, спускайся уже отсюда. — скомандовала она и, игнорируя непонимающий взгляд напарника, подняла свою разряженную винтовку.

То ли от чужого взгляда, то ли от приближающейся опасности, но Николь все никак не могла найти свой запасной магазин. Она то лезла в рюкзак, то проверяла свой пояс, попутно размышляя, что слишком рано бросила курить. В этот момент, девушка многое отдала бы за сигарету. Вздохнув и помечтав о табачном дыме, Николь прервала поиски и взглянула на стоящего на месте парня. Он так и не сдвинулся с места, нервно оглядывая свое оружие.

— Ты еще здесь, придурок!? Бегом к веревке! Шлелль-шнелль! — срываясь на все более и более сильный акцент, зашипела она.

— А ты как!? Ты же не успеешь! Давай лучше ты первая, а я тебя... — начал спешно тараторить француз, но девушка бесцеремонно прервала его.

Приблизившись, она схватила Рене за шкирку и, как нашкодившего щенка, насильно поволокла в сторону свисающего вниз тонкого каната.

«Герой хренов... А я ведь два раза сказала ему поднять веревку на крышу, чтобы никто не заметил!» — по привычке обругала Николь своего непутевого напарника, но вслух ничего не сказала. «И так целый час с ней провозились, пока вещи поднимали. Устал он, потому и забыл... Задрот чертов.»

Как бы девушка не старалась, но злиться на своего товарища у нее сейчас не получалось.

— Давай, я сразу за тобой! — подбадривала девушка, помогая Рене прицепить карабин со страховкой к поясу.

Пока парень возился, она быстро посмотрела через бинокль в сторону врага.

Солерия все еще лежала на одном из солдат, в то время как второй, тщетно пытался то ли поднять ее, то ли хотя бы спихнуть с товарища. Сцена выглядела довольно комично, отчего девушка невольно усмехнулась. «Была бы у нас еще хоть одна... Черт и какого дьявола меня дернуло стрелять в ту жестянку!? Идиотка!» — с досадой обругала она себя, начиная подозревать, что возможно уже встречала оператора этой чудо-брони.

Едва ли не ногами спихнув своего напарника вниз, Николь, на секунду задумавшись, сплонула и ловко ухватившись за веревку, заскользила вниз. Она уже представляла себе лица остальных и, особенно, шефа, когда они узнают, что группа бросила свое оружие, считай, подарив его противнику. Поэтому, спустившись на землю, скомандовав напарнику бежать вперед, девушка молча достала из-за пазухи цилиндрическую гранату и с силой зашвырнула ее обратно на крышу. Она не думала, что такой взрыв может сильно навредить оставленному оборудованию, но это было лучше, чем ничего.

«Да хрен бы с ним! Ни ракет, ни патронов! Самим бы свалить...» — раздраженно фыркнула Николь, мысленно посылая в пешее эротическое путешествие всех своих знакомых. Сняв с бедра пистолет, она обернулась и с довольной ухмылкой отметила, что в этот раз Рене уже скрылся за переулком.

К собственному удивлению, девушке очень не хотелось, чтобы напарника сцапали. Сама она, как считала, еще могла бы стерпеть пару-тройку изнасилований и пыток в застенках ГУЛАГа, но за парня у нее уверенности не было.

«Откуда у них тут ГУЛАГи-то!? С собой что ли захватили!?!» — быстро замотала головой Николь, вытряхивая ненужные мысли. Быстро оглядевшись по сторонам, она

поспешила за французом.

Однако, свернув за угол дома, тут же споткнулась о что-то большое и, на удивление, мягкое. Упершись о стену и едва удержавшись на ногах, Николь с удивлением глядела на какую-то странную фелисину в пиксельной форме и раздраженно шипящую от боли.

— Entschuldigung... — извинилась девушка, решив что это кто-то из любопытных жителей Кентервилля.

Но русский автомат лежащий на снегу прямо перед незнакомкой, говорил об обратном. Девушка, рефлекторно вскинула пистолет, еще сама не понимая, зачем, как странную кошкодевочку закрыла собой какая-то большая тень.

Николь с испугом уставилась на мужчину, раза в два больше ее самой. Через секунду она почувствовала, как ее, словно куклу, подняли за грудки и с силой впечатали в стену. От удара, легкие обожгло как огнем, а пистолет безвольно вылетел из рук. Николь пыталась закричать, позвать напарника или хоть кого-нибудь, но осеклась, так и не попытавшись. «От Рене все равно никакого толку... Пусть уж лучше уходит... А я уж тут сама!» — решила она и из последних сил, пнула громилу ногами в живот. Однако мужчина даже не шелохнулся. Он о чем-то обеспокоенно спрашивал шипящую от боли фелисину. Николь отчаянно пыталась вдохнуть в грудь воздуха, но солдат настолько сильно вдавливал ее в стену, что, кажется, у нее даже ребра трещали. Она изо всех сил начала трепыхаться, пытаясь вырваться из хватки, но здоровяк не обращал на это никакого внимания.

Лишь когда ее ботинок пнул человека куда-то в область паха, мужчина наконец удостоил девушку взглядом.

Как-то обиженно взглянув на Николь, рыжий громила раздраженно вздохнул, отпуская автомат из второй руки. Последнее, что заметила девушка, это как здоровяк сжимает руку в кулак.

То ли от адреналина, то ли от врожденной тупости, но я умудрился заблудиться. Петля между почти бессистемно расставленными домиками в которых, то тут, то там, любопытно загорался и тут же испуганно выключался свет, я каким-то образом смог потерять направление. Ну что это за лилипуты такие, а!? Они вообще понимают, в чем отличие, между городом и лабиринтом? Или им по приколу каждый раз подсказывать всем дорогу? Или плутать в этих переулках? А что, может и так. Они же, блять, общительные да игривые! Мать их...

Одно радовало, лупить перестали уже как пару минут. То ли ракеты кончились, то ли таки попали, куда хотели. И каким бы заманчивым не был первый вариант, уповать на него было бы верхом тупизны.

— Блять, да где я!? — в сердцах сплюнул я, стоя посреди какого-то незнакомого переулка и почесывая лоб Кольтом.

Вдруг где-то, совсем рядом, громынуло. Судя по звуку, это был то ли очень большой фейерверк, то ли ручная граната. Поставив на второе, я ломанулся в сторону взрыва и оказался перед небольшой развилкой. То ли направо, то ли налево... Блять, да что не так с их архитекторами!? Ведь главную улицу-то нормально сделали!

Я бы так и стоял еще какое-то время, если бы не заметил кусок дерьма, прямо возле своего левого ботинка. Я уже хотел было пройтись, как обычно, по вечно срущим повсюду уродам, но замолк так и не начав. Уж не знаю почему, но мне отчего-то показалось что это какой-то знак. Как бы тупо это не звучало.

В конце-концов, я ведь всегда вляпываюсь в дерьмо, перед тем как произойдет какая-то херня, верно? Вон, позавчера чья-то какуля мне даже жизнь спасла... Блять, идиотизм какой-то! Может я башкой уже двинулся? Скоро начну шашки из дерьма лепить и мух на них ловить... А, черт с ним!

Убедившись, что пистолет не на предохранителе я быстрым шагом пошел налево. И не зря.

Дойдя до конца здания я, едва ли не столкнулся с вылетевшим хрен пойми откуда пацаном. То что это не из моих балбесов, было сразу понятно по форме городской раскраски и уж слишком задротскому виду. На его фоне даже Пугачев выглядел вполне себе ничего.

Не заметив меня, парнишка понесся дальше, забавно раскачивая пистолетиком в руке. Видимо держать ствол у виска он научился из кино. Мда.

С секунду тупо поморгав, я пустил пулю ему под ноги. От громкого и неожиданного выстрела, пацан забавно согнулся и, подскользнувшись на утоптанном снеге, грохнулся в маленький сугроб.

Не сводя прицела с «задрота», я пошел к нему медленным шагом.

Не то чтобы мне прямо так уж хотелось брать пленных, но... Убивать в спину какого-то сопляка это ни разу не весело. Мне Шепилова уже хватило. Да и вообще, почему бы и не допросить его? Это ведь по-любому он меня грохнуть пытался. Или, как минимум, знает тех кто пытался. Сомневаюсь, что он тут просто пробежку решил устроить.

Пацан, похоже, решил что валяться башкой в сугробе это не так прикольно, как кажется и попытался встать, попутно ковыряясь в рыхлом снеге, похоже, пытаюсь найти оброненный пистолетик. Но когда я слегка пнул его по заднице, он, на мгновение замер и быстро перевернувшись на спину, начал пытаться отползти от меня как можно дальше. Да с таким энтузиазмом, что его остановил только подоконник в который он сдуру впечатался, забавно ойкая.

Мне его даже жалко было. На вид ему лет семнадцать вообще. Ну может двадцать... Хрен эту молодежь разберешь, если честно.

— Ладно, если не хочешь, чтобы мой Суворов взял твой Измаил, то сиди не рыпайся, да выворачивай карманы. И медленно, понял? — спокойно, но с нажимом сказал я испуганному парнишке, сжавшемуся на земле.

На мои слова, парень никак не отреагировал, если не считать пары испуганных взглядов то на мой Кольт, то на культу. Это он что, думает что я ее себе сам что ли отпилил? Или просто инвалидов боится? Что он так пялится-то!?

— Слушай, парень, ты же не стена в женской бане? Нахрена в тебе дырка? Выворачивай карманы, говорю! А то может у тебя граната там? — начиная злиться, проговорил я, недвусмысленно тыча в него дулом.

Но парень лишь испуганно закивал головой и протараторил кучу непонятных слов. Из них я узнал только «донт андерстенд» и «нихт ферштейн». Первому меня учили еще в суворовском, а второе я почерпнул из фильмов про войну... Блин, он немец что ли!? Твою же мать, я же по немецки-то нихрена не знаю. «Гитлер капут» только.

— Хенде-хох, окей? Карманен к инспекцишен... Да блин. Ну как там... Юр пакетс ту зе граунд, ферштейн? — хлопая себя по карманам, нес я какую-то белиберду, пока не почувствовал у себя за спиной чье-то присутствие.

Я уже успел десять раз обосраться и обругать себя за излишнюю расслабленность и глупость, но за спиной у меня оказался лишь ефрейтор. Он стоял неловко переминаясь с

ноги на ногу и изо всех сил старался сдержать улыбку. Даже в темноте видно, блин...

— Там это, Кабанов еще одного поймал. Одну точнее. Но она без сознания. — доложил он, переводя взгляд то на меня, то на испуганного иностранца.

— Почему без сознания-то?

— Ну... Она Арфу стукнула, вроде бы. Он и разозлился, как я понимаю.

Заебись. Гребанный дамский угодник! Ну да ладно, ничего страшного. Не пристрелил и на том спасибо. В конце-концов, они по нам ракетами лупили, а мы им... Стоп, а они ли лупили вообще? Или их тут больше чем двое!? И как там Скоков с Пугачевым?

— Лисин, а ну-ка уточни у него, сколько их в группе было. — сказал я бойцу и не сводя взгляда с «задрота» и стараясь сделать лицо посуровее.

Ефрейтор что-то сказал, пацан что-то ответил... Блин, нихрена не понял.

— Эм, товарищ лейтенант, по-моему он француз. А я по французски только пардон да гандон знаю, если честно. Английский только. — смущенно доложил солдат, глядя на сжимающегося от страха парня.

Блин, час от часу не легче... Ну почему он не поляк какой-нибудь, а? Хотя нет их шипение я бы точно не понял. Ну да ладно. Он же француз, верно? А там Британия рядом. Они еще сто лет воевали, какой-то там Дюнкерк вместе обороняли и всякое такое... Хоть что-то должен же понимать?

— Смотри и учись... — кивнул я ефрейтору и придавил француза коленом. — Хоу мэни блять!?

Надеюсь я ничего не перепутал...

— Дух! Дух! Асси! Дух! — заверещал он, то ли от страха, то ли от запаха из моего рта.

Зубы-то я не чистил сегодня — некстати вспомнил я.

— Какой я тебе дух, урод!? Ах ты гандон! На погоны смотри! Хоу матч, спрашиваю!

— Товарищ лейтенант, по-моему он говорит что их двое... — прервал меня солдат стреляя взглядом на руку пленного.

«Задрот» испуганно показывал два пальца.

— А-а-а... Ну я так и понял... — чувствуя, что краснею, пробубнил я.

Глава 6

Как ни странно, француз, похоже, не соврал и их и правда было всего двое. Он, какая-то немецкая баба... Симпатичная такая, даром что рожа опухла. Стройленькая, высокая, с аккуратной грудью и стройными... Тьфу! Опять не о том думаю!

Короче, немка, похоже, получила сотрясение и всю дорогу блевала, ругалась и пыталась вырваться. Особенно рьяно она начала психовать, когда увидела кровоподтек на затылке задрота. Видимо решила, что это я его, а не он сам с испугу о подоконник приложился.

Она успокоилась, лишь когда я попросил Лисина перевести ей, что люблю в этой жизни три вещи, немцев, женщин и то, что я делаю с немецкими женщинами. По английски она понимала не в пример лучше своего приятеля, так что успокоилась довольно быстро.

Иностранцы, в целом, не доставили особых проблем, — так, связать да сложить в пустой клинике, чтобы Арфа вместе с, из ниоткуда нарисовавшейся, Бэйри за ними поглядывали. А вот с Соляркой уже были проблемы. Не знаю как ей удалось сдержать последнюю ракету, но после этого она вырубилась. Причем сделала она это прямо на Пугачеве. Как он умудрился оказаться под ней, я уточнять не стал. И так заебались ее стаскивать. Вчетвером с трудом подняли. Сколько же она весит, блин!? Я, конечно, знаю что у нее повар хорошо готовит, но это же не повод столько жрать-то!? А с виду вроде стройная. Симпатичная даже. Так или иначе, отнеся Селедку к пленным, мы еще полтора часа прочесывали город.

Вернее — шароебились то тут то там, попутно отбиваясь от напуганных мурзилок, что повылезали из халуп, когда все стихло. Собираясь возле тлеющих развалин какого-то дома, они все спрашивали, какого хрена у них в городе стало одним зданием меньше. Явно намекая, что это я виноват. Вот же гады, а?

Хорошо хоть Кабанова тут все любят, так что можно было оставить его успокаивать толпу, а самим бродить по всяким чердакам и крышам.

Впрочем, в этом смысла уже не было. Ибо если бы где еще оставались эти недоделанные иностранцы, то нас бы уже раз сорок обстреляли. Но проверить все таки нужно. Мало ли.

Закончив шариться в чужих домах и выслушивать замечания, по поводу грязных ботинок, мы стащили всякое говно с крыши мэрии. Они, видимо, хотели подорвать свое оборудование, но как-то совсем слабо. Правда, и оборудования там толком и не было. Какая-то установка ПТУР без ракет, да непонятная винтовка с одним полным магазином валяющимся на полу. Про всякое говно в рюкзаках я и говорить не хочу. Разве, Пугачев с Лисиним обрадовались, когда нашли в одном из рюкзаков, какие-то электронные игрушки. Лучше бы курево там нашли... Хотя, компьютерные игры и я люблю. Так что неплохое приобретение.

Все таки, хорошо иметь дело с дилетантами. Повезло, что они выбрали крышу, а не, скажем, второй этаж. Сразу видно, сержантского учебника в глаза не видели. Иначе было бы совсем печально...

Только где-то к пяти часам ночи, мы наконец вернулись в казарму. Все это время мы шмонали трофеи и успокаивали местных. Хотя, если честно, то лично я ждал пока Солерия придет в себя. Ибо тащить ее обратно — та еще задачка. А бросать королевскую жопу в пустой палате с выбитыми окнами, как-то не очень. Не оценит жеста, блин.

По пути пришлось снова отбиваться от местных, которые спешили выразить почтение к принцессе и лобызнуть благородную жопу. Звали ее на какой-то там праздник... Какой еще праздник? А, новый год же... Еще и училка эта рыжая прибежала. Все вокруг Лисина прыгала. Как же меня все это заебало...

Глядя, как бойцы вытаскивают из оружейки оружие и затаскивают туда связанных иностранцев, я думал только о том, что слишком сильно устал за последние месяцы. Ведь жил же и жил. Подъем, развод, служба, отбой. По выходным в кабак сгонять или на катере капитана покататься. Но нет, черт дернул адмирала учения устроить. Лучше бы на флоте у себя учился. Командующий дальневосточный округом, чтоб его.

А как здесь оказался, так каждый день какой-то пиздец творится. Еще и убить постоянно пытаются. И на кой хер я им сдался-то?

Глядя через решетку оружейки, как симпатичная блондинка, явно смущаясь задрота, блюет в любезно предоставленное ведро, я решил что допрос можно отложить. Все-таки из-за Кабанова у нее и так пол-рожи опухло. Да еще и сотрясение, похоже. А парень слишком напуган, чтобы можно было вести более-менее вменяемый диалог.

Выставив в дозор Лисина и напомнив ему и его пасии, что трахаться в карауле запрещено уставом, я отправился к себе, с целью придавить подушку на пару часов.

— Есть разбудить в семь ноль-ноль! — козырнул ефрейтор, то ли бравируя, то ли шутя перед своей кошатиной.

Что-то он больно бодрый стал. Дать ему по роже что ли? Хотя хер с ним.

Зайдя к себе, я едва не запнулся о валяющийся на полу американский карабин.

— Какого хрена!? А, точно... — хлопнул я себя по лбу здоровой рукой, вспоминая что приказал сложить оружие у себя.

Блин, могли бы и поаккуратнее. Для отца-командира-то! Сволочи...

Маневрируя между оружейной пирамидкой, мешками с золотом и ящиками с патронами, я наконец добрался до своей койки. Но завалится на нее мне мешала большая и сисястая хрень.

— Заранее извиняюсь за неудобства... — сдвигаясь на край кровати, пробормотала принцесса. — Мне кажется, здесь самое безопасное место.

Ну да, конечно, нашла отмазку! Хотя, вроде у нас и правда с комнатами напряг. Бэйри, Арфа и четыре солдата. Хотя у Лисина-то сейчас свободно! Блин, ну почему именно у меня-то!?

Постояв нерешительности, я все таки решил воспользоваться приглашением и улегся рядом с Соляркой. Все-таки, не всякий день удастся поспать с благородной особой. Даже если она хвостатая. Да и устал я, чтобы отношения выяснять. Хочет на моем койке спать — ради бога, места хватит. Будем считать, что это должок за то, что щитом своим закрыла.

— Знаешь, сейчас не время, но все таки я хочу сказать спасибо. — подала она голос, подождав пока я устроюсь. — Пожалуй, сегодня первый раз, когда я была действительно рада вашему присутствию.

Это она что, решила что мы ее спасали!? Ага, шазз! Это мы себя спасали. Вернее, она нас. У тех придурков-то все равно ракеты кончились — все на нее спустили. Хотя, черт его знает, винтовка же у них еще была. Ну да ладно, раз хочет думать, что мы ее защитили, то пусть думает. Мне не жалко.

— Зато я не очень рад твоему... Не за что. И хвост убери, у меня одеяло есть! — проворчал я, спихивая с себя пушистый мягкий отросток.

Но Солерия меня уже не слышала. Похоже, она вырубилась в тот самый момент, когда я открыл рот. Вот же сволочь! Ладно, хорошо хоть еще сама до казармы добралась и на том спасибо. Да и жизнь мне, вроде как, спасла. Вернее, всем нам.

Мысленно обматерив всех на свете, я уже приготовился заснуть, но услышал храп. Нет, не храп. Храпище, мать его! Солерия захрапела так, что Кабанов удавился бы от зависти.

— Да ты издеваешься!? — чуть ли не в истерике вскочил я, но принцесса даже не шелохнулась.

— Ну тебя нахуй! Теперь понятно почему у тебя принца нет! Тигр ебучий... — ругался я, лавируя между ящиками обратно в коридор.

Ну в жопу, лучше пойду у Лисина посплю.

Утро добрым не бывает... Блин, по-моему я уже жаловался на это позавчера? Или нет? А, не важно. Один черт, со всем этим дурдомом всего и не упомянуть.

Я тупо валялся на койке Лисина и хмуро смотрел в окно, на солнце, которое давно перевалило за полдень. Странно, но когда я определяю время по солнцу, то почти всегда полдень. Фигня какая-то.

И ведь, что обидно, никто меня не разбудил! Нет, на Лисина я даже не злюсь. Я уже мысленно смирился с тем, что его главная цель в жизни — присунуть своей сраной кошатине. Что взять с программиста? Они, по-любому, полночи ворковали и еле сдерживались, чтобы не перепихнуться.

Но остальные? Почему Арфа не прибежала, чтобы опять задалбывать меня своим идиотским флиртом? Ну там, типа поцелуем меня разбудить попыталась или, обильно краснея и смущаясь, не пролепетала бы какую-то муть, о том, как ей хочется провести этот новый год вместе со мной? Ладно, черт с ней, у нее там француз с немкой в оружейке сидят. Хвостатая, наверное, слишком занята, тыкая в них палкой через решетку и кидаясь бананами.

Но Бэйри? Она же вечно пытается меня поймать! Как же журналистка могла упустить такой шанс и не припереться ко мне ночью, дабы в очередной раз приставать и домогаться? Эта рыжая дура постоянно пытается меня соблазнить. Я же ее, типа как, пару раз спас и все такое. А может она просто застала в моей койке Солярку и решила, что тысячелетняя королева ничуть не хуже лейтенанта? А что? И среди феленидов должны быть лесбиянки. Зоофилы же у них есть, блин.

Кстати, а ведь еще и Солерия есть! В койку-то сама ко мне прыгнула! И такая, типа «ой, простите-извините, мест нет, а сами мы не местные. Нате вам хвостик, укройте!»». А потом, посреди ночи начала бы «Ой, что-то тут прохладно... Извольте согреть принцессу, молодой человек! Да-да, вот этим пиструнчиком, вы правильно поняли», ну а дальше по накатанной. Слово-за-слово и хуем по столу, как говорится.

Могла бы зайти с утра, да соснуть что ли... Сволочь! Использует меня, как хочет! А ведь в тайне боится до усрачки! Еще и голову морочит. Принцесса солнца, блин, называется... Вот сейчас встану и пойду пристрелю ее к черту!

Да, точно! Так и поступлю.

От одной лишь мысли о разлетающемся черепе Солярки у меня даже эрекция приключилась. Ух! Как же прикольно будет убить фелисину... А потом еще и сиськи отрезать и в рамку поставить! С детства хотел себе такой сувенир...

Стоп! А что такое «фелесина»? И какая, нахрен, «принцесса солнца»? С хера ли мне в

эту дуру стрелять!?

В этот момент я понял, что солнце какое-то не особо яркое, а комната ефрейтора несколько больше чем обычно. И что мысли посещающие мою голову совсем для меня не характерны. А самое главное, что в комнате присутствует посторонний объект. Красноглазый объект, если быть конкретнее.

— Не волнуйся, я не причиню тебе вреда! — несколько поспешно проговорил неожиданный гость, едва понял, что я его заметил.

На его, неестественно-мультишной, морде было выражение, будто его в сортире за онанизмом застукали. Но меня его увещевания беспокоили слабо. Все что меня сейчас интересовало, так это местоположение кобуры.

Это же охренеть! Посреди бела дня ко мне пробрался! Блять, узнаю кто прохлопал — прибью нахер!

— Я здесь только чтобы поговорить, хорошо?

Его голос показался мне несколько нервным. На секунду прервавшись от поисков своего оружия, я заметил как красноглазик пытается заискивающе улыбаться. Получалось хуёво... Насмотревшись как его мультишная рожа кривится в неестественной гримасе, я принялся искать свой «Кольт» вдвойне усерднее. Ну нахер такие разговоры!

Ебучий случай, да где пистолет!?

— Я понимаю, что ты ощущаешь угрозу с моей стороны, но будь уверен, я здесь вовсе не для того чтобы тебе навредить!

Видимо этот говнюк понял что пистолет где-то проебался и начал чувствовать себя гораздо увереннее. Во всяком случае, его слова звучали заметно убедительнее.

Блин, да куда портупея-то с кобурой пропала? Вчера же под подушку пихал! Магия какая-то...

— Слышь, мил человек, а не ты ли мой пистолетик спиздил? — пытаюсь отвлечь внимание, спросил я, спешно прикидывая, как бы сподручнее было бы запиздить его табуреткой. — Ты бы с этим не шутил. А то у меня был один солдатик... — продолжал я пороть херню и, как бы невзначай, потихонечку вставать с койки:

— С пистолетиком игрался он, короче. Крутил-вертел, ну и проглотил пистолетик-то. Во-о-от... Доктор его резать начал, а пистолетик возьми и выстрели. И остался доктор без глаза, а солдатик без попы. А потом...

Что было «потом», красноглазик узнать уже не смог. Ибо огрести армейской табуреткой по сопатке — это тебе не в комнаты к честным офицерам пробираться. Но увы, удар не возымел никакого эффекта, ибо табуретка просто прошла сквозь придурка, заставив его лишь раздраженно покачать головой и забавно цокнуть языком.

— Ну хорошо, это иллюзия, а ты все еще спишь! На самом деле меня здесь нет! Обязательно нужно было все испортить! Доволен!?

Ага, еще как! Всегда мечтал, чтобы какие-то мутные типы лазили ко мне во сне. Вот прямо жить без этого не мог! Погоди, он обиделся что ли?

— Может быть теперь ты меня выслушаешь? Или хочешь еще попробовать? У меня не так-то много времени. А теперь и того меньше. — с явной досадой добавил он, вдоволь насладившись моей кислой миной.

— Значит, ты и такую хуйню умеешь творить? — разочарованно спросил я.

Как-то все это нечестно. В этой, гребанной, «Кошколяндии» каждый лох какими-нибудь супер-пупер силами обладает. Огнем дышит там, или яблоки по корзинкам швыряет. Про

магию и телепортацию я вообще молчу.

А как же я? Ведь я тоже хочу молнией из жопы пуляться или по снам чужим шарахаться! Блин, было бы круто. Сшил бы себе полосатый свитер и перчатку со столовыми ножами забабахал. Весь Кентервиль бы в лужах дрисни просыпался! Весело же!

А хотя... Воняло бы пиздец. Все-таки плохая идея.

Блядь, да о чем я думаю!?

— Да. И сразу хочу попросить прощения, за то, что пытался тебе внушить. Меня предупредили, что это не сработает, но... Попробовать-то всегда можно, понимаешь? А, да... Еще извини, что пытался тебя убить. Эт-т-то... Ну, обстоятельства такие. — краснея и неловко жестикулируя руками, не особо внятно проговорил «внушитель».

Секундочку, что он там внушить хотел? И когда? Нихрена не понял. Блин, спрашивать как-то стыдно. Нельзя же ему свою неосведомленность демонстрировать?

Стоп!

— Не понял, так это твои долбоебы, что ли? — махнул я сигаретой в произвольную стену, за которой, как мне казалось, должна была быть оружейка.

Хотя, чему я удивляюсь-то? Чьи они еще могут быть-то? Брейзен-то пиздой накрылась, вместе со всей шоблой. Блин, мог бы и сам догадаться.

— Да похер уже... — махнул я здоровой рукой и щелкнул зажигалкой.

Красноглазик неуверенно пожал плечами и, немного поразмыслив, пристроился на табуретке возле двери, изящно скрестив ноги.

— И, пожалуй, мне стоит извиниться еще за кое-что... Похоже, что моя кадровая политика доставила тебе массу неудобств. — говорил он, виновато поглядывая на мою левую руку. — Но ты не подумай! Я к этому никакого отношения не имею!

— Ага, блять! Так я и поверил! А кто тогда имеет!?! Ты кого наебать-то пытаешься, мальчик!?! — скорее хорохорился я, нежели и вправду вспылал.

Не особо я разбираюсь в их с Брейзен отношениях, но сдается мне, что главной во всей их пидрильне была отнюдь не она. Да и не та бледная сволочь тоже. Так что выбор тут невелик.

— Я и представить не мог, что эта фелисина способна на такое! В отчетах и устных беседах она всегда заявляла, что является, прежде всего, ученым. И, как она говорила, «задача ученого, исследовать очевидное». Я и представить не мог, что она развернет натуральную пыточную прямо под столицей! Едва я узнал о происходящем, я тут же вмешался. Ты же сам стал свидетелем!

Ага, башку-то он ей знатно отпилил. Маньяк недоделанный.

Его речь была несколько сумбурной и торопливой. Было сразу понятно, что он ее не репетировал и, кажется, говорит от всего сердца. Или наоборот, очень хорошо репетировал.

Да какая разница? Руки уже нет и выяснение кто там виноват — ничем мне не поможет. А этого придурка я и за «просто так» придушу. Ибо нехуй к офицерам в мозги лезть! Совсем охерели, мутанты обоссанные! Или он инопланетянин? Хрен этих уродов разберешь.

Кстати, помнится, этот говнюк умел читать мои мысли...

Пристально поглядев в красные глаза размером на пол-морды, я с минуту проматывал в своей голове все что мог. От военных секретов, до месторасположения моей заначки с куревом. Результата ноль.

— Если ты думаешь, что можешь общаться со мной телепатией, то прости, я вынужден разочаровать. — виновато развел он руками, видимо догадавшись о причине заминки. — Я

уже и так в твоей голове. То есть, совсем рядом и не с головой, а сознанием. То есть с отражением сознания. Если быть конкретнее, то...

— Блять, да похуй уже! И хер с ней, с Брейзен! Город-то нахуя взорвал!? — плюнул я, устав слушать его тарабарщину.

Мямлит что-то, заикается, да краснеет. Как-то я себе его манеры иначе представлял. Он же тут, типа, темный властелин или что-то около того. Или я напутал?

— И это тоже относится к моей кадровой политике. Вернее, к кадровой политике моих кадров. Занятный каламбур, правда? Так вот, видишь ли, Лизери разошлась во мнениях с Рональдом. Лизери считала, что для нашего дела, необязательно уничтожать Фелерию по самое основание. Рональд же придерживался мнения, что «безжалостность — доброта мудрого» и стремился провести преобразования общества как можно быстрее и... Простите, я вас окончательно запутал, не так ли? — остановился он, заметив протрацию на моей физиономии.

— Типа того... — пробубнил я, но тут же сообразил, что так не годится и поспешил исправиться. — Ты так тараторишь, будто я знаю кто такая Лизери и что за Рональд! Блять, да я этих карликов не различаю нихрена! Какая мне разница кто там чьи интересы не разделял!? Ты мне к сути давай! Заебал уже...

Во! Вот так лучше! А то еще подумает, будто я его боюсь. Хотя, все-таки и правда стремно. Такой-то урод и прямо в голову забрался. Безумие какое-то.

— В общем, я уже и объяснил всю суть... План Рональда, признаюсь, был весьма продуманным. Катастрофа, на фоне которой фелениды узрят бессилие своих ложных идолов. Плюс полная дискредитация власти из-за бывшего сотрудничества с вами. Из-за чего принцессы будут вынуждены устранить вас, что определенно должно было сыграть на руку Рональду. Он легко сможет как привлечь тебя на свою сторону, так и сделать из твоей участи — пример для остальных. Таким образом он смог бы очень просто настроить остальных людей против Солерии, что, определенно, позволило бы ему перехватить первенство движения у меня и диктовать свое видение. Власть, знаешь ли, манит к себе. К тому же...

— Блять, ладно! Завались уже! — капитулировал я, понимая что не способен переварить весь этот безумный поток сознания.

Но красноглазого понесло. Хотя дальше я уже толком не слушал.

Он все блял о том, как несчастные мурзилки застряли в своем каменном веке и что долг любого разумного существа — дать им хорошего пинка. В том смысле, что заставить двигать колесо прогресса и заниматься всякой прочей хуйней. А чтобы это случилось, нужно обязательно грохнуть Солярку. Мол, без нее у красноглазого пасьянс не складывается.

Ну типа, эти лилипуты за две тысячи лет даже сраный тостер не придумали, а тут вдруг бац — и сразу галактику покорять начнут. Надо только башку кое-кому прострелить, а там этот мульташный придурок со своими ручными дебилами выскочит и коммунизм построит. Или капитализм. Я хрен что понял, если честно.

Я просто сидел, кивал головой и думал — насколько же меня все это заебал. Епт твою мать, ну за что мне весь этот дурдом? Что такого я натворил-то? Блин, ну нет в жизни справедливости.

Нет, конечно я еще тогда понимал, что вся эта канитель имеет более глубокую цель, нежели отпилить мне руку и взорвать какое-то облако. Но, ёпт твою мать! Опять эта «старая песня о главном»? Мир там переделать и вся хуйня? Нет, ну вы серьезно!?

Вот вечно идиотам ровно не сидится. Все высшую цель подавай или еще какую хуйню. Одни долбоебы всякие религиозные государства строят, а эти вот, наоборот, технократией балуются. Вроде цели разные, а поди-ж ты как похожи. И головы рубят и теракты устраивают. И все под вопли о «дивном новом мире». Революционеры недоделанные. И каждый гребанный раз нужно кого-то грохнуть, ради такого распрекрасного будущего. А еще лучше, подписать под это дело какого-нибудь покалеченного лейтенанта. Лучше бы фабрики строили, полоумные...

— Нет, в свете всего приключившегося... Я не смею тебя не о чем просить, не подумай! Но все-таки... Я был бы очень рад, если бы...

— Нет. — я решительно покачал головой, игнорируя его заискивающие нотки.

Мочить Солярку меня не особо тянуло. Не то чтобы она мне так уж нравилась, но и смысла убивать я тоже не видел. В конце-концов, что она мне такого сделала? Да и пофиг мне на их разборки, если честно.

Все что меня сейчас занимало, это сигарета. Мне было искренне любопытно, правда ли я курю сейчас или это тоже сон? Уж больно реалистичные ощущения. Интересно, а с еблей так же? Может быть провести эксперимент, пока этот мутант не свалил? А что, он ведь наверняка может в бабу превратиться!

— Хорошо, я понимаю. — поднял он ладонь, жестом говоря «без обид»:

— Но даже в этом случае, я очень... Очень рекомендую не мешать. Поверь, я совсем не хочу лишних жертв. Особенно среди людей. Мы ведь, в каком-то смысле, родственники. Ну, один вид, почти. — застенчиво закончил он, почесывая щеку и пряча взгляд под челкой мультяшных волос.

В рот я такую родню ебал, мутант недоделанный! Господи, да когда он уже закончит!?

— Тому кто это придумал, надо гвоздь в голову забить! Просвещенная цивилизация... Цивилизация моей задницы, седлать их мать... Планеты они там колонизировали, а нормальный толчок сделать не состоянии! Кучка идиотов. — шипела первая фелисина государства, пытаюсь совладать со сливом на бачке унитаза.

Если во всем мире пользовались системой кнопок или, на крайний случай, втулок, то люди, отчего-то какую-то совершенно непонятный способ. Какие-то цепочки, веревочки с деревянными рукоятками... «Я что, должна закончить целый университет, чтобы понять, как этим пользоваться?!»

— Мама родная, я сейчас кого-нибудь убью... — всё распалаясь принцесса, тщетно пытаюсь слить отходы собственной жизнедеятельности.

Последние дни для Солерии определенно не задалась. Ей и так до сих пор приходилось разбираться с проблемами из-за катастрофы в Кентердейле и раз за разом разгребать бардак за сестрой. Так теперь еще и эти покушения. Причем одно за другим.

— Еще не хватало быть убитой какими-то бесхвостыми уродами! Да смывайся ты уже! — шипела она себе под нос, уже в десятый раз проклиная момент, когда решила потратить последние силы на защиту кучки идиотов, из-за чего теперь не была способна даже на слабенькое колдовство.

Солерия никогда не обманывалась насчет способностей или лояльности представителей древнего вида. Однако эта ночь уронила ее мнение о них еще ниже. Она ожидала всякого, но только не этого. Вместо того, чтобы спрятаться за спиной у этих дармоедов, ей наоборот — пришлось заслонять их собою. Причем — в буквальном смысле. «Да моя гвардия справилась бы лучше, раздери ее колена! Ну, вернее, гвардия моей сестры, но... А, да какая разница!».

Звучно выдохнув, и помассировав виски, Солерия совладала со своим гневом и, воспользовавшись ведром и раковиной, таки сумела довершить начатое. Отплеываясь и еле сдерживая рвотные позывы, принцесса подставила голову под струю холодной душевой воды. «Может быть я все-таки ошиблась? Могло ли все это было очередным спектаклем?»

Мысль больно ударила в голову, отчего девушка отшатнулась от струи жадно хватая ртом воздух.

То что люди не такие идиоты, какими пытаются казаться, ей было известно уже давно. Благо пример лейтенанта был на виду. Каким бы умственно отсталым он не прикидывался, но ему все же удавалось раз за разом выходить сухим из воды. Не всегда целым, но и это уже достижение. И, что интереснее всего, лейтенант, отчего-то, не пристрелил тех двух людей. И даже не избил или сделал что-то подобное. Как, к примеру, с женщиной в Чистой Мяте или с теми бандами вооруженных людей. И столь милосердное обращение определенно наталкивало на некоторые мысли.

«Спелись уже!? Когда успели? Я же его по полной в оборот брала! Да чтоб твою, за каждым шагом следила!». Догадка о возможном сотрудничестве лейтенанта и старого врага показалась принцессе на удивление правдоподобной.

Выключив воду, женщина устало вытерла волосы о ближайшее полотенце и со вздохом повернулась к одному из зеркал, висящих вдоль стены. В отражении на нее смотрела самая известная и могущественная волшебница Фелерии. А значит и всего мира. Именно она победила в старой войне, остановив невольный мятеж сестры и именно она вела страну от

опустошения к процветанию. Где-то с помощью лесты и демонстрации доверия, где-то путем манипулирования и подстрекательства. Но при ее правлении Фелерия стала единым и сильным государством. Солерия настолько свыклась с ролью бессмертного правителя, что вновь появившаяся угроза из позабытого прошлого выбивала ее из колеи. От одной мысли, что жизнь может оборваться в любое мгновение ей хотелось завывать и забиться в угол. Привычная роль живого божества никак не вязалась с отчетливым чувством уязвимости. Но дело было не только в объявившихся врагах.

Девушка знала несколько больше рядового гражданина. Или даже человека.

Еще до того, как Лисси отправилась на раскопки в Вечнохмурый лес и даже до того, как лейтенанту неизвестный прислал парочку древних артефактов, Солерия была отлично осведомлена и о доисторической человеческой цивилизации и о причине ее исчезновения. И принцесса отлично осознавала, что фелениды, минотавры, верблюды, медведи и еще огромное множество других разумных видов — не более чем грубая попытка заменить старый мир.

Но это всего лишь история. Важнее тут другое.

Богиня или «инопланетная срань», как называли ее люди, нисколько не стеснялась в своей любви к собственноручно убиенным людям. И все, что она создала, все, кого она вырастила это не более чем инструмент. Солерия была убеждена, что фелениды это лишь игрушки для новоприбывших людей. Во всяком случае именно так они и были задуманы. Покорные и смиренные рабы. Все ныне живущие виды выглядят настолько блекло по сравнению с человеком, что это вряд-ли можно назвать простым совпадением. Нет, Солерия была уверена, что гостя с далеких миров намеренно сделала «своих детей» такими безобидными. Ведь Создательница не могла обеспечить безопасность и достойную жизнь своим любимчикам, так что она сделала все возможное, для максимально комфортного освоения людьми этого нового дивного мира, населенного сплошь травоядными и непугаными созданиями. Конечно, если не считать грифонов или медведей. Впрочем, первые были слишком трусливы и слабы, а вторые слишком пьяны и ленивы, так что любому человеку было гарантировано место на вершине пищевой цепи.

Богиня пошла на все это лишь ради того, чтобы хоть как-то искупить свою вину. Принести в жертву одних, чтобы подыграть другим. Отдать целые народы на откуп невменяемой горстке самовлюбленных и безумных идиотов.

И это было уже по настоящему страшно. Сколь могущественна Солерия не была, сколь не была мудра и опытна, но она не могла сравниться даже с тенью Творца. И как можно пойти против воли кого-то столь могущественного? Даже если его воля дословно звучит как «иди и служи этим бесхвостым уродам». И не вздумай противиться. Даже если эти «уроды» захотели твоей смерти.

«Отвратительно! Ты просто отвратительна!». От ощущения собственного страха, принцессу буквально воротило. Ощущение своей беспомощности она еще могла переварить, но смирится с отчаянным желанием чужой защиты ей было не под силу. Отчаяние уже довело ее до прыжков в кровать к лейтенанту и кто знает, до какого падения это могло привести, если бы лейтенант не отверг ее флирт и не ретировался.

«Ну все, Солли, вот она — старость! Тебя уже даже такие пьяницы не хотят, а ведь когда-то любой самец готов был душу отдать лишь за день в твоей компании. Интересно, если я добровольно пойду в дом престарелых — от меня отстанут?» — от мысли о собственной персоне, мирно посапывающей в кресле-качалке, Солерия рассмеялась в голос.

И прежде чем принцесса смогла успокоиться, за дверью, из коридора послышались чьи-то шаги.

— Мудила! Три часа ночи! Херли ты на всю казарму ржешь как лошадь... Ой... — из приоткрывшейся двери, показалось юное человеческое лицо.

Солерия, изо всех сил напрягла память и вспомнила, что этого солдата, прошедшего полночи в объятьях местной учительницы, называют Лисиним.

«На лису совсем не похож. Они имена просто так раздают, что ли?»

— Простите, я обознался... Эм. Извините! — парень уже заспешил исчезнуть.

— Не волнуйтесь, все в порядке. Вероятнее, это мне стоит принести свои извинения. Боюсь я выбрала неудачное время, дабы вспомнить старую шутку. — расплываясь в обаятельной улыбке, проговорила девушка.

Столетия дворцовых интриг и манипуляций закалили актерское мастерство принцессы, отчего она, пусть не без труда, быстро переключилась на привычную роль мудрой и учливой правительницы. Впрочем, она еще и сама до конца не понимала — зачем.

Молодой человек замялся в дверях, неуверенно переминаясь. Он явно хотел что-то ответить, но нужные слова не шли.

«А что, может быть и он сгодится? Кажется этот гораздо более расположен к феленидам, чем остальные. Наверняка получится вытянуть из него что-то интересное. Вдруг он сможет точно сказать, предал меня его командир или нет? Или сделать даже больше?»

— Простите меня за нескромную просьбу, однако... Не могли бы вы составить мне компанию за чашечкой чая? — певучий голос принцессы заставил парня расплыться в глупой улыбке и быстро закивать головой.

На часах, что висели прямо над выходом из ресторана было ровно три часа ночи, когда Сивира заметила в углу, за дальним столиком, знакомую бледную девчущку. Поначалу лейтенант не поверила своим глазам, списав все на объем выпитого алкоголя да выслушанного бреда и быстро проморгалась. Но наваждение не исчезло. Напротив, «наваждение» все так мило заигрывало с каким-то молоденьким феленидом, сидящим за тем же столом.

«Какого черта она здесь делает? И почему без людей? Ее что, из дома выгнали!? Или она сама сбежала?».

Лунная фелисина уже засобиравалась подойти к Сэйли и задать весь бесчисленный ворох вопросов, что донимали ее, однако она остановила себя. «У нее там, вроде бы, свидание. Как-то неудобно получится...»

— Эм... Господин лейтенант, с вами все нормально? — голос адъютанта заставил Сивиру вздрогнуть и повернуться обратно.

— Да-да, все заебись... Подожди, ты опять начинаешь!? — повысила она голос. — Во первых, выбери что-то одно, либо «господин», либо «леди» не надо это чередовать, мяты кусок! И второе, я же сказала звать меня по имени, седлать твою мать!

Капрал смущенно поджал уши и пробормотал очередные извинения.

— И прекрати постоянно извиняться! Это выглядит пиздец как жалко! — еще сильнее вспылила лейтенант, но через мгновение успокоилась.

«Да не дави ты на него так! Ты же его до икоты доведешь! Сама же его в свободное время выдернула, а только и делаешь, что чморишь бедолагу. Он же не виноват, что тебе и выпить-то не с кем.» — смутилась Сивира и откашлявшись, отпила немного из своего

бокала:

— Ладно, извини. Опять вспылила... Я сегодня нервная.

— Да, знаю. — кивнул Дилли, следуя примеру и залпом осушая свою порцию вина.

Заметив на себе удивленный взгляд, феленид поспешил объясниться:

— Ну, то есть... Вы же... Ты же сегодня опять три часа докладывала ее величеству!

Конечно это очень ответственная служба и стресс неизбежен... Да, конечно, я все понимаю. — протараторил он.

«Ты даже и понятия не имеешь, что это за величество такое и каких докладов оно ждет!

Чтоб ее... Ладно, к черту. Блин, это я много выпила или он милый когда стесняется?».

— Ну надо же, какие мы внимательные... — расплываясь в улыбке, игриво пропела лейтенант, заставляя адъютанта удивленно уставится на нее.

— К-к-конечно. Это же моя обязанность быть бдительным и...

— А что еще ты во мне подметил? — уже откровенно флиртуя, перебила Сивира.

И только разговор зашел на более интересные темы, нежели сплетни рядового состава в дворцовой столовой, как бледная девушка за дальним столом все испортила. Сивира была слишком увлечена смущенным видом своего капрала и не заметила начало сцены. Однако конец услышали все посетители заведения.

Громкий звук от удара кулаком по лицу и грохот тела, падающего со стула на пол.

— И только попробуй еще раз пиздануть что-то подобное! Я тебе очко на британский флаг порву! Ты меня понял, щусенок!? — явно нахватавшись чужих выражений, громко орала Сэйли на свалившегося кавалера.

Несчастный парень испуганно таращился на свою обидчицу, явно пребывая в шоке.

— И засунь под хвост свои часики, долбоеба кусок! — срывая с запястья какой-то браслет, добавила одноногая девушка, швыряя подарок на пол.

«Ну отлично, только началось что-то интересное... Да что за жизнь такая!?»

— Блин, прости, мне нужно идти... — нехотя вставая пробормотала Сивира не обращая внимания на ошарашенный вид подчиненного.

Несчастный адъютант явно ничего не понимал и пребывал в легком ступоре от столь резких смен настроений. Возможно он даже начал задумываться о психическом состоянии лейтенанта, но офицеру было не до этого. Ей очень не хотелось упустить уже устремившуюся к выходу Сэйли.

— И давай завтра тоже посидим, как тебе идея? Разгребем эти чертовы досье, и сходим куда-нибудь, а? Ты же на новый год свободен... — то ли спрашивая, то ли утверждая, проговорила Сивира и положив на стол сумму втрое превышающую счет обоих заказов, поспешила к выходу.

Морозный воздух ударил в ноздри заставляя поморщиться. Новогодний Эверлот сиял не хуже семиметровой елки, установленной на главной площади и от обилия светящихся огоньков, вывесок и гирлянд, Сивира не сразу разглядела бледную тень на пустой заснеженной дороге.

— А ведь классный удар получился! Где научилась?

Сэйли недоуменно уставилась на нагнавшую ее фелисину и лишь спустя пару секунд на ее глазах проступило узнавание. Сивира, с ноткой гордости, отметила, что молодая девушка определенно похорошела за время с момента их последней встречи. Она все меньше напоминала угловатого подростка и все больше походила на юную фелисину в самом соку.

— Поживешь с этими... Ну, ты знаешь. — махнула она рукой. — Кстати, рада тебя

видеть!

— И я тоже. — кивнула лейтенант и спустя пару мгновений неловкого молчания, приблизилась и легонько приобняла старую знакомую.

Нюх сразу уловил мощный аромат дорогих духов и знакомый табачный запах, который эти духи пытались скрыть. Жизнь в прокуренной казарме определенно накладывала свой отпечаток.

— Так, о чем была та сцена? Неужто подарок не подошел? — отстранилась Сивира, чтобы еще раз получше разглядеть малышку.

— Да там... — неуверенно пожала та плечами, явно размышляя стоит ли отвечать. — Ну типа, офигенные подкаты и все такое. Больно много хотел.

Немного покраснев и поправив челку мягких волос, явно недавно покрашенных в серый цвет, Сэйли хмыкнула:

— Он конечно симпатичный, но не настолько, чтобы терпеть какой-то галимый шантаж, мол «иначе я всем расскажу, как отчаянно ты на меня вешалась». Напугал ежа голой жопой... Надо будет, я сама его поймею — даже юбка не помнется!

«О Солерия, она слишком долго прожила с этими придурками!» — с плохо скрываемым ужасом подумала Сивира, поражаясь манере речи молодой девушки.

— А у тебя как?

Сэйли резко сменила тему и чуть принюхавшись еле заметно отвела нос. От Сивире определенно пахло алкоголем.

— А, ну... Хорошо. Все так же в гвардии служу. Повышали пару раз даже. Катов хватает. — несколько сумбурно выложила лунная фелисина, все что пришло ей в голову. — Слушай, а как там... Ну, остальные? — неуверенно протянула лейтенант, не решаясь спросить прямо.

Сэйли на секунду задумалась и участливо посмотрела Сивире в глаза.

— Более-менее стабильно. Даже не пьют почти. Но я дома особо не засиживаюсь, все больше в школе или у подружек. Но в целом — неплохо. Лучше чем было раньше.

Сэйли была не слишком щедра на детали, ограничиваясь относительно односложными ответами. «Нет, не стреляют, нет, не пьют, да, драки бывают.» и тому подобное. Она явно избегала упоминания фамилии своего отчима. И только когда бледная девушка начала шмыгать носом, Сивире наконец осенило, что сейчас не май месяц.

— Гнилая кочерьжка, прости! Я совсем забыла, что дневные фелениды хуже переносят холод! Давай, пойдем скорее!

— Да ничего, тем более я теперь скорее лесная фелисина, нежели дневная. — Сэйли со смешком постучала по деревянному протезу. — Куда пойдем-то?

— Домой ко мне, куда же еще! Не оставлю же я тебя мерзнуть на улице. — ухмыльнулась лейтенант и не дожидаясь ответа, легонько подтолкнула девочку. — Пойдем-пойдем, тут всего полтора квартала.

Сэйли неуверенно помялась, пробормотав что-то про утренний поезд, но все-таки утвердительно кивнула.

Утро у меня не задалось от слова совсем. Во первых — в сне я таки курил по настоящему, о чем свидетельствовала пустая пачка сигарет, прожженная простыня и ворох бычков на полу. А вторая причина сейчас нависла над головой и взглядом буравила мои губы, явно вознамериваясь их сожрать. Ну, вернее, скорее сделать нечто иное, но все равно — нихрена не уставное.

— К твоему сведению, людей будят голосом, а не взглядом. — проворчал я, отчего Арфа тут же отпрыгнула от койки на добрых два метра и принялась обильно краснеть, попутно бляя что-то невразумительное.

Типа, «за время вашего присутствующего отсутствия происшествий не завезли, дежурная по чердаку, рядовой средней сержантности Аккордеон». Или что-то вроде того. Я не обратил внимания. В обычных условиях меня бы взбесило подобное поведение. Ну или бы смутило, не уверен. Но сегодня я явно не настроении для подобной херни, поэтому просто проигнорировал. Сама успокоится, не маленькая.

На часах, оформленных в виде двух целующихся кошечек, что стояли на тумбочке Лисина было отчетливо видно, что сейчас час дня. А это значит, что, уже в который раз, личный состав ложил хуй на отца командира. Блин, когда-нибудь они у меня допрыгаются.

— Там это... Товарищ лейтенант, там на кухне вас принцесса просила... Вот... — продолжала бляеть хвостатая, смущенно натягивая пиксельную кепку на глаза.

— Понятно. — безразлично бросил я и усталым взглядом уставился на свои берцы стоящие возле койки.

Я был уверен что вчера не разувался. Красноглазый постарался? Или я сам? Хотя проблема не в этом. Чертовы шнурки... Спустия, где-то, три минуты напряженного труда, я таки смог зашнуровать один ботинок и уже собирался взяться за второй, как шнурки охватило какое-то алое сияние и за пару мгновений они затянулись словно по волшебству.

— Простите! Я просто хотела помочь! — испуганно поджимая уши, залепетала Арфа, заметив на себе мой взгляд.

Лучше бы сигарет из моей комнаты принесла, мать ее. Хорошо хоть никто не видел. Нет, спасибо, конечно, но все-таки иди нахуй со своей помощью. Если мне мурзилка начнет шнурки завязывать, то единственный погон можно смело перекидывать с кителя на жопу. И лучше бы сделать это самому, иначе солдатики «помогут».

— Ладно, первый и последний раз. — кивнул я и поднялся с койки.

Мурзилка выглядела настолько несчастной, что я все-таки не удержался и, напоследок, потрепал ее за ухом:

— Хорошо-хорошо, молодец, спасибо. Но больше так не делай.

Блин, как с ребенком разговариваю. Но малявке было все равно. То ли от неожиданной ласки, то ли от благодарности, но она мгновенно просияла и улыбнулась мне во все зубы. Так, пора валить, а то что-то у нее больно радостная рожа. Не к добру это.

Решив, что раз Селедка столько ждала, то и хуй с ней, я решил сперва дойти до сортира. Не, ну а что? Подождет еще, не сахарная, не развалится. Однако огромная морда Кабанова, заслонившая половину коридора твердо вознамерилась помешать моим планам.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — на удивление четко поздоровался он.

Что-то он сегодня больно чисто подшит и гладко выбрит. Походу неспроста. По-любому

ему что-то нужно!

— Эм... Товарищ лейтенант, а не могли бы вы зайти сегодня в библиотеку? Лисси очень просила помочь с этими... Как их... — замылился младший сержант. — Ну коробки эти, радиацию меряют. Ну как у нас были, помните? Такие, с палочками...

— Прибор для обнаружения и измерения силы радиации путем подсчета количества обнаруженных ионизированных частиц. — с кислой миной процитировал я определение счетчика Гейгера с одного из стендов, развешанных в учебном классе.

— Э-э-э... Ну да.

— Манда! Ты, блять, полгода напротив этого стенда сидел, мудила! Неужели заучить не мог!? Так, а обязанности военнослужащего? А ну-ка, как ты должен переносить тяготы и невзгоды воинской службы!? А? Позволяется ли военнослужащему пить или есть во время движения!? Блять, ты и этого не помнишь!? — продолжал я атаковать все более и более сжимающегося придурка.

Блин, что-то я сегодня не в настроении, походу. И чего так взелся?

— Ладно, хуй с тобой, зайду я к твоей очкарите. А теперь свали, пока я вместо сортира тебе в карман не нассал! — махнул я рукой на сержанта и проигнорировав его облегченную физиономию, зашел в сортир.

Который, конечно же, оказался занят. Закон жанра, блять!

Молодая блондинка удивленно вперилась в меня взглядом, явно не ожидая гостей. Что не удивительно, ибо я тоже никого не жду, когда душ принимаю. Хотя сиськи, кстати, прикольные. Мелкие, но красивые... Интересно, а на ощупь как? Блин, вот бы помацать.

Заметив мой взгляд, немка инстинктивно закрыла грудь руками, а ее глаза приобрели враждебный блеск. Видимо, она решила что я ее насиловать собрался или еще чего. Ну, хорошо хоть не завизжала, как в каком-нибудь дешевом кино или японских мультиках. Хотя, в их мультиках обычно по другому дело разворачивается...

— Извините, товарищ лейтенант, я не знал что вы проснулись... — из ниоткуда нарисовался Лисин и поспешил вежливо отпихнуть меня из сортира.

Я несколько секунд тупо моргал, глядя то на закрытую дверь с надписью «умывальник», то на слишком наглого ефрейтора. Лисин, похоже, охренел настолько, что уже собирался меня отчитать, но резкий, но не сильный тычок под ребра заставил его проглотить все слова и смешно ойкнуть.

— Какого хуя ты меня не разбудил, увалень!? Вообще нюх потерял!? — прошипел я ему прямо в лицо, отчего от былой уверенности не осталось и следа.

Он продолжал что-то мямлить, инстинктивно вжимаясь в стену, тщетно пытаясь избежать затрещин, которыми я щедро осыпал его безмозглую тушу и блял какие-то оправдания. Самое смешное, что он легко мог вломить мне люлей. Руки-то у него две.

— А кто пленных приказал выпустить, а? Тоже этот «забыл» виноват!? И комнату не заперли? То есть выпустили, а мою комнату в которой, напомним, весь арсенал сейчас лежит, даже не заперли? А, так все-таки заперли... А ничего что ключи только у меня есть!? Яйчишки свои в скважине проворачивал!? Боец, да ты уже в край охуел!

Вообще пиздец какой-то! Нет, ну я, конечно, и так собирался этих придурков отпустить. Уж больно красноглазик за них просил, обещая больше не пытаться меня гасить. Тем более, что это всего лишь пара сраных иностранных гражданских. Что мне с ними делать? Расстреливать? Или так и держать в оружейке всю жизнь? Да ну нахуй мне такое счастье!? А то что они меня убить пытались... Тю-ю-ю! Да меня тут половина Кошколяндии грохнуть

мечтает — тоже мне новость!

Но то я отпустить собирался. А тут — на тебе! Взяли да выпустили без приказа. Это уже серьезный косяк!

Мне кажется, ефрейтор уже готов был застрелиться на месте, дай я ему пистолет, но его отчаянное положение спасла еще одна наглая морда. Вернее голос.

— Уважаемые мальчишки, не ругайтесь... Если вам настолько нечем себя занять, то не соблаговолите ли вы протянуть руку помощи вашей неумелой поварихе?

Голос Солярки доносился откуда-то с кухни и был на удивление благозвучным. Что это она там, готовит что-ли? Seriously? Стоп! Вот кто тут воду баламутит! Эта сука выпустила пленных, по-любому!

Дав бойцу подзатыльник напоследок, я быстро зашел на кухню, на ходу придумывая, как бы так половчее отвесить поджопник этой сраной принцесске. Да так, чтобы все видели! Я тут командир, а не какая-то девка хвостатая!

Однако, жопа Солерии мигом вылетела у меня из головы, едва я увидел стол. И не только его. Вся гребанная кухня буквально была завалена жратвой. Одних только разных салатов было не меньше сотни. Причем часть из них была даже не в тазиках, а в обычных таких ведрах. Ебануться, куда столько жратвы-то!?

Я тупо хлопал глазами, даже не зная с чего начать, но от вида Солярки в фартуке Кабанова, склонившейся над какой-то кастрюлей на плите, у меня натурально отвисла челюсть.

— Вы же не против того, что я чуть заняла ваших катов для праздничного ужина? Мой кошель туго набит воздухом, но я не могу позволить вам избежать шанса отведать моей кухни... — обворожительно улыбаясь, пропела принцесса, попутно принимая очищенную картошку из рук Пугачева.

Какой еще ужин? Не понял, праздник что ли?

— Бля-я-я... — выдохнул я, когда наконец вспомнил, что сегодня новый год.

Вот же черт, все из башки вылетело!

— О, прошу вас, не отчаивайтесь так! Поверьте, я вовсе не собираюсь скормить все это вам... — она обвела взглядом, примерно тонну жратвы, стоящей на кухне. — Напротив, я собираюсь разделить праздник со всем городом... Вы же не против, что я попросила Скокова подготовить столы на площади? Или вы хотели сделать это сами? — игриво поинтересовалась она, вызывая спонтанный смешок у Лисина, стоящего за моей спиной.

Повернувшись лицом к ефрейтору, я молча вытащил пачку сигарет из его нагрудного кармана:

— Какого хуя у тебя в кубрике такой срач? Полы помыть, бычки выкинуть, простыни поменять. — проговорил я, закуривая и кидая початую пачку на, едва ли, единственное не занятое место стола.

Солдат непонимающе моргнул и продолжил стоять как вкопанный. Понятно, решил что Селедка сейчас за него вступится. Ага, вялым тебе по губам, придурок!

— Бегом!!! — скомандовал я, силой разворачивая ефрейтора спиной и от души прикладывая ботинок к его заднице.

Черт, едва запястье не вывихнул... Больно-то как!

Но моя жертва увенчалась успехом и посрамленный солдат покорно скрылся в коридоре. Не думаю, что он и вправду будет выполнять приказ, но хотя бы создаст видимость. А пока и этого достаточно.

Чертова Солярка! Вот какого хера она мне тут воду мутит?

— Ты пленных выпустила? — повернулся я к королевне, которая с усмешкой наблюдала с этой небольшой сценкой.

— Да что вы, конечно нет! Это было сугубо коллективное решение! — без капли иронии заявила она и повернулась к Пугачеву:

— Верно ведь?

— Так точно! — не слишком уверенно ответил боец, ощущая на себе мой взгляд.

Кажется его вера в защиту волшебных сисек немного зашаталась. Ну ничего, я его и не так пошатаю! Развели тут демократию, пидоры! А что, как удобно! Все проголосовали, приняли решение и отвечать за него никто не будет. Ведь раз виноваты все, значит не виноват никто. Поэтому никакой демократии в армии быть не может в принципе. Это еще первая мировая доказала, когда всякие солдатские комитеты сидели и голосовали, а ходить ли им в атаку!? А потом, наверное, удивлялись, почему это войну просрали... Хотя, там и не до этого было.

Блин, и что делать!? Ну не загонять же мне иностранцев обратно за решетку? Чертова баба! Ведь не просто так она все это затеяла. Явно что-то замыслила...

— Ладно, хер с ним... Я к Лисси. Казарму не спалите! — бросил я напоследок.

Хорошо, что Кабанова встретил. Так теперь хоть предлог слинять есть. Хотя может и зря, конечно. Кто знает, что она тут в мое отсутствие нахуевертит? А с другой стороны, она определенно собралась весь день меня подьебывать. Уж не знаю, специально авторитет подорвать хочет или у нее просто месячные.

Физиономия Солярки, на мгновение, приобрела разочарованный вид, но она быстро взяла себя в руки и, расплывшись в улыбке, пожелала мне доброго пути.

— И не забудьте одеться потеплее! Сегодня похолодание! О-о-очень резкое. — донеслось из-за моей спины.

Не уверен, но по-моему я краем уха уловил смешок Пугачева.

Кстати, не соврала, на улице и правда было прохладно. Не как на родине, конечно, но все-таки.

Выдохнув облако табачного дыма, я вдруг заметил еще одного «вольноотпущенника», сидящего на очищенной от снега лавочке и играющего с какой-то электронной игрушкой. Француз отвлекся от тыканья по кнопкам и осторожно посмотрел в мою сторону.

Я демонстративно поправил кобуру и ткнул пальцев в казарму, явно намекая, чтобы он не пытался никуда свалить. К моему удивлению, парнишка, походу, понял что от него хотят и быстро кивнул. Ну хоть кто-то меня слушается... Может мне и со своими жестами общаться? Как там тот бандит говорил... «Добрый словом и пистолетом можно сделать больше, чем просто добрым словом». Хоть и козел был, но точно не идиот.

Хотя, нахрен мне этот лягушатник нужен? Пускай берет свою подругу, да валят к себе. Впрочем, ладно уж. Выгонять их уже некогда, да и красноглазик обещал ночью попиздеть еще и с ними. Так что проблем возникнуть не должно. Надеюсь. Еще чуть-чуть поглазев на погруженного в игру иностранца, я невольно пожал плечами и зашагал от крыльца прочь.

В городе бардак был не меньший, чем у меня на кухне. С одной стороны — разьебанный дом и полуметровая воронка, оставшаяся от бомбежки ракетами несчастного прапорщика, а с другой — здоровенная елка украшенная гирляндами и игрушками. Странно, вчера ее вроде не было...

Кстати, по поводу прапора еще красноглазик сокрушался. Мол, мало того, что эти два

идиота задание завалили, так еще и пытались непричастного убить. Все спрашивал совета, как с подчиненными работать, чтобы они хуйню не творили. Станный он, конечно. То помогает, то убить пытается, то просто поболтать лезет... Нет, он конечно, объяснял, что хотел меня грохнуть, так как решил, что теперь я с Селедкой заодно. Мол, отчеты ей пишу, на службу официально поступил. А то что отчеты я пишу от балды, а про «официальность» я даже не слышал, до него дошло с трудом. Идиот.

Дойдя до площади, я заметил Скокова, напару Гамбургером и Шляпой. Они и правда мастерили столы с лавками, причем разных размеров. Видимо, как для лилипутов, так и для людей. Походу они опять «проголосовали» и «единогласно» решили отмечать праздник на улице.

Впрочем, о чем-то подобном меня еще красноглазик предупреждал, когда снова просил не лезть в его дела. Точно он не говорил, но как я понимаю, Солярку собираются окончательно грохнуть именно сегодня. Возможно прямо на празднике. Ну, после всего увиденного и услышанного за сегодня — я уже не против. Пускай мочат, раз она такая скотина неблагодарная.

— Никаких интервью! — донесся голос Потапыча из-за двери библиотеки, в ответ на мой стук.

А-а-а, так вот почему они дверь заперли! Бэйри где-то по городу бегают и всех достают! А я-то думаю, почему в казарме ее видно не было. Ну, это хотя бы подтверждает мою теорию о том, что журналистка ебнутая даже по меркам мурзилков.

— А, ну тогда я пойду и найду еще одно гребанное дерево-библиотеку и возьму интервью там!

Голос за дверью задумчиво молчал какое-то время, после чего неуверенно спросил:

— Кто там?

— Сто грамм! Наливай... То есть открывай уже, блять! — чувствуя на себе подозрительные взгляды прохожих, начал раздражаться я.

К чести косолапого, должен заметить, что он не стал изображать себя ручничок и тормозить, а быстро отпер дверь и с веселой мордой заявил что «рад меня видеть». Ну, в его случае, может это и правда. По крайней мере, он один из весьма немногих местных, кого мне никогда не хотелось придушить. Ну, разве что самую малость.

— Лисси! Ты где!? Лукин пришел! — разносился его голос по библиотечному залу, пока я втискивался в низкую дверь.

Блин, как тут Кабанов каждый день пролазит!? Seriously, он же раза в два меня шире и на полторы башки выше! Бедный парень...

— Здравствуй! Здорово снова тебя увидеть! Как твоя рука? — с искренне озабоченным видом, поинтересовалась очкарица, возникшая передо мной, будто бы, из ниоткуда.

— Да нормально, спасибо... — не особо внятно пробормотал я, с неохотой вспоминая, что пропустил сегодняшние медицинские процедуры.

Что-то они какие-то больно дружелюбные... Отвык я уже от такого. Хотя приятно, конечно.

Лисси сначала принялась выпытать о моем самочувствии и настроении. Потом старалась допросить по поводу вчерашней шумихи в городе и раздолбанного дома. Но я молчал как партизан, или вернее — пиздел как радио.

— Так, собственно, где тут твой прибор-то? — наконец перевел я разговор в более продуктивное русло.

Все-таки, я сюда не ради попизделок пришел.

— Точно! Подожди здесь! — воскликнула ушастая и чуть-ли не вприпрыжку ретировалась по лестнице на второй этаж.

Ури к этому времени уже куда-то исчез. Судя по далекому шипению чайника на плите и слабого аромата, коротышка уже всю собирался напоить гостя чаем.

— Мда, а тут нихрена и не изменилось... — пробубнил я себе под нос, окидывая взглядом библиотеку.

Сколько всего тут со мной приключилось, блин... И, честно скажу, не все из этого было прямо уж плохим. Все-таки, Лисси и Ури были одними из первых кого я встретил в этой блядской Кошколяндии. И далеко не самыми худшими. Особенно если учесть, что при первой встрече, я едва не замочил несчастную очкариту. Правда она меня чуть камнем не ушатила, так что мы квиты.

От нечего делать, я начал потихоньку бродить между книжных полок, всячески украшенными гирляндами. Наверное, я мог бы назвать это место своим вторым домом. Не считая казармы, во всем городе не было иного места, где я бывал настолько часто. То отчет написать, то книжку взять. Хотя книжки тут все херовые... Но когда я признался об этом фиолетовой, она не разговаривала со мной пару дней. Даже извиняться пришлось, к чему я совсем не привык.

— Мда уж, жопу и книгу не доверяй никому. Иначе порвут. — вслух сказал я, уже в который раз поражаясь количеству местной макулатуры.

— Что, прости? — удивленно спросила Лисси, что уже какое-то время стояла за моей спиной и, похоже, просто с любопытством наблюдала за моими похождениями.

— Да так... Твой девиз озвучил, можно сказать. — отмахнулся я. — Ну так, где там счетчики-то?

На мой вопрос, очкастая мурзилка лишь усмехнулась и, позвав Потапыча с кухни, принялась насвистывать какую-то мелодию, усиленно изображая, будто она ничего не слышала. Руки очкариты были сложены за спиной, будто она старалась что-то спрятать. Блять, она там не бомбу принесла!? Хотя не, бред.

И лишь когда с кухни показался карликовый медведь, несущий в лапах поднос, раза два шире его самого, Лисси наконец перестала ломать комедию.

— Дорогой Лукин! Поздравляем тебя с наступающим новым годом! Желаем тебе всего самого лучшего и доброго! Ура!!! — восторженно завопила она, поднимая к моему лицу какую-то железку.

Это типа че, подарок что ли!? Недоуменно смерив взглядом лыбящихся во всю морду психов, я осторожно взял «железку» в руку.

— Твою мать... — только и выдохнул я, рассматривая серебряный портсигар.

Е-мое, даже инициалы выточили! А еще золотую эмблему с серпом и молотом. Прямо как на солдатском ремне. Походу дела с него и делали. Черт, выглядит прикольно, если честно.

— Я как бы... Ну, спасибо, но... Блять. Короче... Вы это... — я все пытался подобрать какие-то слова.

То ли поблагодарить, то ли отказаться, то ли извиниться, что сам им ничего не подарил. Сам никак не мог понять, что сказать хочу. Но косолапый меня перебил.

Поставив поднос с чаем на письменный столик, он заявил, что все в порядке и, что мне не стоит так волноваться:

— Володя предупредил, что ты можешь сильно удивиться, так что не переживай.

— Именно! И не вздумай считать себя обязанным! Это всего лишь подарок. Мы ведь друзья. — радостно закивала ушами Лисси.

— Ну... Тогда спасибо. Я вам тоже потом что-нибудь подарю. — хриплым голосом поблагодарил я.

Я буквально чувствовал как мои щеки заливаются краской, а к горлу подступает комок. Ну е-мое, еще расчувствоваться не хватало! А ну соберись, мать твою!

— Так, это... А счетчики-то где? Или их и не было? — быстро сменил я тему, убирая подарок в карман и закуривая сигарету.

Лисси недовольно повела носом, но возражать не стала.

— Да вот, счетчики Гейвера. У меня их сорок штук, но я ума не приложу, как их использовать. Они, почему-то, только и делают, что трещат. — несколько смущенно призналась она, явно боясь показаться глупой.

— Гейгера. Настроить их нужно. Ну-ка дай-ка... — сказал я, беря в руку увесистый «кирпичик».

Ну да, действительно — счетчик Гейгера собственной персоной. Самый обыкновенный. Разве что вместо знака качества СССР или РФ, тут была надпись, «Сделано в Эверлоте».

Вообще, странно это как-то. Электрические чайники — это я понимаю. Зажигалки, спички, электроплитки там или карманные фонарики — тоже. Все-таки ничего сверх сложного. Кабанов вечно говорил, мол, «мы с Лисси сделали то», «мы с Лисси и Лисиным сделали сё». Так что я прекрасно знал, что мурзилки начали внедрять в производство всякие новинки бытовухи. Но это? Видимо, догадываясь о причинах моей задумчивости, очкарита рассказала, что не имеет к этим приборам никакого отношения. Мол, их какие-то умельцы из глубинки запилили, чтобы следить за зараженной зоной оставшейся после Кентердейла. Фиолетовая заказала себе парочку, ради интереса, а ей, по ошибке, прислали целый ящик.

Мда уж... Походу с одним из этих «умельцев» я сегодня полночи пропиздел. Ну что же, по крайней мере он не особо врал, когда говорил, что всячески борется с последствиями катастрофы и что всеми силами поддерживает прогресс. Да и вообще, он, вероятно, один из немногих, кто не пытался меня наколоть. Удивительно!

Повертев в руках знакомую коробку, я наконец нашел заветную защелку.

— Ну, короче смотри. Вот это... — я снял свинцовую крышку отделения, в котором была закреплена «таблетка». — эта хрень радиоактивная. По ней, типа надо калибровать прибор. Ну, по-русски говоря, крути маховички, пока трубка не начнет реагировать только на таблетку, а не на все подряд. Но вообще, тут должно быть что-то таблицы... А во, нашел!

Честно говоря, я и сам уже толком не помнил, как пользоваться этой байдой. На станции помех были встроенные автоматические дозиметры, которые сами активировали режим «ФВУА», дабы всякие радиоактивные какахи в кунг не залезли. А на пеших маршах использовались здоровенные самотыки, похожие на миноискатель.

А вот такими мелкими я пользовался только в училище и то лишь на занятиях. Но все-таки память не особо подвела и спустя полчаса, очкастая уже всю скакала по библиотеке в наушниках и совала трубку куда только можно. Уверен, что скоро она ее и в себя засунет. Чисто ради научного интереса, само собой.

Потом мы еще долго сидели. Пили чай, болтали о какой-то фигне. Обсуждали Кабанова, да и просто вспоминали всякое. Смешно, но в компании карликового медведя и мелкой ушастой девчонки, я чувствовал себя гораздо лучше, чем со своими солдатами. Может

потому что они такие дружелюбные. А может потому, что мне не нужно перед ними ни в кого играть. Не надо постоянно изображать силу или авторитет. Или следить, чтобы они не обдолбались и не попытались поджечь, каменный, мать твою, дом! Сигаретой! И не прожгли мой чертов ковер, который я купил у какого-то непонятого верблюда и который мне искренне нравился! Скоков, чтоб его...

Лисси то вспоминала как мы толпой ходили в лес, выкапывать тот бункер с саркофагом и дневником инопланетной хрени. Ури рассказывал подробности своих взаимоотношений с этой бледной истеричкой, которую я в свое время грабанул и замотал в ковер. Я же, в основном, рассказывал про то, какую херню творил Кабанов еще там, на родине.

Про себя как-то не тянуло.

В итоге, посиделки закончились лишь когда на часах уже было девять часов вечера. И узнали мы это лишь из-за появления наглой мурзилки в спортивной форме, которая пролезла в дом без стука и начала торопить Лисси. Мол, очкастая отвечает за салют и всякое такое. «Спортсменка» была явно не особо рада меня видеть, так что, несмотря на увещевания остаться, я все же решил уйти. И так уже почти весь день тут проторчал.

На улице уже всюю начинались гуляния. Солярка не наврала и на недавно построенных столах и правда громоздилась знакомая мне посуда со всякого рода угощениями. Бухло, к счастью, тоже не забыли.

— Надеюсь это все не за мой счет... — проворчал я, глядя как Кабанов катит впереди себя огромную бочку, наполненную явно не водой.

Вот же Селедка, мать ее! Устроила тут себе пиар акцию на мои монетки.

Принцесса уже всюю принимала благодарности от горожан, стоя на, непонятно когда, установленной сцене и толкая какую-то речь про силу дружбы. Бред сивой кобылы, но местным очень нравилось. Да и не только им. Возле сцены так же стояла и наша сладкая парочка гостей зарубежья. Они с интересом глядели за сценой и время от времени кивали и что-то отвечали на слова Лисина, которым им что-то втирал. Полная идиллия, короче.

Во всей этой толпе была лишь пара персонажей, которые не разделяли всеобщий энтузиазм. И если первым был я и тут все понятно, то вот вторая...

— Я думал ты на все праздники укатила. — как можно нейтральнее сказал я, приблизившись к Сэйли со спины.

Она стояла в стороне от остальных и безучастно глядела то на сцену, то на сгоревший дом вдалеке.

— Уже прикатила. — мгновенно окрысилась мелкая.

Я так понимаю, вечеринка у нее не задалась.

— Ну и хер с ним. У нас тут, как видишь, приглашенные знаменитости имеются. Чтоб их...

— И назойливые говнюки... — тихо ответила она.

— Че? — ошарашенно переспросил я.

Это она про меня что ли? Не охуела ли!? Или Селедка и ей мозги прокомпостировала!?

— Ничего. На вот, считаешь на досуге. — бросила она, достав из под своего серого пальто конверт и протянув мне.

Взяв его в руки, я тут же понял, что это письмо от Сивиры. Причем, нетрезвой и очень злой Сивиры. Ибо в графе «кому» было написано «тупому длинному скоту». Не-е-е, не тянет меня сегодня подобное читать. И так настроение хреновое. Даже сам не знаю почему.

— Я так понимаю, Сивира что-то про меня наплела? — проворчал я, засовывая письмо

во внутренний карман.

Но Сэйли лишь презрительно хмыкнула и не говоря ни слова, быстро заковыляла на выход с площади. Мне не оставалось ничего иного, как молча пожать плечами и последовать за ней.

— Ну и что она там насочиняла?

— Она про тебя вообще ничего не говорила, если ты об этом. — снова отмахнулась мелкая.

Ага, говорить не говорила, но письмо передала... Что-то слабо верится.

— Ну ладно, хрен с ним. А что насчет твоего поведения? Тебе кто-то в утреннюю кашу насрал или что?

— Иди нахрен! — уже не особо сдерживаясь, ответила девушка.

От таких поворотов я даже слегка отстал, невольно позволив мелкой скрыться в переулке. Что это она такая злобная? Быстро замотав головой, я вышел из невольного ступора и быстро зашагал следом. Догнав офигевшую кошатину, я схватил ее за воротник пальто.

— По поводу чего хамить удумала?!

— Да что тебе от меня надо, а!? — закричала она, пытаясь вырваться.

Блин, месячные что ли?

— Что-то помимо «иди нахрен». Не знаю, по порядку, наверное. — пожал я плечами, отпуская пальто.

Сэйли тяжело засопела и вперилась взглядом мне в глаза. Не знаю, что творилось у нее в башке, но такого количества зашкаливающей ненависти, я еще не видел. Какого хера с ней стряслось!?

По-моему, еще немного и малявка мне хрен откусит. Что с ней не так?

— А вот тебе по порядку! — продолжила Сэйли. — Знаешь почему я с тобой осталась, а не поехала в приемную семью!? А потому что собиралась тебя убить! Как тебе такое, а!? Помнишь как я к тебе в койку забралась, ты еще подумал будто у меня кошмары, а!?

— Э-э-э... Ну да-а-а... — только и смог выдать я.

— Так вот, я пыталась тебя прирезать! Но сил не хватило! Испугалась! М-м-м!? Что замолк? Думал приютил несчастную сиротку и сразу героем стал? Типа, стоит тебе потрепать меня по голове, как я мое сердечко растает и назовет тебя папочкой!? Да хер тебе!!!

Ее рука резко уперлась мне в живот. Не больно, но все же.

— У меня уже был папа! И мама была! Все было! Пока такие как ты не объявились!!! Я ведь к той суке всей душой, а она... И ты нихера не лучше и не ври! Тебе плевать на своих так же, как и на чужих. И не надо врать, что это не так. Поэтому просто отстань от меня... — устало закончила она, убирая руку обратно.

Это у нее обострение от ностальгии по Новому году? Типа вспомнила как с родителями праздновала? Что-то больно специфическая у нее ностальгия, блин.

— На месте стой.

Зрачки Сэйли сузились до невозможного.

— Тебя я взял только потому, что когда-то и сам оказался в чуть похожей ситуации. Пожалел тебя и вся история. А ты, блять, чего ожидала!? Отеческой любви с первого взгляда!? Что за дебилские претензии!?

— Заткнись! Заткнись сейчас же!

— А то что!? В жопу меня поцелуешь с несчастья!?

В этот раз она уже не сдерживалась. И мне очень повезло, что я успел перехватить кулак прежде, чем он разворотил мои яйца к чертовой матери. Но второй руки у меня не было...

— Твою мать... Сука, как больно-то... — заскулил я, но продолжая держать Сэйли за шкуру.

— Лучше молись... Лучше сбеги куда-нибудь! Потому что если я успею добраться до ножа быстрее чем ты исчезнешь, то...

— Да иди ты в жопу со своими угрозами! Не нравлюсь!? Да хрен с тобой, бери бабла сколько унесешь и катись куда хочешь. Что смотришь, думала я тебя силой удерживать буду!?

— И с чего вдруг такая щедрость!? Опять себя героем почувствовать захотел!?

— Ага, блять, смиренной жертвой на алтаре сраной малолетней писюхи!

От следующего удара мне все-таки удалось увернуться. Еще немного и я ее сам ушатаю!

— Да какие у тебя претензии-то? Я тебе не папаня и никогда не собирался им быть, понятно!? И взял тебя только потому что пожалел! Как кошку одноногую! — я уже даже не пытался увернуться от многочисленных ударов, которыми девушка щедро осыпала мое брюхо. — Никакая ты мне не дочь и никогда ей не будешь! Ты просто очередная дура в зоне моей ответственности. И знаешь что!? Если бы Лера не была бы человеком, то я бы и ухом не повел! Прошел бы мимо и даже не обернулся! Что ноешь!? Ты же так правду любишь! Так вот она, хавай, не обляпайся!

— Отлично, тогда отпусти уже и катись нахер!!!

— А дальше что!? Куда ты пойдешь!? А? Взрослая дохера стала!?

— Да стала!!! — глаза Сэйли увлажнились с каждой новой секундой.

— Ну и насрать мне! Для меня ты теперь всегда мелкая бледная киска которую нужно кормить, гладить и укутывать в ебанное одеяло!

— Куклу себе купи, псих чертов! — уже прекратив меня избивать, она лишь пыталась вырваться, старательно пряча заплаканное лицо.

— Иди нахер! Я теперь твоя родня, понятно!? Хочешь люби, хочешь в жопу долби, но будешь слушать что говорят! И похер уже с чего там что началось. Ближе у тебя никого уже нет. Да и у меня тоже... Блять, ты заебала ныть!

Как же хочется кого-нибудь прибить... Завожусь с пол-оборота.

— Мне нахрен не надо кого-то там заменять! Да вы все уже в край заебали! Думаешь, мне так прикольно с такими дебилами под одной крышей жить?! Не нравлюсь? А я и не хочу нравится! Я здесь не для того поставлен! Хочешь замочить!? Да на, мочи!!! — уже окончательно психанул я и отпустив Сэйли, потянулся к кобуре.

К черту все это. Хочет отомстить незнамо кому, — да и пусть! Мне уже на все насрать. Хотя, я, конечно, прекрасно понимал, что малявка из пистолета не выстрелит, но... Эмоции, херли. Эх, надо было мне в драматический поступать. Такой-то талант пропадает!

Правда схватить пистолет я не смог. Сэйли быстро метнулась ко мне и крепко обхватила талию, закрывая доступ к поясу.

— Не хочу! — продолжая рыдать навзрыд, голосила она.

На ходу переобулась, засранка...

— А, уже передумала!? Че так быстро-то!? Или тебе обязательно нож надо!? Да без пизды, давай сейчас...

— Заткнись!!!

В этом вопле было столько отчаяния, что у меня даже в ушах заложило. Весь запал куда пропал, оставляя за собой лишь накопленную за долгие месяцы усталость. Сэйли продолжала истошно рыдать, отчего у меня что-то сводило внутри. И ничего я не мог с этим поделать.

Выдохнув я лишь поморщился от наливающихся синяков да поглядел на пару бледно-серых ушей, дергающихся у моего живота. Мне оставалось лишь приобнять ее в ответ. Сэйли оплакивала своих родителей — а мне вспоминались мои. Она горевала о своих увечьях — я косился на культу. Она ненавидела свою новую жизнь — а я свою. И мы оба понимали, что ничего не можем исправить. И никто не может. Нормальные люди просто живут дальше и не переживают о былом. Как жаль, что мы ненормальные.

И сейчас это было понятно без объяснений.

— Ну все, хорош уже. Всю ширинку залила. Дай перекурить-то... — проворчал я, спустя какое-то время.

То ли секунды, то ли часы. Понятия не имею.

— Дай и мне тоже. — хрипло попросила Сэйли, шмыгая носом.

— Тогда отпусти.

— Ладно...

Рожа у нее была зареванная донельзя. Даже смотреть было страшно.

Протянув мелкой зажженную сигарету, я уже готовился услышать истошный кашель и жалобы на отвратительный вкус. Однако Сэйли спокойно затянулась и выпустила в ночное

небо тонкую струйку дыма.

— Скоков? — без особого удивления предположил я.

Сэйли лишь кивнула. Ну, теперь понятно почему она у него в комнате столько времени пропадала.

— Испортил мне ребенка, козел... — проворчал я, жадно затягиваясь.

— Я не твой ребенок. — вяло отмахнулась она.

— Иди в жопу.

Бледная мурзилка лишь тихонько рассмеялась. Блин, устроила тут цирк... Бля-я-я, надеюсь никто этого не видел и не слышал. Особенно бойцы! Я быстро огляделся но вокруг было тихо как в гробу. Лишь со стороны площади доносился шум толпы и чье-то очередное выступление.

— Видимо мы одни такие идиоты... — озвучила мои мысли девушка, похоже, заметив как я осматриваюсь.

— Говори за себя. Я-то не ревел как полоумный. — буркнул я, вызывая у мелкой новый приступ смеха.

— Ладно, «не полоумный». — кивнула девчушка, зарываясь головой в свежий сугроб.

— Куда собралась-то? Обрато в столицу, что ли?

— Размечтался... Не знаю. Пойду к подруге, наверное. У нее там тусовка должна быть.

— Ага, куча бухла и малолетних идиотов. В подоле мне никого не принеси! — проворчал я, вызывая у Сэйли лишь усмешку.

Она уже засобиравалась уходить и даже отошла на несколько метров, но вдруг остановилась.

— Извини если я слишком сильно стукнула... — как-то по детски извинилась она, глядя себе под ноги.

— Пф! Ты слишком переоцениваешь свои силы!

— Конечно! Это, походу, ветер скулил как сучка, когда я тебе заехала!

— Э! Ну ты в атаке не охуевай! Я же и по башке дать могу. — уже всерьез обиделся я.

— Знаю... Ладно, давай до завтра. И спасибо. Ну, за... Всякое. — еле слышно добавила она не оборачиваясь.

Это у нее переходный период такой? Мда, а в училище не говорили, что по долгу службы я смогу стать матерью-одиночкой для малолетней кошкодевки.

Я все так же стоял на месте и молча смотрел ей вслед. Не знаю почему, но я был уверен, что она вернется. Не знаю как, но я просто чувствовал. Как-то я слишком быстро привязался к этой кошатине. Странно.

— Блять, а она и правда пыталась меня зарезать? Пиздец какой-то... И почему мне так везет на каких-то психов?

Время уже определенно приближалось к полуночи и, судя по шуму, гуляния пребывали в самом разгаре. Болезненно скривившись и оцупав побитые части тела, я мысленно представил какого размера будут синяки. Надо было ей тоже пару раз двинуть, не так обидно бы было! Ладно, в жопу все.

Пора уже вышить.

Найти стол со спиртным было не сложно. Сложно было до него добраться... Не знаю сколько всего лилипутов обитают в городке, но на площади их было явно больше допустимого. Впрочем, передо мной таки расступались, аки красное море перед евреями. То ли оттого, что бухло и закусон был за мой счет, то ли просто не хотели связываться.

Едва я успел присосаться к бутылке с вином, как услышал поблизости знакомые голоса.

— Да я тебе базарю! Вот прямо сейчас! Любую! Бля, да пальцем ткни и я тебе покажу, сынуля! — чем-то бахвалился уже изрядно подвыпивший Скоков, и его словам изо всех сил поддакивал Гамбургер.

— Да-а-а-а, то-то ты фашистку закадрил! Аж в еблет прилетело! — от души угарал Пугачев над сослуживцем.

Что это у них там, опять о какой-то хуйне треплются? Лучше бы устав так обсуждали, а не баб. Эх, мечты!

— Эй, я немецкого не знаю! Так что нихуя не считово!

— А че полез тогда? А, хер с ним. Ладно, раз ты такой крутой... — рядовой прервался, оглядывая взглядом толпу.

Его улыбка несколько сникла, когда он заметил меня в паре метров от себя, но все же решил не подавать вида и ткнул пальцем в какую-то светловолосую мурзилку в длинном пальто. Скоков немедленно собрался и высморкавшись прямо на площадную плитку, «поплыл» в сторону указанной жертвы. Именно «поплыл» ибо иначе эту дебильную походку «от бедра» я назвать не могу. Блин, мне за него стыдно...

Не знаю, что он ей там сказал, но не прошло и пяти секунд, как герой-любовник получил ногой под колено, а несчастная кошка тут же смешалась с толпой себе подобных.

— Не эта тоже не считается, она какая-то ебанутая! — оправдывался посрамленный солдат, возвращаясь к столу.

— Нихера вы не понимаете. Кто же так яйца подкатывает? Тем более к «вискасам». — наконец решил я подать голос, привлекая к себе внимание троицы.

— Товарищ лейтенант, я, конечно, все понимаю... Но... Э-э-э... — вдруг замялся Пугачев, явно пытаюсь подобрать такие слова, которые не приведут к сиюминутному огребанию.

— Ой, да можно подумать я сраную мурзилку не закадрю! Да я уже... Да как нехуй, короче. — быстро поправился я, когда сообразил, что едва не сознался в своих былых похождениях с зоологами.

Блин, и нафига я этот разговор поддержал? Дурак что ли совсем? Хотя, один черт заняться нечем.

— О! Это было бы очень интересно увидеть! А вы как думаете, мальчики? — спросила неожиданно нарисовавшаяся Солярка.

Ее сопровождала парочка иностранцев вместе с Лисиным. Походу он к ним как переводчик приклеился. Или к немке подкатывает? То-то он так испереживался, когда я к ней в душ зашел! Заприметив рядом с ефрейтором недовольную рожу местной училки, я решил, что почти угадал.

— Мы единогласно просим вас немедленно продемонстрировать ваше непревзойденное мастерство! — не добившись нормальной реакции, решила Селедка за всех.

На роже Лисина немедленно проступило ехидное выражение, а пара иностранцев тупо таранилась по сторонам, нихера не понимая о чем речь. Блин, надо было ему голову попадать, а не в плечо. Заебал уже... И еще эта гребанная баба! Опять она меня на понт берет!

Но то ли вино дало в голову, то ли общее безумие успело заразить и меня, но я все таки махнул рукой.

— Блять, смотрите и учитесь, щенки обдристанные! Внукам потом расскажете! —

плюнул я, и двинул в сторону первой попавшейся кошатины.

Попутно я пытался вспомнить, что вообще нравится бабам. По-моему женщины лучше относятся к героям, музыкантам, парням с большим хером и геем. Герой из меня никакой, хер свой невзначай показать не выйдет, а с музыкой у меня совсем грустно. Так что вариантов немного. Хотя прикидываться педиком как-то не тянет...

— Вечер добрый, уважаемая. Как насчет составить мне компанию на ближайшие полчаса? — включая свое обаяние на полную, пробасил я на ухо темноволосой мурзилке в пальто да при галстукке.

Прикид у нее был еще "тот".

— О, господин Лукин, рада вас встретить здесь! — голос у малявки был на удивление певучий.

Не понял, мы че, уже знакомы что ли? Э-не, мы так не договаривались! Перед знакомыми я позорится не хочу! Скосив взгляд в сторону бойцов, я с неохотой заметил, что все их внимание приковано ко мне. Еще и Солерия лыбилась во всю моську. Вот же блядь, а!? И кто меня за язык дернул?

— Ох, а я-то как рад! Скажи мне, милая, а ты уверена что не хочешь быть пекарем? Твои булочки уж больно хороши!

Блять, что я несу!? Сука и это первое что пришло в голову!? Да мне лечится надо! «Полузнакомая» лилипутка удивленно приподняла бровь, явно не понимая что происходит.

— Эм... Простите, но может лучше сменим тему? — с надеждой в голосе попросила она.

— Конечно! Но давай лучше я в тебе поищу что-то хорошее... — томно предложил я.

— Эм... Что например? — девушка явно смутилась, но все-таки была заинтригована.

Молодец, лейтенант! Так держать! Давай, импровизируй!

— Не знаю, нефть?

Епт твою мать! Что ты несешь, идиота кусок!?

— Простите, это какая-то шутка? — девчушка недоуменно уставилась на меня.

Вот жеж...

— Ладно, блин... Вон там, — только не смотри, — стоит кучка идиотов. И я с дуру поспорил, что смогу закадрить любую коша... Любую даму из присутствующих. Так что, пожалуйста, дай мне номер телефона или еще чего... — несколько смущаясь, проговорил я.

Года четыре назад, подобные слова спасли меня от необходимости оплачивать некий общий счет в одном клубе. К чести моей старой знакомой, она не растерялась. Ухмыльнувшись и иронично стряхнув снег с моего рукава, она жестом попросила меня наклониться.

— В следующий раз, попробуй быть самим собой. — прошептала она мне на ухо, прежде чем легонько чмокнуть в щеку. — И кстати, меня зовут Мелодия. Мы виделись на приеме у Шайи в Кантерлоте! — уже громче сказала она, когда я распрямился.

— Да, конечно, я помню! — поспешно закивал я.

Какая еще Шайя!? Каком приеме!? Нихуя не понимаю о чем она!

Мурзилка иронично хмыкнула и сославшись на свой скорый выход, подхватила какой-то саквояж исчезла где-то по дороге на сцену.

— Бля-я-я... Ну, я даже не знаю... Это опыт, наверное. — за всех сказал Скоков, едва я вернулся обратно к столу.

Тройка придурков бляели что-то о том, что бабам всегда нравились офицеры и что это

нечестно, Лисин усиленно делал вид, что ему все равно, а иностранцы все так же тупили по сторонам. И лишь Солерия смотрела на меня хитрыми глазами да дергая белоснежными ушками, явно намекала что у нее отличный слух. Вот ведь дрянь!

Но, почему-то, она не стала раскрывать мое жульничество. Напротив, едва я сел за стол, как она тут же заняла место напротив.

— Ой, мальчишки, глядите! — она ткнула пальцем в сторону сцены, на которую забиралась Арфа с каким-то аккордеоном. — Мы должны немедленно поддержать отважную фелисину! А ну, пойдём-пойдём!

Не знаю как ей это удавалось, но бойцами она манипулировала мастерски. Никому из них и в голову не пришло, что их тупо прогоняют. Напротив, они действительно отправились в передние ряды, чтобы всячески поддерживать своим присутствием «мурзилку полка».

Лишь Скоков отправился в другую сторону. И, судя по его кислой морде, он твердо решил заблевать чью-нибудь стену. Но, кроме меня и, возможно, Солярки, это заметила лишь училка Лисина. Она неуверенно помялась на месте, явно разрываясь между сочувствием и нежеланием оставлять кавалера с «соперницей». Но все-таки решила в пользу первого и отправилась за подвыпившим солдатом.

Блин, может она не такая уж и сука?

— И что вы думаете насчет ветрености своего солдата? — оборвала мою мысль принцесса, наливая себе стакан то ли шампанского, то ли газированной настойки.

Хрен поймешь...

— Да ему что кошек трахать, что баб. Он бы и корову выебал... — отмахнулся я, глядя как Лисин что-то пытается объяснить не особо заинтересованной блондинке.

— Так что вы об этом думаете? — настояла на своем принцесса.

Вот ведь привязалась!

— Не знаю, я бы корову ебать не стал...

— Да оставьте вы в покое эту корову! — с коротким смешном потребовала она, прикладываясь к выпивке.

— Я-то оставлю, а вот он...

— Повелеваю оставить корову нетронутой! — уже во весь голос откровенно угорая, приказала Солерия.

— Ну, тогда если серьезно... — я вяло допил свою порцию и достал сигарету.

Что это ее на такие разговоры-то понесло? Надоело с этими придурками сюсюкаться? Ха, добро пожаловать в мой мир, овца хвостатая!

Принцесса утерла глаза рукавом моего бушлата и быстро взглянув на сцену, на которой выступал квартет из Арфы, Мелодии и еще пары незнакомых кошатин, снова повернулась ко мне.

— Да, если серьезно. — без былой иронии в голосе, попросила она.

Ох блин... Даже не знаю как сказать.

— Ну, короче... Вот у нас, у людей, при венчании клянутся, мол — буду с тобой и в горе и в радости. И тут такое дело... — я немного стусеивался, понимая что зашел уж слишком издалека.

Но к чести женщины, она не перебивала и, кажется, даже искренне заинтересовалась.

— Легко быть с человеком, когда у вас все хорошо. Когда есть бабки, жилье, жратва и порядочная или беспорядочная половая ёбля. Но ведь может случиться трагедия. Ну там, кто-то может покалечится, вылететь с работы или разжиреть как бегемот. — я жестами

попытался обрисовать сорокалетнюю тетку, под сто кило весом, но вызвал у Солярки лишь короткий смешок. — И в такие моменты можно понять, кто с тобой рядом — родной человек или говна кусок. Так о чем это я? А! С государствами так же. Только в этом случае, ты не выбираешь где родится и страна не выбирает кто в ней родится... Блин, я слишком болтаю, когда выпью. — раздраженно покачал я головой.

— Нет-нет! — Солерия поспешно возразила.

В ее глазах отражались огоньки сцены, когда она наклонилась чуть ближе:

— Прошу тебя, говори!

Блин, ей что, правда интересно? Или она опять стебется? Что-то я ее хрен пойму. Ладно, фиг с ним.

— Ну, если коротко, то выбора нет у обеих сторон. Я это к тому, что Лисин или Пугачев и ребята типа них, готовы быть верными только когда все хорошо. Они готовы жить только в радости. А если случается нужда, то никакой преданности от них не жди. Скажи спасибо если еще и на органы продать не попытаются.

— Знаешь, примерно о том же подумала и я. Ха! Кто-то из ваших королей как-то сказал, что заполняя вакантную должность он порождает сотню недовольных и одного неблагодарного. И, седлать твою мать, если у меня не так же... — задумчиво закончила Солерия, таская по столу стакан, наполненный чем-то прозрачным.

Что это она вдруг загрустила? Обиделась на Лисина? Или тут посерьезнее что-то? Блин как-то мне ее жалко стало...

Наше общее молчание прервали громкие хлопки прямо над головой. Не знаю о чем думала Лисси когда решила херачить салют прямо над городом, но порохом завоняло до невозможности! Еще и пепел прямо на башку летит... Ну дура же!

Однако мои мысли мало кто разделял. Вся толпа радостно гудела, наблюдая за представлением и пытаясь перекричать страшный грохот, от которого на столах подпрыгивала посуда. Походу дела, за своей болтовней, мы с Селедкой проебали бой курантов. Ни или что у них там в полночь положено? Хлопки ушей? А, не важно.

Не знаю почему, но отчего-то стало комфортно.

Вроде бы вокруг столько разноцветных мутантов, но почему-то я больше не нервничаю в их присутствии. Даже наоборот, ощущаю себя лучше, чем в компании своих же. Даже с Селедкой было как-то легче, чем с этими мудаками... Может я по бабам соскучился? Или устал из себя командира корчить?

И вообще, чем эти кошатины провинились, что так мне не нравятся-то? Ну живут они себе и что? Да, живут лучше чем люди, да, мирок у них весь такой тепличный и приторный. Дальше-то что? Если им хочется жить именно так? Но нет, давай всех под одну гребенку. Люди же иначе свой мир организовывали, а значит и мурзилки должны. Бред собачий. А главное, нету уже никаких людей. И не будет. Хоть ты лопни, хоть ты тресни. Даже если сейчас пара тысяч из леса выпрыгнет, все равно толку никакого. Выродимся да вся недолгая.

Сгинули к херам. Свалились с вершины прямо на самое днище. Хотели построить рай на земле, а устроили пиздец в квадрате. Агонизируя и пожирая самих себя с завидным упрямством. А теперь вот хочу и новое «поколение» к этому делу приобщить. Заставить жить так, как удобно мне самому. Потому что иначе и быть не может. Шоу должно продолжаться! Даешь прогресс! Даешь медицину и комфортную жизнь! Даешь напалмовые бомбардировки и танковые клинья! Все ради высшей цели! Только какой? Прыгать все выше и выше, пока голову о потолок не сломаешь? Или пробить этот потолок и стать чем-то

большим, чем был прежде? А хер его знает! Как повезет, наверное.

Хотя, оно и правильно. Такова человеческая природа. Все мы гребем под себя, все мы меняем, а что не меняем, то ломаем. И это очень круто! Даже эти дебилские мурзилки охреневают. Но зачем пытаться их переделать, если это их выбор? Даже если он и навязан изначально. Ну глупые они, ну наивные. Слабые, неопытные, неумелые и неприспособленные. И что? Прибить их всех, только потому что могу? Охуенная идея, лейтенант!

Блин, что-то со мной сегодня совсем не то. Раньше мне думалось совсем иначе, а теперь... Устал, наверное. Да, просто устал. Я уже встал с лавки и собирался молча пойти домой спать, как заметил, что не только я один не наблюдаю за салютом.

Солярия все так тихо сидела за столом. Но как-то иначе. Не игралась со стаканом, не глядела на толпу... Она уставилась в одну точку и сидела не шевелясь. Проследив за ее взглядом из праздного интереса, я тоже замер. В толпе, за моей спиной, стоял серый котик каком-то не примечательном плаще. И пялился он исключительно на королеву.

Но замер я не из-за этого. И даже не из-за странного горба под его плащом или нескольких похожих котиков, стоящих в толпе то тут, то там и так же пялящихся на принцессу.

Я узнал его! Это был тот самый барсик, с которым мы тащили мешок к воздушному шару! Тот самый, с которым мы взорвали чертов город!

Серый кот мельком взглянул на меня и молча направился в сторону Солярки.

Не знаю сколько продолжалась эта немая сцена, на фоне всеобщего гула и ликования, но едва котик чуть наклонил голову и потянулся рукой за пазуху, как я тут перешагнул через лавку и встал между ним и Соляркой.

Понятия не имею, какого черта делаю! Вроде ведь и обещал не лезть... Какая мне разница, ебнут Селедку или нет? Она же сама только и делает, что пытается мной манипулировать! Или моими солдатами. Мы же для нее расходный материал, так какого черта я из-за нее так рискую!? Совсем уже башкой поехал!?

Серый остановился и подняв голову, смерил меня взглядом.

Похоже, он тоже узнал меня! Хер знает почему, но я просто почувствовал это в его взгляде. Он молча тарачился на меня, не замечая толпящихся вокруг мурзилок, которые, то и дело случайно задевали его.

— Отойди. — едва слышно сказал он, но его голос с легкостью прошел сквозь общий шум.

Я не шелохнулся. Напротив, от его бесцветного голоса, во мне добавилось решимости. Хуем им всем по рылу! Пускай играют в свои игры в другом месте! Как там в том фильме было... Я тут закон!

— Ты осознаешь последствия? — задал он такой же безразличный вопрос.

Ясный хуй! Меня уже эти черти сколько раз пытались замочить. Такой херни навидался... От многоножек, до поехавших телок. Не то чтобы мне хотелось повторять хоть что-то из этого... Блин, ну а что еще делать? Самому Селедку пристрелить? Здорово, отличная идея! Наверняка избавит от кучи проблем.

А что я буду делать, если на следующий новый год, этим ебанатам захочется убить уже меня? Или еще кого? Нет уж, обойдутся!

— Я тебя предупреждал. — заключил он.

Я уже приготовился начать палить во все стороны, надеясь, что пронесет, и я не замочу кого-нибудь из местных, но серый котик просто развернулся и зашагал прочь.

— Ну и иди нахуй отсюда! — бросил я.

— Последнее предупреждение! — раздался сбоку новый голос, принадлежащий почти такому же барсику.

— Иди-ка ты тоже нахуй! — ответил я ему и достал Кольт из кобуры, но все еще держал его стволом вниз.

Убивать мне решительно не хотелось. Серый котик, конечно, крайне мутный хрен, но меня, вроде как, спас. Во всяком случае — предупредил о скором взрыве Кентердейла, хотя был не обязан это делать. И, по-моему, еще и не должен.

Впрочем, в этот раз ничего не произошло. Странные серые мурзилки потоптались какое-то время на месте, но все-таки разбрелись во все стороны, скрываясь в толпе.

Не знаю почему они тупо не замочили меня. Может приказа не было? Или просто зассали? А может решили действовать чуть иначе. Хуй их разберешь, мутантов этих!

— Так вы все-таки... Вот же я дура... — раздался за моей спиной приглушенный голос Солерии.

Она, похоже, так тупо и сидела на лавке, наблюдая за этой сценой. Блин, самоубийца что ли? Могла бы попробовать свалить, хотя бы.

— Еще какая! Пошли уже, пока эти пидоры не передумали. Вставай давай! — настал мой черед командовать.

Все еще держа пистолет в руке и опасно поглядывая по сторонам, я ждал пока Селедка поднимет свою ленивую сраку с сиденья и пойдет куда надо.

— Знаете, сейчас... Из всех самцов что я когда-либо видела, вы смотрелись лучше всех! — со смешком сказала она, когда мы наконец протиснулись через толпу.

Все мурзилки норовили доебаться до принцессы. Кто кланялся, кто поздравлял, кто спрашивал скоро ли она вернется. Королева отвечало вяло и односложно. Видимо за этот вечер ее уже порядком задолбали.

— Ну, и сколько у тебя их было? — сам не зная зачем, спросил я.

Видимо чтобы просто поддержать разговор. Идти молча и стрематься каждой тени — было тем еще удовольствием.

— М-м-м... Невежливо такое спрашивать, знаешь ли. Но так и быть. Порядка пятнадцати, я полагаю. — после короткого раздумья, ответила она.

Ну и шалава! А хотя... Ей же тысяча лет или больше... А, ну если так, то ладно. Впрочем, мне вообще насрать, кто там и что. Я-то ее ебать точно не собираюсь.

— После того что я видела, вы определенно могли бы стать тридцать восьмым. — заявила королева, игриво касаясь моего локтя.

— Че!?

От таких поворотов, я чуть пистолет не выронил. Она с ума сошла? Или просто прикалывается?

— Нашла, блять, время... — раздраженно фыркнул я, убирая пистолет в кобуру и доставая сигарету.

— Я просто подумала что вам будет приятно лишить меня невинности. — наигранно смущаясь, сказала она.

— В шестнадцатый раз!?

— Ну да, а что? Теперь-то я уж точно знаю как должна вести себя девушка которую лишают невинности! — откровенно смеясь, заявила она.

— Да ну тебя нахуй... — заржал я во весь голос.

Блин, все-таки у нее есть чувство юмора, мать ее. Или у меня нервы так расшалились? А, пофиг...

Весь остальной путь до казармы, мы уже откровенно подъебывали друг-друга. Я все стебался что с нее уже песок сыпется, она же вспоминала мои дебилские подкаты к Мелодии. Пожалуй, это был первый но настоящему хороший момент, за весь ебанный день.

Уже подходя к крыльцу и замечая, что в комнате Скокова горит свет, я вдруг остановился.

— Эй, ты про тормозной путь когда-нибудь слышал! — обиженно воскликнула Солерия, врезавшись в мою спину.

Но ее заявления меня совсем не интересовали. Меня больше занимала кучка дерьма, лежащего на ступеньке. Нет, я серьезно. Кучка дерьма прямо на ступеньке казармы. Просто кучка. Просто лежит.

И мне этого нихуя не понравилось... Нет, это не просто дерьмо, это что-то гораздо хуже. Я понятия не имею что за мистика творится, но каждый раз, перед тем как должно что-то произойти, я вечно вляпываюсь в говно. Магия это или что-то иное — хер знает. Но закономерность определенно есть.

— Ну что там опять? — начала капризничать принцесска.

Но прежде чем я успел посоветовать ей заткнуться, весь мир превратился в одну большую и яркую вспышку. Я не слышал ни свиста, ни грохота — ничего. Я как будто внезапно умер. Ничего не ощущая, не видя и не слыша. Только биение сердца и собственное прерывистое дыхание говорило мне о том, что я еще жив.

— Эй! Смотри на меня! Слышишь!?! — орала мне Солерия прямо в лицо.

Когда мне наконец удалось прийти в себя, то я обнаружил, что валяюсь спиной на снегу, а принцесса скидывает входную дверь с моей груди.

— Какого хуя... — пробормотал я, все еще плохо понимая что происходит.

И только когда мне удалось сесть, я понял, что наступил полный пиздец. Вся казарма оказалась охвачена огнем. То ли газ сдетонировал, то ли мебель такая горючая... Или бомба зажигательная. Не знаю. Да похуй. Потому что на снегу, прямо под одним из окон, валялся труп. Человеческий труп.

— Твою мать! — все еще плохо слыша, ругался я, уже даже не пытаюсь встать, а просто ползя в сторону погибшего.

Это же пиздец, полный пиздец!

Не знаю, в какой части пути я наконец сумел подняться на ноги и добежать, но результат это не изменило. Скоков был уже мертв. Вся спина была буквально расправлена, будто его на сковородке жарили. И не только его. Мельком взглянув на пышущее жаром окно, я заметил еще одну обгорелую мумию, но уже в комнате. Но это был не человек, а какой-то мурзилка...

Училка! Черт, она походу его в казарму отвела! Вот же блять!

— Товарищ лейтенант, какого хуя тут... Ух епт... — из ниоткуда возник запыхавшийся Пугачев.

В одной руке он сжимал бутылку вина, а в другой какую-то широкополую шляпу. Походу, он торчал с кем-то в роще или еще чего.

— Жопа тут. — коротко бросил я и все еще шатаюсь, принялся глазеть по сторонам.

Хер его знает, что я хотел найти. То ли пытался найти новых погибших, то ли обнаружить какие-нибудь следы. Но увидел я лишь пару красных точек, качающихся из стороны в сторону.

Проморгавшись, я узнал их обладателя. Нет, это был не красноглазик. Это был ебанный железный дровосек! Прапорщик стоял вдалеке и сокрушенно качал головой, видимо, полагая, что его отсюда не видно из-за огня.

Но я видел, блять! Я, сука, все видел!

Выхватив пистолет, я без затей бросился за ним. Не знаю на что я рассчитывал. Пуля его не возьмет, это точно. На такую броню только с РПГ ходить надо. Но эмоции брали свое и я не задумываясь о последствиях, просто пытался добраться до холмика где он стоял. Однако, то ли я слишком часто спотыкался и падал, то ли снег слишком замедлял меня...

К тому моменту, как я добрался до нужного места, никакого прапора уже не было. Я даже было решил, что сбрендил, но несколько следов от широких подошв отбросили эту версию.

— Значит вот как, да!?! Значит вот как мы поступим!?! — орал я в ночную пустоту, сам не понимая зачем.

Убивать меня, похоже, они пока еще не хотели. Судя по всему, прапор просто хотел рвануть казарму, в качестве предупреждения. А может хотел дождаться пока туда пойдет

Солярия?

Оценив предполагаемое место наблюдательного пункта, я понял, что имею дело с долбоебом. Прапорщик, херли с него взять... Тупо выбрал самое возвышенное место, а то что с него нихрена не видно передней части дома, он, похоже, не подумал. Как мы подошли к дверям — он видел, а вот зашли ли мы — нихуя. И то что в комнате Скокова горел свет, он тоже видеть не мог.

Тупой кусок говна!

Остается надеяться лишь на то, что он не смог разглядеть силуэт Солярки за пожарищем. Иначе к тому моменту как я вернусь...

— Да епт! — выругался я и тут же ломанулся обратно.

Нет, королева меня сейчас волновала меньше всех. Но там же еще и Пугачев!

Впрочем, мои опасения оказались напрасными. Что Селедка, что рядовой — оба были целы. Первая устало массировала виски, явно дожидаясь меня, а второй сидел возле обгорелого трупа и, периодически, прикладывался к своей бутылке.

— Что там? — осторожно спросила принцесса, когда я проходил возле нее.

— Ничего. — мой ответ прозвучал чуть громче допустимого.

Но я был слишком занят, осматривая горящий дом со всех сторон. Больше трупов не было. Кабанов где-то в городе, Лисин на площади, Сэйли у подруг, а Пугачев сидит здесь. Арфу я видел на сцене, а Бэйри пропала хуй пойми куда. Так что, скорее всего, больше погибших нет. Это радует.

Но казарма разьебана в клочья. Как и все содержащееся в ней оружие. Заебись...

Мало того что у меня один лишь пистолет, так я еще и понятия не имею куда исчез этот ебанный прапор. Следы ведь тупо обрывались! Ботинки у него, что ли, волшебные...

Стоп! Там же в городе еще пара убийц-самоучек трется! Они же из одной компашки! Или нет? Блин, они же в него стреляли... Или нет? Может мне напиздели? Да какая разница!? Это лучшая зацепка что у меня есть.

Бросив Пугачева разгребать пожарище, я остановился лишь за тем, чтобы еще раз взглянуть на Солярку, которая отчаянно старалась не встречаться со мной взглядом. Понимала, что все это из-за нее. Я хотел было сказать что-нибудь, но заткнулся.

Ты виноват, мудака! Поиграл в героя-защитника!? На, получи, распишись. А кто сказал что последствий не будет! Тебя предупреждали, дебил!

— Су-у-ука... — проскулил я уже на бегу.

На площади все еще толпились кошатини, которые, похоже, даже не поняли что вдалеке прогремел взрыв. Может за салют приняли, может просто не услышали из-за музыки. Плевать! Меня сейчас интересовала лишь та тройка говнюков. Два иностранца все еще о чем-то трепались с Лисиным, но, судя по тому, что они стояли без стаканов — они уже скоро собирались уходить.

Да, похоже так и есть. Красный пидор наверняка нашел способ предупредить своих. А значит времени еще меньше!

В голове уже созрел безумный план. Откровенно ебнутый. Но вполне рабочий. Допрашивать этих гребанных иностранцев можно долго и не факт что поможет. А мне очень нужно добраться до жопы этого вонючего прапора и разорвать ее в клочья.

Следить за ними слишком опасно — по-любому их за городом ждет группа вооруженного эскорта. Как раз на тот случай, если я увяжусь. Прапор хоть и мудака тупой, но уж такую простую вещь предусмотреть должен. Значит следить нельзя...

Еще и снег валит как не в себя... Даже по следам хрен отыщешь. И что делать? Муравью хуй приделать? Или по быстрому изобрести радио и нахерачить на них жучки, как в ебучем кино? А что, было бы круто...

Стоп! А ведь это мысль! Нет, не про жучки, а про идею их как-то незаметно пометить. Да так, чтобы они хер до этого догадались. По-моему у меня появилась охуевшая идея!

Не тратя времени на прелюдии, я с ноги вышиб нахер дверь в библиотеку. Внутри обнаружили лишь Ури и Гремму, которых я застал, видимо, за какими-то романтическими бреднями. Какого хрена они решили целоваться прямо посреди зала? Идиоты что ли?

У белой истерички наверняка начались флешбэки и она мгновенно заскочила за спину Потапыча, видимо решив, что я снова хочу замотать ее в ковер.

— Счетчики где!? — проревел я безумным голосом, отчего медвежонок сжался и задрожал.

Он пытался что-то промямлить, но и поднятой лапы, показывающей на второй этаж было достаточно.

Давно я не был в спальне Лисси. Помнится, как-то я тут пьяным валялся, а она меня спихивала со своей койки. Да уж, приятные воспоминания. Ящик с приборами обнаружился быстро. Он просто собирал пыль в углу.

Не знаю, сорок тут штук или нет, но должно хватить. Нет, сами приборы мне нахуй не нужны были. Меня интересовала лишь их радиоактивная начинка. Я просто доставал один, снимал крышку, срывал радиоактивную «таблетку» и швырял ее на пол. И так раз десять. Не думаю что даже человек с двумя руками смог бы справиться быстрее. Главное только, хотя бы один счетчик оставить.

Расхерачив «таблетки» каблуком, я принялся их тщательно крошить, от души топчась и, по-моему, даже матерясь. Крошево получалось не особо мелким, но вполне приемлемым. Забавно, но если я правильно помню, в «наших» приборах были «таблетки» из мягкого металла. Он гнулся, но зато нихрена не крошился. А тут наоборот... Повезло! Иначе бы пришлось напильником работать.

Блин, не особо мне нравится ловить дозу и собирать порошок голыми руками, но выбора нет. Тем более, оно не так опасно, как по телеку говорят. Главное только внутрь организма не занести. Иначе да, пизда рулю. Хотя, все равно лишь через пару недель.

Оставалось только собрать все это дерьмо в пачку из под сигарет и быстрее бежать обратно на площадь.

И я еле успел. Лисин уже прощался за руку с блондинкой, видимо пытаюсь договорится о новой встрече, отчего она пыталась отмазаться. Блять, хоть какая-то польза от этого мудака! Задержал, спасибо и на том.

Пробегая мимо стола с салатами и жрущими лилипутами, я замер как вкопанный, заставляя мурзилку вздрогнуть. Но до них мне дела не было, но на столах стояли бутылки с каким-то растительным маслом.

— Идеально, блять! — шипел я, срывая пробку зубами, зажимая бутылку между ног и засыпая в масло радиоактивный порошок.

То что доктор прописал! Теперь они точно мой сувенир не потеряют! Прилипнет — хрен смоешь!

Едва немка смогла отодрать свою руку от ефрейторской, как тут же приняла пол-литра масла прямо на армейские брюки. Француз тоже не остался без подарка. Я убедился что хорошо плеснул им на ботинки и под ноги. Пусть потопчутся. К подошве пристанет — хер

избавишься потом. Масло-то смоешь, а вот сюрприз — хуй!

— Какого черта!? Эй, хорош уже!!! — охренел Лисин, но я ничего не ответил.

Я просто развернулся и спокойно пошел обратно, не утруждая себя ответами. Конечно, можно было притвориться пьяным или еще чего... Но плевать, они и так хрен догадаются! Я бы и сам нихуя не понял!

Кому придет в голову, облить двух идиотов радиоактивным маслом, чтобы потом, замеряя уровень дозиметром их можно было бы найти? Это почти как по запаху, только еще лучше. След можно сбить зайдя в воду или просто попрыскавшись нужными химикатами. А как сбить радиацию? Правильно! Только выкинуть одежду нахуй и хорошенько отмывшись в душе. Очень-очень хорошо отмывшись. С чем я, в это холодное зимнее время, искренне желаю им удачи! Да и некогда им, вон как спешат... Чуть ли не бегом уже валят. Видимо решили, что я их чем-то горючим облил или что-то такое. Идиоты! Ну да ладно...

Дальше-то что? Ну найду я их логово, а потом? Блин, мне ведь даже солдат брать смысла нет — пистолет-то только один, а автоматы спокойно догорают вместе с несчастной училкой. А и похуй!

Пусть придется одному, со сраным пистолетом и против хер пойми скольких уродов. Да еще и на их территории. Такое только в кино возможно. Но есть ли у меня выбор!? Что будет, когда они поймут что облажались в третий раз? Что сделают, когда поймут, что Солерия еще жива!? У меня только два варианта выбраться из всего это дерьма.

Убить ее или убить их. Первый простой и даже, в чем-то, приятный. Но второй привлекал меня куда больше. Ох блять, насколько же сладко звучал второй вариант... Прибить Селедку я всегда успею, в конце-концов.

Все что теперь оставалось, это подождать пару часов, пока «гости» не свалят от города на приличное расстояние. То, что они уйдут пешком, я почти не сомневался. А даже если воспользуются поездом или раздобудут какую-нибудь машину, то хрен им это поможет. Их только вертолет спасет.

Теперь я этих пидоров из под земли достану! Их и этого уебка в броне. Посмотрим как она ему поможет, гондону старому!

— Да-а-а... Нужно всего лишь подождать. — проворчал я, закуривая сигарету, которую заблаговременно высыпал в карман.

За городом еще бушевал огонь. Понятия не имею, что в казарме могло так гореть, но горело знатно. Возвращаться обратно очень не хотелось. Глядеть на трупы и все это... Надоело уже. Блин, еще и училка эта. А Лисин даже и не в курсе, мудака гребанный.

Никогда я Скокова не любил. Очередной сельский гопник — в каждом призыве найдется такой. Одни проблемы от придурка. Но он именно, что придурок, — не более того. Просто парень из неблагополучной семьи. Чем он мог заслужить такое!?

А тем, что имел несчастье при распределении попасть в мой взвод. Он и еще тридцать таких как он, которые не дожили до этого момента.

Черт, а ведь я понимал, что все может так получиться! Ну знал ведь, что пиздеп начнется... И все равно подписался. Сам подписался и подписал под это всех бойцов. Отличный я командир, ничего не скажешь. Всем подписку на тот свет оформляю!

— Блин, слово-то какое дебильное... Под-писка... — устало покачал я головой, сворачивая подальше от сцены с громкой музыкой.

Попадаться на глаза Пугачеву — решительно не хотелось

Тяжко это — сидеть и ждать. Нет, одно дело когда ты в какой-нибудь очереди торчишь или ебланишь в строю, ожидая пока старшие офицеры закончат пиздеть между собой, дабы опять свалить все на таких как ты. Это фигня, это привычно. А вот сидеть и ждать момента, когда тебе нужно будет поднять свою жопу с лавки и отправится хуй пойми куда, чтобы всех там замочить — совсем другое. Особенно, когда ты инвалид с одним пистолетиком, а валить тебе придется, гребанного терминатора в тяжелой броне. Надо бы мушку спилить, а то этот Кольт мне точно в жопу затолкают. Хотя не так больно будет, без мушки-то.

И как мне весь этот идиотизм в голову-то пришел? Куда я собрался вообще? Без плана, без поддержки и почти без оружия? Черт, чем больше я пью, тем меньше мне все это нравится. Странно, должно быть наоборот.

Возвращаться к казарме у меня не было ни малейшего желания. Хрен ли мне там делать? Смотреть на обугленные трупы человека с лилипуткой? Или сопли Пугачеву утирать? Или терпеть сюсюканье Селедки? Ну уж нахуй.

Я лучше тут посижу, на лавочке. Предварительно «заправившись» еловой настойкой. Нет, не то чтобы мне хотелось напиться с горя. Просто я уже настолько запарился пить яблочное бухло, что едва заметив нечто новое, я не смог удержаться. Праздник же!

Да и горя-то никакого не было. Не знаю. То ли я схожу с ума, то ли уже перегорел, но смерть Скокова меня вообще не беспокоила. От слова — совсем.

Я маялся в ожидании и ни о чем конкретно не волновался. Сидел на детской площадке, неподалеку от школы, глушил настойку и глядел на то, как снежинки водят хоровод вокруг уличных фонарей. Ветер усиливался, заставляя меня плотнее укутываться в бушлат. Даже шапку «пидорку» надел, — не зря в кармане носил. Благо я ее своевременно купил у местной швеи. Вернее, Лисину подарили, а я спиздил, но это мелочи.

Забавно, но в городе все еще бушевал праздник. Несмотря на холод, до меня все еще доносились чьи-то номера, исполняемые на сцене. Похоже, эти мурзилки даже не заметили, что в полукилometре от них взорвали казарму. Ну, или им просто похуй. Эти кошечки порою поражают своей флегматичностью. Видимо — потому что травоядные. А может и нет. Понятия не имею.

Часов у меня не было, но по моим прикидкам, прошло уже достаточно времени, чтобы можно было смело выдвигаться следом за иностранцами.

— Блять, даже курева не осталось! — выругался я, доставая сигарету из последней пачки.

Все сгорело. И оружие и жратва и курево — вообще все. Даже золото, наверняка, расплавилось к чертовой матери. Впрочем, хрен бы с ним, — Селедка еще выдаст, если потребую. А вот с оружием и куревом...

Я поймал себя на мысли, что потеря автоматов и сигарет беспокоит меня куда больше, нежели потеря еще одного бойца. Может, потому что из всего взвода у меня и так всего трое осталось? Да нет, тогда наоборот — дорожить должен. Что-то со мной не то. Блин, да мне училку больше жалко, почему-то. С ней как-то вообще некрасиво вышло. Помогла Скокову добраться до дома, а вместо «спасибо», получила зажигательным боеприпасом по башке. Как-то совсем несправедливо выходит. Хотя, когда иначе-то было?

Мда.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант... — раздался необычно тихий голос Арфы за моей спиной.

Обычно она здороваается куда как бодрее. И громче.

Забавно, но я даже не вздрогнул. То ли алкоголь дает о себе знать, то ли просто потому что голос сразу узнал. А может потому, что я просто устал уже вздрагивать.

— И тебе не хворать. — не особо приветливо отозвался я и немедленно приложился к почти пустой бутылке.

Не то чтобы мне хотелось ее обидеть, но и на ведение бесед настроения не было.

— С вами все в порядке?

Как правило, такое спрашивают чисто для поддержания разговора, но в ее словах слышалось настоящее беспокойство. Неужто так хреново выгляжу?

Я затаился из руки, в которой держал бутылку и нехотя посмотрел на девчущку, взгромоздившуюся на соседнее место.

Да, этим-то лилипутам скамейки как раз. А мне даже ноги не согнуть.

— Ага. В полном. Год новый, а дерьмо все то же.

— Да, это точно! — кивнула она, ухмыляясь, воспринимая сказанное как очередную шутку.

Да уж, ее, отчего-то, всегда на ржач пробивает, когда я всякую хуйню несу. Дура, наверное. Хотя не дурнее меня, конечно. Взглянув еще раз на хвостатую мурзилку, что смотрела на меня горящими глазами, я вдруг понял, что она еще ничего не знает.

Ни о Скокове с училкой, ни о казарме. Ни о том, что я собрался делать. Для нее праздник продолжается без эксцессов.

Сказать ей? А зачем? Не, нафиг. Она же за мной увяжется. Я бы лучше Кабанова взял или Солярку. Но увы. Толку от безоружного капрала будет мало. А Селедка всю свою магию еще вчера проебала и когда родит «новую» — непонятно. Блин, эта магия чисто как мана в игрушках. Может ей зелий каких выпить? Хотя не, не думаю, что все так просто.

Короче, хочешь не хочешь, а идти придется одному. Ибо только у меня есть, хотя бы, пистолет. С двумя, блять, магазинами! И на что я рассчитываю вообще?

— Товарищ лейтенант, а можно... Разрешите вопрос? — поспешно поправилась Арфа.

— Валяй.

И чего она приперлась-то? Концерт вон, еще идет. Нет, решила мне мозги полоскать. Еще и нашла как-то. Или просто мимо проходила? Достала!

— А вы с младшим лейтенантом... То есть, с просто лейтенантом больше ведь не общаетесь? — с запинками проговорила девчущка играя бледной челкой, и глядя куда-то в сторону.

Каким еще лейтенантом? Я тут один лейтенант! Как я могу сам с собой общаться? Дрочить что ли? Что за хуйню она... А-а-а, Сивира же, елки-палки! Тьфу, а я-то подумал.

— Нет, конечно. Я ее последний раз еще на суде видел. Нашла кого вспомнить.

— И не переписываетесь даже?

Блин, ей-то какое дело?

— Нет конечно. Было бы что писать.

Хм, кстати, а ведь Сэйли мне письмо передала. А я его даже не вскрывал. Ну да и хрен с ним, все равно ничего важного в нем нет. Уверен.

— И больше вы ни с кем не общаетесь?

— Общаюсь, блин. Вот сижу и с бутылкой общаюсь. А ты наши переговоры

прерываешь. — ответил я, изо всех сил сдерживая подступающее раздражение.

— Я не про это... — теребя пальцами набедренные карманы на своих пиксельных штанах, пробубнила она. — Я имею ввиду... Ну, не встречаетесь вы с кем-нибудь.

Тьфу ты! Кто о чем, а вшивый о бане. По-любому выпила для храбрости и теперь клеится будет. Эх, нашла же она время...

— Нет, не встречаюсь.

«И с тобой не буду» хотел сказать я, но вовремя остановился. Разрыдается еще. Да и незачем ее расстраивать лишний раз. Она-то ни в чем не виновата. Тем более, по моему тону, уже сама должна понять, что я не настроен вести подобные беседы.

девушка молчала несколько секунд, явно собираясь с мыслями. Я знал, что она скажет и уже прикидывал как бы потактичнее отмазаться.

Но трогательного признания и последующего неловкого отказа не случилось.

Позади послышались три строевых шага:

— Товарищ лейтенант, младший сержант Кабанов по вашему приказанию прибыл!!!

— Блять! Я чуть не обосрался! — рывкнул я, прежде чем сообразил, что произношу это вслух.

Единственное что утешало, так это Арфа, которая с испугу вообще с лавки грохнулась.

Чертов увалень! И на кой хрен я ему утром про устав напомнил?! И какое еще приказание?! Я ему ничего не приказывал... Блин, походу он у казармы был и решил, что я его ищу. Ага, прямо разыскиваю! Сидя на лавочке и молча бухая хвойную бурду. Охуенный я поисковик, да? Хотя, Кабанов никогда сообразительностью не отличался.

— Вольно! Отставить. Не на плацу. — уже спокойнее закончил я, поворачиваясь боком, чтобы взглянуть на солдата. — Куда собрался-то? На дембель что ли? — не удержался я, заметив пьяный блеск в глазах капрала и помятый внешний вид.

Бушлат еще весь грязный. Валялся что ли где-то?

Боец слегка стушевался и неуверенно взглянув на Арфу, неуверенно ответил:

— Ну, с вами, конечно...

Ну надо же, какая самоотверженность и верность присяге. От «бравого» вида добровольца я невольно усмехнулся. Выпил лишнего и теперь в бой рвется. Нихрена не понимает, а потому и рвется.

— Это куда? В библиотеку спать иди, без тебя разберусь. Давай-давай, кругом-марш. — отмахнулся я замечая непонимающий взгляд хвостатой.

Валить уже надо, а то сейчас еще Арфа вопросы задавать начнет. Пусть лучше капрал ее просвещает насчет последних событий, а мне не до того.

— Эм... Никак нет, товарищ лейтенант. То есть, ну... Не пойду я. Ну, в библиотеку не пойду, а с вами пойду... — краснея с каждым новым словом, заговорил солдат.

От его бляений я начинал потихоньку закипать, что не ускользнуло от рыжего болвана.

— Извините, я не знаю как по уставу надо от приказа отказываться... — совсем по детски промямлил он.

— Да ты что?! Прикинь, я блять тоже не знаю! А теперь съебал отсыпаться! Долбоеба кусок! Хули встал?! Сука, да я тебя уебу сейчас... — заорал я, швыряя бутылку под ноги бойцу и вскакивая с лавки.

Не знаю, что на меня нашло, но кровь бурлила и требовала действия. Бежать, стрелять, драться, ебаться — что угодно, лишь бы не сидеть и смотреть на бляения этого сопляка и не слушать нюни Арфы. Достали уже! До смерти достали!

Не знаю, в какой момент я пришел в себя. Через пять секунд или через десять. В чувства меня привел дребезг разбитой бутылки и я обнаружил, что уже собираюсь дать капралу по роже. Покалеченной рукой, ибо правой я держал его за воротник. А Кабанов даже не закрывался. Не давал сдачи, не пытался отойти. Лишь жмурился. Но главное — это черные следы на его щеке. Сажа или еще какая фигня. А значит, что он точно ходил на пожарище и, скорее всего, пытался забраться в горящую казарму. Оружие достать или трупы. Или на раненых надеялся, дурак. Мда.

— Иди спать, блин. Задолбал уже. — устало покачал я головой, виновато пряча покалеченную руку в карман.

Ай, совсем уже себя не контролирую! И за каким хером я на него взъелся? Нашел кому и за что морду бить. Откуда у меня такая тяга к истерикам? Как баба прямо.

— Товарищ лейтенант, я... — снова попытался возразить он.

— Хуйня, Кабанов. Понимаешь? Головка от патефона. Линза ты. Мягкая. Лезешь тут, светом по целлулоиду. Ну куда ты собрался-то? Пьяный, без оружия и в грязной и, что главное, в неглаженной форме? Ну? Что замолчал? На вот, снега набери и умойся. А то как чушка прямо. — без нажима и даже с намеком на теплоту в голосе, говорил я, выковыривая платок из нагрудного кармана кителя, что под бушлатом.

Несколько помявшись, Кабанов принял платок и последовал моему совету.

— Ты ведь даже не знаешь, что как и куда. А уже собрался. — продолжил я, закуривая новую сигарету и игнорируя взгляд Арфы.

Хотя я и сам ни хрена не знаю куда собрался. Видимо, я дебил ничуть не меньший. Ну да, тоже мне, новость.

— Ну... Вы ведь по следу идти собираетесь. Этой... Как она? А! Радиацией и пометили и теперь хотите преследовать. Да ведь? — без особой уверенности, заговорил он, растирая снег по лицу.

Я чуть сигарету не выронил.

— А потом... Ну, не знаю. Наверное вы какую-то диверсию устроить хотите. Подорвать что-нибудь или...

— Пидерсию, блин. Откуда ты про радиацию знаешь?! — нервно затягиваясь, перебил я рыжего.

Если уж этот увалень сообразил мой план, то уж иностранцы по-любому догадались! Вот же блять! А я бы ни в жисть не сообразил! И когда все такими умными заделались?

— Ну... Про масло мне Саня... Ефрейтор Лисин сказал, а про счетчики эти... Как их? Ну, про счетчики радиоактивные Ури рассказал. Вот я и решил. А что, не правильно? У меня просто сон похожий был. — с ноткой досады, спросил капрал.

Я лишь отмахнулся, возвращаясь обратно на лавочку. Охренеть. Просто охренеть! Не понял, какой сон?

— Стоп, что за сны еще?

— Да обычные. Ну, не обычные, но такие мне уже снились. Ну знаете, как мяту найду, так и снятся. — явно не желая придавать этому значение, ответил сержант.

— Что, блять? Какую еще мяту?! Ты что несешь? — чувствуя как глаз начинает произвольно дергаться, я стал прикидывать, может все-таки стоит его приложить.

Стукнулся где? Или напился просто?

— Обычную такую. Точнее, мелкую совсем, но обычную. Ее в Фелерии много ведь, вот мне и попадается. А потом я всегда сны всякие вижу. Про драконов всяких... Дровосек

железных и всякое такое. — Кабанов явно стеснялся этой темы и говорил довольно сбивчиво.

Но я не перебивал.

— Фигня это все, просто вчера приснилось, что по городу бегает Серафима и на следы в снегу светящуюся жижу сплевывает... Ну, блевала она, короче. А еще на следах значки были. Ну, как на ядерных ракетах. В кино там и все такое... — замолк солдат, совсем раскрасневшись.

— Какая еще Серафима?

Что еще за божественные откровения? У меня тут пророк во взводе служит или я чего-то не вдупляю?

— Ну, кошка у меня в детстве была. Трехногая. Ей гусь лапу повредил, вот она без левой и осталась... Ну знаете, гуси. Это такие осатаневшие курицы или как-то так. У них еще зубы на языке...

— Да срал я на твоих гусей!!! Дальше давай!

— Да фигня это все, товарищ лейтенант. Я просто к тому, что как мне Лисин сказал, что вы масло на ноги пленным вылили, так про сон и вспомнил.

— А мята? Когда ты ее находил, потом ничего не случилось? Ну типа, не стреляли так по тебе или руки отрезали... — притих я, сообразив, что говорю такой же невнятный бред.

— М-м-м... Ну, в первый раз я его у себя в окопе нашел. Ну, знаете — еще там, когда дома были. Ну, в России то есть. Не знаю откуда мята там была. Потом еще утром, перед «годзиллой»... А, еще на одну кучку наступил, когда на американцев ходили, во! И в лесу, когда копали тот тоннель. А! Еще когда...

Я уже особо не слушал.

Мои робкие подозрения получили неожиданное подтверждение. Я знал, что кучи говна, которые мне постоянно попадаются — ни хрена неспроста! Правда, я и понятия не имел, что с кем-то творится тоже самое. Видимо, считал себя дофига избранным. Мда.

Интересно, такая фигня только с Кабановым или со всеми? Что за сны и почему мне они не снятся?

Что это вообще такое? Это ведь не Солерия и не Валя. И даже не красноглазик. Что за мистика-то? Это предупреждение, предостережение или угроза? Или охереть какое совпадение?

И самое главное — почему ему мята, а мне говно?! Что за дискриминация?! Нет, я серьезно!

— Товарищ лейтенант... Разрешите уточнить куда вы убываете? И что происходит-то?! О чем вы говорите?! Какого сена стряслось вообще? — на ходу забывая субординацию, напомнила о себе Арфа, метаясь взглядом между стушевавшимся капралом и охреневающим лейтенантом.

Плюнув на все свои былые попытки отмазаться и свалить подальше, я сдался и выложил все как было. То есть, вообще все. Даже про то, как сам до этого довел, когда отказался сдавать Селедку. Чего уж теперь замалчивать? Считай, сам Скокова с училкой угробил, пусть и незаметно. Хотя, тут я наврал. Все-таки, даже такой дурак как я понимал, что последствий не избежать. Просто не думал, что так скоро нагрянут.

Впрочем, ни капрал, ни мурзилка, никаких возражений не высказали. Зато выказал Лисин.

Хуй его знает, где и как долго и где он прятался, но когда я дошел до момента, как

обливал driща с бабой растительным маслом, он наконец решил подать голос.

— Короче я понял, это еще один пример вашего блестящего руководства! Аплодирую стоя. — с явной неприязнью заявил он, подходя к нам со стороны школы.

Остановившись прямо передо мной, он демонстративно медленно достал сигарету из свежей пачки и небрежно закурил.

— Пугачев с принцессой укрылись в лазарете. Ну, это если вам интересно конечно. Хотя, о чем я? Тебе же похеру, что солдат сидит перед горячей казармой. На лавочке-то бухнуть важнее. Лишь бы яйцами позвенеть, а там хоть...

— Ты ебало-то завали. — не повышая голоса, потребовал я, не желая больше слушать его наезды.

Уж кто-кто, а он-то молчать должен. Нету у него права меня отчитывать! Пугачев может! Кабанов, Арфа или покойный Скоков, но не этот мудила! Хотя, почему нет? Да потому что он меня заебал сильнее всех остальных, вот почему! По мне так, это достаточное преступление.

— А то что?! — чуть ли не взвизгнул ефрейтор, игнорируя напряженное молчание остальных.

В свете сигаретного уголька, я заметил, как у бойца едва уловимо блестят глаза. Понятно. Еще одна истерика в мою сегодняшнюю копилку. Замечательно, просто замечательно. Его Сэйли покусала или... Блять, а Сэйли-то где?! А-а-а... У друзей своих бухает, колется и в жопу долбится. Подростки же.

— Ничего. — сплюнул я, с усилием подавив желание взяться за пистолет.

Хвататься за вольну и тыкать ею в морду своему же — херовая идея. Тем более он мальчик уже пуганный. А патронов у меня мало. Хер с ним, пускай выговорится. Может он и прав. Хрен его знает.

— Ага, тебе всегда — «ничего». Только вот с какого перепугу за твои подвиги должны остальные расплачиваться, а?! — боец, похоже, воспринял мой тихий голос, как личную победу и решил продолжить «наступление». — Нет, это конечно круто, благородно даже! Такой-то жест доброй воли! Саму принцессу, мать ее, Солерию защитил! Надолго ли, кстати? А то такими темпами... Ну про казарму вы в курсе уже, да? — кивнул он Арфе с Кабановым:

— И больше ни хуя! Что будет дальше, тебя, блять, не волнует! Кого там прибьют по твоей тупости... Да похуй! Лишь бы какую-нибудь херню отчебучить! Сука, да я уже полгода с тебя охуеваю! — развел руками ефрейтор.

Блин, может в воздухе какую-то фигню распыляют? Чего всех на истерики сегодня тянет? Сэйли пизданулась, я пизданулся, этот придурок не затыкается...

— Ладно еще в части когда были, там понятно. Дисциплина, все дела. Здесь, поначалу, тоже понять могу — не привык еще. Не врубился ни хрена. Но сейчас-то?!

Надо было не настойку пить, а сразу выдвигаться. Тогда бы и не пришлось всю эту херню выслушивать. Эх, все беды от бухла. Или от баб. Прямо два краеугольных камня моей жизни.

— Негров каких-то прирезал, женщину до смерти забил, минотавров газом перетравил, сектантов непонятных перебил. А, ну и клятых пиндосов перестреляли. А то как же иначе? Американцев-то не прибить. И Шепилова заодно... А Город! За каким-то хером целый город подорвал! Сам еще калекой остался. Мы-то уж думали все, после этого успокоится летеха. Нормально будет. Ага, блять! Сам нагулялся, теперь надо нас «выгулять»! Нет, ну я не прав

что ли, а? — он обращался уже не ко мне, а к Арфе с Кабановым.

Те как-то неуверенно молчали. Капрал доставал из своей пачки сигарету, а Арфа устало массирует виски, явно пытаясь осознать происходящее.

— Нет, мать твою, я серьезно! Почему у нас — ефрейтор кивнул на Кабанова. — Все нормально, а у тебя все через жопу?! Почему, блять, в нас никто никогда не стреляет? Не взрывает и не пытается грохнуть, а? Кроме тех моментов, когда мы оказываемся рядом с тобой! Да епт твою мать, это же из-за тебя вся эта херня происходит!

Капрал смущенно курил возле лавки, стараясь лишней раз не смотреть на меня. Видимо, он уже не в первый раз слушает подобные речи. А, ну теперь мне понятно, о чем эти говнюки между собой перетирают, когда меня нет. Хотя, можно было ожидать чего-то иного?

А самое обидное, что в чем-то он даже прав. Однако, ничего это уже не меняет. Ну не голову же пеплом мне посыпать, в самом деле?

— Слушай, ты не заебался еще вопить? Ты к сути давай, мне твои бабьи сопли уже надоели. Своих хватает. — решил я подтолкнуть бойца в нужную сторону.

А то он так до утра будет. И чего он так взъелся? Со Скоковым они вроде не сильно корешились. Его Пугачев что ли так задел? А-а-а... Тьфу, баба же его сгорела! Совсем из головы вылетело!

— Вот! Так ты к сути хочешь? Что, устал уже слушать? Не нравится когда... — снова завел он свою «песню».

— Да ты заебал уже! — плюнул я, вставая с лавки и отряхивая задницу. — У тебя были идеи получше? Ну давай, скажи, как я должен был поступить? Сдать с потрохами Селедку? Чтобы, после нее, еще и нас за жопу взяли?

— Не носи херни! Просто не лезть надо было! Не совать свое ебало, куда не просят! Или, хотя бы, других не втягивать. — Лисин сделал шаг назад и немного напрягся, похоже, решил что я и ему сейчас по морде тресну.

Соблазн был, но что-то мне подсказывало, что пиздов тут получу именно я. Фигово быть инвалидом.

— Что значит, «не лезть»? Ее бы грохнули. Блин, это же тоже самое, что и сдать.

— Да и хер с ней... Знаете, есть такая мысль, что иногда должны погибнуть добро и милосердие, чтобы жило все остальное. В конце-концов, ничего изменить не выйдет. Результат и так известен, а ты, блин, только лишние жертвы создаешь. — впервые понизил голос солдат.

— Не понял. Ты же у нас дохуя кошкоеб. За все хорошее, против всего плохого и далее по списку, разве нет? И чтобы мурзилка твоя сказала? Типа, все нормально, так и надо? — искренне изумился я.

Боец ничего не ответил. Он лишь на секунду наклонил голову, словно повторяя в голове мои слова. А потом случилось то, чего я так долго опасался. Ефрейтор от всей души зарядил мне прямо в нос.

И, должен сказать, очень больно!

— Ах ты пидор! — рявкнул я, пытаясь оторвать с воротника его левую руку и попутно не получить снова.

Получалось плохо.

Мальчик явно кушал много каши и вцепился в бушлат мертвой хваткой, не забывая при этом стучать кулачком мне по кумполу и орать что-то про «как же ты меня заебал».

— Рыцарь печального образа, мать твою! Честь дамы защищать решил. Вот же засранец! Не особо ты стремился ее защищать, пока она живой была. — мне не оставалось ничего другого, кроме как от души поносить бойца.

— Че?!

И в самом деле, о чем я вообще? Сложно думать, когда тебе по балде навешивают... А, вспомнил! Взбесить его надо. Тогда, может, чтобы сподручней меня пиздить, он руку от бушлата уберет. Уж тут-то я и отыграюсь.

— Хуй тебе на воротник, вот «че»! Сдал ты свою бабу. Как алкаш стеклотару! На немку эту гребанную променял. Не, ну, а хули. У нее-то сиськи больше, скажи? Херли ты мне тут лечишь? Глазки проплакиваешь. Гандон малолетний!

Зрачки у ефрейтора резко сузились и я понял, что сейчас он будет меня месить пока не прибьет. Или хотя бы попытается. А это никак не входило в мои планы.

К счастью, боец все-таки ослабил хватку на воротнике и я смог как следует его боднуть. Он успел немного отвести голову, но я все равно попал. Причем, прямо в глаз.

Отшатнувшись на мгновение, парень громко зарычал и уже собирался снова броситься на меня, как вдруг резко согнулся и жалобно запищал.

Я сначала не понял, что произошло, пока не заметил перед собой Арфу. Девчушка, видимо, устала смотреть как избивают инвалидов и, словно верная овчарка, решила действовать. На мой взгляд, даже чересчур решительно.

Заехав несчастному ефрейтору по самому сокровенному, она не успокаивалась и продолжала долбить его кулаками, заставляя упасть на землю и неумело закрываться. При этом каждый ее удар, сопровождался комментарием в стиле, «никогда», «не смей», и «еще хоть раз». Что-то она увлеклась. Хотя я не против. Пусть огребет чутка, мне не так обидно станет. Блин, у меня вся рожа в синяках теперь будет! А, похер.

Пожав плечами, я высморкался кровью на ближайший снег и взглянул на Кабанова. Здоровяк неуверенно чесал репу и виновато смотрел, то на меня, то на разошедшуюся лилипутку.

Ладно, пора и честь знать. Еще одного инвалида во взводе мне не надо. И так все умственно отсталые.

— Хули смотришь! А ну оттащи ее! Быстро!!! Убьет еще... — тихо добавил я, убедившись, что Кабанов начал исполнять приказ.

Честно говоря, самому мне было просто стремно ее оттащить. Как-то она слишком разошлась. Обычно вся такая добренькая миленькая малявка, а тут — маньячка самая натуральная. Гасит его по черепушке, даже не задумываясь, что покалечит сейчас. Блин, как бы и вправду не убила...

— Отъебись! Убери грабли, сказала!!! — прошипела длиннохвостая мурзилка сторону мешающегося капрала.

Малявка вошла в раж и явно вознамерилась забить несчастного ефрейтора Российской армии до полусмерти. Боец уже даже и не пытался сопротивляться. Свернувшись в позу эмбриона, он лишь охал и ахал, когда мелкий ботинок снова настигал его.

Кабанов бегал вокруг и пытался что-то сюсюкать, получая в ответ порцию слюней и обещаний разорвать «и его слюняйскую жопу».

— Блять, заебали! — плюнул я, доставая Кольт из кобуры.

От звука выстрела и пули вошедшей в землю возле ее ног, Арфа наконец оторвалась от Лисина, заворуженно наблюдая как воронки в снегу медленно поднимается пар.

— Тринадцать! — снова крикнул я, когда собравшиеся наконец обратили на меня внимание. — Тринадцать, блять, патронов! Тринадцать сучьих патронов осталось! Понимаете?! Шесть здесь и семь здесь! — я помахал пистолетом, а затем постучал им по кобуре.

— А мне еще надо распидорать ходячий танк и хуй знает сколько иностранных пидрил! Так что — отставить это чертов цирк! Заебали уже. — уже тише закончил я.

Проигнорировав виновато понурившуюся мурзилку и тупящего в сторонке капрала, я приблизился к Лисину.

— Вашу ж мать! Вы меня под трибунал подвести хотите?!

Снег под бойцом был мокрым. И отнюдь не от воды. И даже не от мочи. Быстро обернувшись на мелкую, я заметил, что в ее маленьком кулачке зажат перочинный ножик.

— Ты ебанулась что ли?! Кабанов, хули пыришься, а ну подними его!

Я думал она его просто по яйцам стукнула, а эта ебанутая его пырнула! Прямо в хуй пырнула! Ножом! Или не прямо, но один хер.

— Извините, я просто... — начала что-то мямлить Арфа, но мне было не до этого.

— Хуесто! Совсем уже берега попутала! — зашипел я на нее и тут же переключился на сержанта:

— Ну, что смотришь, в лазарет попиздовали! Снега только в трусы ему навали. Да, снега и в трусы, что смотришь?! Давай-давай, в темпе. Не хватало мне еще одного жмурика за сегодня.

Ну что за день, а? Нет, не день. Что за месяц? Год? Блин, сколько я уже здесь? Полгода? Или четыре месяца. А может два или три... Не помню совсем. Кажется, когда я из землянки вылез был август или начало сентября. Ай, да какая разница?! Нафиг высчитывать?

Или... А нахрен вообще хоть что-то делать? Ради чего я тут нервы треплю? На Кабанова срываюсь, потом от Лисина выхватываю? Нафиг мне руку отпилили? И ядреная бомба еще та. Блондинка поехавшая, американцы с африканцами. Шепилов еще... Зачем все это было? Нет, правда. В этом вообще есть хоть какой-то смысл? Может мне и не надо было во все это вступать?

Блин, депрессия у меня, что ли? Какой-то фигней голову забиваю. Надо, не надо... Сделано уже все. Задним умом все дофига умные. Что уж тут.

Праздник в городе подходил к концу и мурзилки начинали разбредаться по домам. Так что до медпункта добрались без особых проблем. Даже не пришлось делать особо сильный крюк вокруг площади. В окнах больнички горел свет, чему я хотел было удивиться, но быстро вспомнил слова Лисина, про Пугачева с Селедкой. Мол, они вдвоем в медпункте шкерятся. Хм, а почему не в библиотеке? Солерия же с Лисси в особо близких отношениях, так ведь? Или она ее подставить боится? А меня не боялась? Ну да, наверное так. В принципе, вполне ожидаемо.

Дальше все происходило слишком быстро. Едва Кабанов затащил что-то блеющего ефрейтора в коридор, как из кабинета выскочила медсестра и тут же подняла визг. Сперва от вида здорового капрала, затем от избитого Лисина. Потом из-за меня. В итоге, устав орать, она скомандовала немедленно тащить раненного на операцию. А мне пожелала скорейшей и мучительной смерти от рук «ее величества».

Арфа грустно хлопала носом рядом со мной, а Кабанов спросил разрешения «отбиться» на дальней лавке.

— Иди-иди. Ты тоже. — кивнул я хвостатой.

Арфа не решилась спорить и послушно поплелась в конец коридора. Если честно, то я на нее ни капли не злился. В конце концов, я ей даже обязан. Все таки, здорово когда кто-то за тебя заступает. Даже если это ушастая лилипутка, по каким-то невероятным причинам, запавшая на тебя. Неужто тут с котами такие проблемы, что аж на одноруких придурков вешаться приходится? Тем более, на таких как я. Лучше бы на Лисина слюни пускала... Нет, стоп, нахер Лисина! А то она бы меня в хуй пырнула!

Из перевязочной, в которой сейчас Свитхарт готовилась латать ефрейтора, показалась фигура Пугачева, а затем и Солярки. Судя по мешкам под глазами рядового и усталому виду принцессы, времени они зря не теряли. Боец, видимо, плакался, а Селедка утешала. Потом, может быть, они менялись.

— Что с Писиним-то случилось? — стараясь выглядеть бодрячком, полушутливо поинтересовался боец, поправляя свой автомат на плече и глядя то на меня, то на отмахнувшегося от него Кабанова.

Стоп!

— Откуда у тебя автомат?!

— А, это... Ну... — на бойца вдруг напало косноязычие и он немедленно принялся что-то блеять, опуская глаза.

— Он его брал с собой на ферму. Хотел пострелять вместе с Энни... Той фелисины с фермы. — подала голос Солерия, которую не меньше моего утомило слушать невразумительные ответы.

— А патроны?

— Одну... Один... Не знаю, как эти штуки у вас называются?! — раздраженно фыркнула она, отходя от солдата и встав рядом с зеркалом, напротив меня.

— Один патрон? — разочарованно выдохнул я.

— Магазин. Один магазин, товарищ лейтенант! Полный! Пострелять не успели... — наконец пришел в себя Пугачев.

— Понятно.

Ну что же, ругать его за это я точно не буду. Знал бы, что новый год закончится салютом из нашей казармы, я бы каждому бойцу по два ствола выдал. Даже Арфе с Сэйли. Да даже Бэйри бы выдал! И Селедке! Кстати, а где журнашлюшка... Тьфу, журналистка пропадает? Что-то я ее со вчерашней ночи не видел. Днем она, как я понял, по городу бегала, а на празднике ее не было...

— Леха там... Скоков все там же лежит. Нам бы похоронить бы его... — неуверенно начал Пугачев.

— А сам чего не закопал? А, ну да. Лопаты же у тебя в комнате были. Пардон, забыл. — хлопнул я себя по лбу.

Рядовой недоверчиво посмотрел мне в глаза и недовольно поджал губы. Что это он? Думал, я не в курсе, что он лопаты у себя ныкал, дабы я их не видел? Пф-ф-ф... Ну и что он в обиженного решил поиграть? Тьфу... Скоков ведь. Они же корешились. А я так безразлично говорю. Ну да, что это со мной?

— Потом. Сейчас не до этого. Иди вон, поспи немного. Скоро выдвигаемся. — нехотя изображая озабоченность, проговорил я, указывая взглядом на Кабанова, что уже растянулся на всю длину лавки.

И длины явно не хватало. Не один я от этих лилипутских размеров страдаю — кому-то приходится еще тяжелее.

— Куда идем-то? — напоследок спросил солдат, доставая из нагрудного кармана сигарету.

Я уже хотел было ткнуть пальцем в табличку о запрете курения, но передумал и жестом стрельнул сигарету.

— На Берлин. Немок убивать, французов поработать и прапорщиков трахать. Точнее наоборот, но не важно. — покачал я головой, вставляя сигарету в зубы и закуривая.

Пугачев немного постоял, видимо раздумывая над тем, сколько я сегодня выпил, но ничего не сказал и молча отправился к остальным.

А я стоял и думал, кто из этих троих переживет этот день. И переживу ли его я. Хотел ведь один идти, да уже не выйдет. Не то чтобы я не мог отвязаться от этих оболтусов, но идти одному уже не вариант. Тем более, когда арсенал пополнился поделием Калашникова, а мне, инвалиду, с ним никак не управится. Пусть и с одним магазином, но уже что-то. Хотя, толку-то? Если броню прапора не взяли все эти супер-пупер ракеты, то куда там промежуточной пуле? Чем его бить-то вообще? Хотя... Броня-то может и крутая но явно не дотягивает до лобовой у танка. Нужно лишь РПГ надыбать на ближайшей помойке и не промахнутся. Всего-то делов...

Тьфу. Ладно, что-нибудь придумаю. Многоножку же замочил как-то? Тем более, насколько я заметил, прапор любит щеголять без шлема. А может я его и вовсе без брони застану — надо же ее заряжать или ремонтировать? Так что, еще посмотрим. Выбора все равно уже нет. Одна лишь иллюзия.

— Вы плохо выглядите. Очень плохо. — наконец сказала сказала Солерия, после долгой и неловкой для нее паузы.

Сама она выглядела не лучшим образом. Накрахмаленная рубашка красовалась следами пепла, а волосы то тут, то там заляпаны сажей. Походу и она к пожарищу ломилась.

Хмыкнув, я невольно прикоснулся культей к своему «ополовиненному» уху.

— Ты находишь? А по мне, так я само обаяние. — изобразил я подобие улыбки, но быстро осекся, заметив свое отражение в зеркале перед дверью в палату.

Я никогда не считался особенным красавцем — так, серединка на половинку. Немного симпатичный парень, в неплохой физической форме. Спасибо «Суворовке» и училищу, которые смогли перебороть даже подростковые пристрастия к табаку и алкоголю. Но сейчас я выглядел... Блять, даже не знаю. В зеркале был какой-то потасканный жизнью то ли алкаш, то ли наркоман. Искоцанная физиономия, здоровенная проплешина в волосах доставшаяся от одной из «пойманных» пуль. Большущие мешки под глазами и дымящаяся сигарета в зубах. Я выглядел точно так же, как те мужики, что встречались на улицах во времена моей юности. Те самые, в засаленных тельняшках или бушлатах, что ходили на костылях или катались в кресле-каталке. Те, что в пробках на дорогах, позвякивая какими-нибудь наградами, катались между машина и стреляли бабло «сколько не жалко».

— Ну хули, жопа в мыле, — рожа в грязи, вы откуда, — мы из связи. — ответил я скорее своим мыслям, чем замечанию Селедки.

Впервые за все время, ее невероятно белые глаза не казались такими пугающими.

— Если вас хорошенько искупать, убрать всю эту кровь и научить улыбаться, а не скалится, то еще не все потеряно. — попыталась она пошутить.

— Если тебе научится не втягивать в свои разборки других, то может быть и не придется смотреть на таких как я. — поморщился я, стряхивая пепел в горшок с каким-то незнакомым фикусом.

Или хер знает что это за растение.

— Я и не думала тебя задевать, просто...

— Знаю. Забей.

Принцесса устало вздохнула и еле заметно покачала головой, думая о чем-то своем. Из палаты доносились оханья и аханья медсестры, что кляла какого-то мерзкого лейтенанта за убийство несчастного ефрейтора. На что «убитый» изредка постанывал и говорил что «все в порядке» и «еще не вечер». Я случайно встретился взглядом с Арфой, сидевшей возле уже дрыхнущего капрала. Судя по наостренным ушкам и виноватому отведению глаз в пол, она все слышала не хуже меня.

— Хотите кофе? — вдруг поинтересовалась Селедка.

— Не, я чай больше люблю. — отмахнулся я, корча кислую рожу и ясно давай понять, что не настроен на светские беседы.

— Тогда идемте. Я видела у госпожи Свитхарт отличную импортную заварку. — не дожидаясь ответа, принцесса легонько подтолкнула меня в сторону нужного кабинета.

Опять ей о чем-то побазарить приперло... Наверняка что-то просить будет. Или требовать. Может даже шантажировать начнет. Эх, почему у всех с местными нормально складывается, а мне только сволочи достаются? Я что-то не так делаю? Видимо да.

Не найдя в себе ни сил, ни желания бастовать, я послушно перешагнул через порог. Кабинет был какой-то помесью канцелярского помещения и склада. Во всяком случае, на столе была целая стопка больничных карт, а стеллажи у стены ломились от всевозможных

склянок, банок и коробок со всякой медицинской фигней и лекарствами. Дождавшись, когда Селедка закроет за собой дверь, я наконец позволил выйти своему раздражению:

— Ну и что еще? О чем еще тебе надо «перетереть»?

Ушастая барышня проигнорировала недовольные нотки и включив настольную лампу, жестом пригласила меня за стол.

— Можем побеседовать о пользе чая, если изволите. — она одернула занавеску у окна и включила электрический чайник, стоявший на подоконнике. — Или можем совместить приятное с полезным. Конечно, если вы позволите вашему скромному хирургу осмотреть рану.

Проследив за глазами женщины, я с досадой понял, что она говорит про культю. Ну да, ее ведь уже пару дней не прочищали. Она и правда уже чешется и побаливает. Да и пованивает, если по правде. Но опять терпеть? Зачем? Чую я, что скоро уже все закончится. Не знаю как именно, но для меня, похоже, конец известен. А и хрен с ним.

— Да пофигу уже. Не долго мучатся осталось.

— Но-но! Что за пораженческие настроения?! — строго оборвала меня Солерия, доставая из недр ящичков стола, футляр со скальпелем.

Ну надо же, командирские нотки слышались. Решила в генеральшу поиграть?

— В том смысле, что за них можно и по роже получить можно? — прикололся я, намекая на свою разбитую физиономию.

— Не будем столь радикальны, хорошо? — с улыбкой закончила она, и взглядом попросила положить левую руку на стол.

Вздыхнув, я снова не нашел в себе сил на возражения. Хочет культю почистить? Хрен с ней, пусть чистит. В конце-концов, она всего лишь хочет быть хоть чуть-чуть полезной. Хотя бы в собственных глазах.

— Ненавидите меня? — совсем тихо подала она голос, придерживая мою руку на столе.

Наслаждаясь убаюкивающей тишиной, приглушенным шипением чайника, и полутьмой кабинета, я невольно вздрогнул от ее слов.

— О чем ты?

Селедка не отрывала взгляда от моего обрубка и аккуратно шуровала скальпелем. Было больно, но не так, как обычно. Похоже, что принцесса имела неплохой опыт в таких делах. Или была добрее, чем местная медсестра. А может, просто лучше притворялась.

— Ты знаешь о чем. Хочешь, чтобы я сама все сказала? Вместо тебя? Ладно. — ее голос был все таким же тихим и немного отстраненным.

Будто она боялась, что если будет говорить в пол тона громче, то в нее молния ударит.

— Из-за того, что втянула тебя... Всех вас. Во все это. Из-за того, что я не такая, какой должна быть. Что прячусь здесь. И посылаю тебя делать всю...

— Я тебя сейчас сам пошлю! «Посылает» она! Кошатиная охреневшая... — раздраженно сплюнул я на пол, отворачиваясь к окну.

Солерия никак не отреагировала на мои слова. Лишь хмыкнула и еще глубже ушла в себя. Вернее, в мою культю. Ну и нафиг ее. Тоже мне «посыльная». Типа на смерть меня посылает. Хер там! Сам иду. И даже если и помру, то этих говнюков иностранных с собой заберу. И особенно прапора. Ибо нехер старших по званию взрывать! А если уж и взрываешь, то постарайся довести дело до конца.

— Как там, блять, говорят? Сейчас... А! Один кинжал во тьме, стоит тысячи мечей на рассвете. Понятно?! Нехуй мне тут сопли пускать. Я этим пидорам еще покажу, переулок

между булок. Научу, блин, Родину любить. А этого прапора недоделанного заставлю и про устав вспомнить и про субординацию. Вот увидишь, я еще познакомлю его губы со своей жопой. Чмо колхозное! Какое-то говно из консервных банок напялил и сразу власть почувал. Ну ничего, я ему этим жезлом власти по губам проведу. Хуйло дегенеративное...

Сам не знаю. Всерьез я все это или просто угараю. Наверное — что-то среднее. Обидно мне. Я ведь этому дураку доверял. Думал что он свой, хоть и чокнутый. Просто безобидный маразматик со здоровенной пушкой. А он... Эх.

— Боюсь, не все так просто... Я подозреваю, что помимо вашего знакомого сослуживца, вы можете встретить еще одного... Одного знакомого.

Ее манера говорить полузагадками уже откровенно бесила. Типа она вся такая умная, а я весь такой тупой. Тьфу.

— Красноглазый что ли? Да похер. Ему тоже кочергу в жопу засуну. Что он сделает? Да ничего.

Но судя по реакции принцессы я не угадал. Хм. Кто еще есть?

— Валя что ли?

Солерия удивленно моргнула и уставилась мне в глаза с явным вопросом «Как ты понял».

А никак. Просто наобум сказал.

Вот как значит получается? Валентин у нас еще во всей этой кодле состоит? Странно. Он же мне помогал все время. Хотя стоп.

Да нихера он мне не помогал! Что он сделал вообще?! Бойцов моих от поезда с гвардейцами прикрыл? И меня от Селедки? Ох епт... Вот же пидор! Так это он все не по доброте душевной сделал, а чисто из-за выгоды. Чтобы Селедка со мной повозилась. И еще слова его эти, про то, что мне в разборки Селедки и краснопузика лезть нельзя... И что они меня пользоваться будут. Вот гад! Да он же сам меня по полной использовал! Да он же в курсе был! Блять, да он же ту засаду в лесу и навел! Я же прямо от него вышел и меня тут же «приняли».

Не, херня... Сам-то он почему меня не грохнул? Даже типа как «предупреждал». Намекал на всякое. Жалко ему меня было, что ли? Или еще что-то? Что-то тут не сходится. А может и сходится, просто я что-то позабыл или не понял.

Блин... Что-то к драконам-то я и не готов. Ох, вот это мне уже совсем не нравится. Он же огромный! И бронированный. Что я ему сделать-то могу? По такой гадине из танка только стрелять. И из самого большого и мощного! И еще попробуй попади... Эх, ну что за жизнь. Почему я не могу себе врагов по статусу подбирать? Вечно всякие «многоножки» и морпехи попадают. Где же доходные алкоголики и привокзальные бичи с циррозом во все туловище?

Хотя ладно, мурзилки и спящие негры тоже были. Жалко что кончились, только драконы и терминаторы остались. Эх, не в ту сторону я воевать собрался, да поздно уже. Ну Селедка, ну спасибо! Лучше бы промолчала.

— Уже испугались? — со смешком спросила она, прерывая мои раздумья.

Похоже что весь хоровод мыслей отражался на моей физиономии. Быстро помотав головой, я вспомнил про пачку сигарет.

— Херня.

— Вершина биоинженерной эволюции, это, по вашему, херня?

Откуда она такие слова знает? Блин, их даже я не знаю. Стыдно даже как-то. Ладно,

главное вид не подавать.

— Пф, вершина... Поллюции он вершина. Я такую же вершину утром в унитазе смыть забыл.

— Доспехи презрения, значит? — хмыкнула девушка, смачивая ватку в перекиси.

— Чего?

— Ну... Знаешь, я все думала... Твое безрассудство, это следствие храбрости или глупости? Похоже, и то и другое. Но не только. — задумчиво заявила она и заглянула мне в глаза.

— М-м-м... Спасибо за комплимент? — пожал я плечами и тут же получил едва ощутимый шлепок ладонью по культе.

Мол, не дергайся, придурок.

— Теперь я начинаю понимать, как тебе все это удалось.

— Что? В смысле, ты о чем вообще?

— Ну-у-у... — протянула сисястая, решая продолжать или нет.

Взглянув мне в глаза еще раз, она еле заметно кивнула сама себе:

— Я только сейчас поняла, откуда в тебе столько ненависти и презрения. Ты же сам возвращаешь ее в себе. Целенаправленно, со всей ответственностью и заботой. Словно цветы в саду. А затем пользуешься ими. Ты ведь не испугался той гусеницы-переростка? Ты ее презирал и хотел уничтожить, верно? И с теми солдатами и феленидами было так же? Я ведь попала в точку, верно? Это самовнушение и замена страха — злостью, не так ли?

— Полная чушь. — честно признался я, вызывая у Солярки приступ смеха. — Не, ну... Жить захочешь, не так раскорячишься. Блин, а что еще остается? Ну прет на тебя какая-то срань из хренового ужастика, что делать? Муравью хуй приделать? Вот и накручиваешь себя. Это еще на занятиях объясняли. Ярость всяко лучше паники или ступора. А презрение там или нет... Ну, блин. Вы же лилипуты! Говорящие кошкодевки. Ну скажи мне, ты можешь воспринимать за равного какую-нибудь... Блин, ну сложно воспринимать того, кто тебе в ширинку дышит. Да еще и смотрит блестящими глазами. Ты поняла, короче. — сумбурно выложил я свои мысли.

Забавно, за всей этой белибердой никто из нас не заметил, что чайник уже вскипел. А рука вновь забинтована. Запизделся я, что-то.

— Надеюсь, ты не станешь брезговать пить с «какой-то кошкодевкой» из одной кружки? Вторую разбил твой солдат, прошу простить.

— Сахару добавь тогда. И спирту... Хотя не надо, а то совсем вырублюсь. — махнул я рукой, закуривая новую сигарету.

Пепел и бычки я бросал прямо на пол. Не, ну, а что? Пошла эта Свитхарт в пещер эротическое. Сука этакая! Едва Лисина увидела, так сразу орать начала, что я его избил. А между прочим — все наоборот было. Впрочем, признаваться я не собираюсь. Не хочу чтобы кто-то узнал, что меня свой же солдат отмудохал. Позор-то какой! Это же весь авторитет по известному месту пойдет! Нет уж, пусть лучше сволочью считают.

— На равных, не равных... Не знала, что ты такой высокомерный, титулованный аристократ. Герцог должно быть, не иначе... Ох, ну я же с тобой на равных? И ничего. Мне нравится! Сама себе удивляюсь, но нравится... — вздохнула Солерия, засыпая в кружку целую гору сахара.

Она хочет чтобы у меня жопа слиплась, что ли? Или брагу в кружке варить собралась? Или как ее там делают... Понятия и не имею.

— Знаешь сколько мне лет? Не отвечай. Сама не знаю. А знаешь сколько за мной регалий или достижений числится? Тоже нет? И хорошо! И ничего! Старейшая и премудрейшая «говорящая кошкодевка» на равных общается с юным и глуповатым человеком. Понимаешь? А ты мне все свои колючки выставляешь. Ежик насупленный. — поджала она губы, закончив превращать кружку в сахарницу.

— Жуть какая. — притворно скривился я.

Да плевал я на все ее регалии. Всю эту херню Ленин упразднил еще хрен знает сколько лет назад. А то что она об этом не знает — ее половые трудности. Хотя, мозгов у нее явно побольше чем у меня. Да и не только их... Блин, что-то она слишком часто грудью стола касается. Душно стало.

— Ты хоть представляешь, как тебе повезло? Половина моего двора жизни бы не пожалела, особенно чужой, чтобы на твоём месте оказаться! Чтобы со мной и вино распивать и шутки пошлые подшучивать! С тобой сама принцесса как с равным общается. Такая милость! Такой политический рычаг. Нет, не рычаг — трамплин! Из грязи в князи, кем бы эти самые «князи» не были... — дернула она плечиками. — А ты вечно такую моську делаешь, будто я тебя рыбьим жиром пою.

— Разрешите обосраться от счастья? А то уже невоготу — распирает. По ноге потекло. Сейчас уже мухи налетят... — раздраженно добавил я, пытаюсь понять, всерьез она или очередную кору отмочить пытается.

Или она реально хочет меня убедить, что подохнуть за ее благополучие — великая честь для меня?

Селедка никак не отреагировала на мои подколки и продолжила в том же духе:

— В тайны свои посвящая, помощи прошу, жизнь доверю. Представляешь какой ты важный? — с озорным блеском в глазах закончила она и забрала у меня початую кружку.

Блин! Я только сейчас заметил, что в лазарете окна поменяли! Вчера же их все взрывами повыбивало, а сегодня уже как новые. Или это магия какая? А, не важно. Стоп, че она там базарила? А, точно.

— Ага. Лукин. Дмитрий Лукин. Водка с коньяком — взболтать, но не взбалтывать. То есть, смешать, но не смешивать... Блять, короче просто водку! — неумело попытался отшутиться я, нихрена не до конца понимая что она несет.

Принцесса раздраженно дернула белоснежными ушами и наклонилась ко мне через стол:

— Ты понимаешь, что мы можем больше не встретиться?! Что это, возможно, наш последний раз? А?

— Ты это к чему вообще? — я быстро отвел взгляд от бледной кожи, блеснувшей из под рубашки.

Какой еще «последний раз»? Она перепихнется предлагает что ли? Пугачев ей вообще все мозги отбил?

— Ох, какой же ты тугой... А-а-а, бесишь! — вдруг недовольно зашипела Солерия, откидываясь назад и толкая чай в мою сторону.

Обиженно, совсем по детски, поджав губы, Селедка требовательно уставилась мне в глаза. То ли ожидая извинений, то ли откровений — хер пойми. Но я лишь снова пожал плечами и приложился к кружке. Чай и правда был хороший. Правда крепкий — чисто чифирь, но так даже лучше.

— Слушай, ты чего добиваешься-то? Пытаешься доказать, что помереть за тебя —

великое счастье и честь?

— Ты тупой?! Нет, ты совсем придурок?! Дурак?! Кретин?! Дебил?! — буквально «бабахнула» принцесса. — Как тебе такое в голову-то пришло?! Да я бы сейчас... Седлать твою мать! Я же просто пытаюсь сказать... А! Какой же ты невыносимый... — эмоционально выпаливала она снова и снова.

— Ну и пей свою бурду! — наконец заявила Селедка и демонстративно отвернув голову, поднялась из-за стола.

Спать хочу. Даже реагировать лень. Хрен знает, что ей там не нравится. Да и пофигу мне. Устал уже ничего не понимать. Легче отмахнуться. Принцесса уже собиралась выйти в коридор, но задержалась в дверях, будто вспомнив что-то важное.

— Если... То есть, когда вы отправитесь... Пометьте как-нибудь свой маршрут. Значки установите или иным путем. На ваше усмотрение.

— Типа, если нас всех перебьют, то ты сможешь турпоездки устраивать? Типа по местам боевой славы? — хмыкнул я.

Принцесса хмуро покачала головой и уже открыла дверь, но вдруг остановилась:

— Знаешь, иногда мне так хочется снова почувствовать себя снова юной и наивной что порою... Ай, забудь! Я запросила поддержку из дома. — посерьезнев, заявила она. — Так что... Твоя задача всего лишь установить местоположение противника, пометить свой маршрут и ждать подкрепление. Это понятно?

Блять, она сразу сказать не могла?! Полчаса какую-то херню молола, а о важном, только сейчас заикнулась!

— Да-да, так и сделаю.

Не то чтобы от этих лилипутов был какой-то толк, но... Их же много, верно? И они фанатично преданы принцессе. Так что, думаю, они вполне способны задавить волной десяток-другой автоматчиков. Ну или хотя бы отвлечь. В любом случае, вместе помирать не так страшно.

— Кстати, а какой у тебя самого план? Как ты вообще собираешься найти их? — Солерия скептически изогнула бровь, подозрительно глядя на меня.

— Эм... Ну... Это уже мое дело. И раскрывать свои секреты я не собираюсь. — быстро нашелся я.

Не говорить же ей, что никакого плана нет? А про радиацию и прочее объяснять долго. Да и не факт что вся эта задумка сработает вообще. Блин, умеет же она боевой дух поднять, чтоб ее!

— Хм... Как скажешь. — хмыкнула она. — Я на тебя полагаюсь. Понял? И не сгинь там. Кретин... — снова заведя свою придурочную манеру и обозвав меня, она вылетела в коридор.

Блин, ужимки как у Сэйли. Ей точно сотни или тысячи лет? По-моему — пиздит как дышит! Ох, ладно, хрен с ней. Надо допивать да идти будить Кабанова. И Пугачева брать. И Арфу захватить. А что? Один здоровый, как черт, второй с автоматом, а третья дофига волшебная! Отличный набор! Чисто команда по спасению мира. Даром, что состоит сплошь из идиотов и инвалидов.

Посидев еще с минуту в одиночестве и допив свой чай, я решил, что пора бы уже и честь знать, да идти поднимать своих оболтусов. Селедка, судя по звукам доносившимся из палаты, присоединилась к медсестре с целью помочь продырявленному ефрейтору, так что в коридоре никого постороннего не было.

Арфа встретила меня глазами устремленными в пол и нервным подергиванием карманов на липучках. Пугачев лишь вопросительно уставился, а Кабанов начал громче храпеть. Я уже встал в позу и собрался провести инструктаж, но этот чертов капрал решил, что храпа для нас маловато и звучно испортил воздух.

— Короче, ситуация у нас такая... — начал я загибать пальцы, попутно пиная лавку с Кабановым, заставляя его подскочить да принять сидячее положение. — Во первых, дракон, во вторых, мультяшный хрен. Еще есть прапорщик в моторизованной броне и неизвестное количество вооруженных людей. И «вискасов» тоже, наверное. И всех надо убить. Все понятно или вам по форме довести надо? Нет? Ну лады. Вопросы есть?

Само-собой вопросы были. И было их очень много. На что я здраво рассудил, что нехрен тут расслаживаться и терять время, а все интересующие нюансы можно и по ходу дела уточнить.

Как ни странно, возражений не последовало. Нет, то что Кабанов с Арфой уверенными шагами поперлись на выход — это понятно. Капрал был до одури исполнительным, а Арфа... Ну, хуй ее знает. Помешалась она на мне, похоже. И, видимо, уже давно. А вот Пугачев удивил. Ни слова против не высказал. Просто молча повесил автомат на грудь и затопал следом за остальными.

Немного посомневавшись, я хотел было чуть задержаться и посмотреть как там ефрейтор. Но приблизившись к двери в палату, услышал как Лисин от души поливает меня говном, явно обращаясь к Солярке. Мол, я такой долбоеб, что мне нельзя доверять даже жопу подтирать. Свою или чужую он не уточнял.

Мда, что-то он совсем на меня обиделся. Слава богу у нас в армии срочникам пистолеты не выдают. А то я бы уже в земле валялся. И, вероятно, уже давно. И чего он на меня так взъелся? Наговорил еще с три короба... А и так уже натерпелся из-за этих дебилов. Как-то это нечестно все.

Все с этим Лисиным такие дружелюбные, заботливые, внимательные. Вон Свитхарт эта, сюсюкает, успокаивает, поддакивает. Хер бы отсосала на месте, не будь там раны. А на меня только гавкает. Да и остальные так же. Устроился — как сыр в масле. И, главное, весь из себя чистенький, незапятнанный. Просто идеальная репутация, блин. Молодец, конечно. Правильно все делает.

Но все равно обидно!

— А вообще... Да пошел ты нахуй, долбоеб малолетний! — рявкнул я сквозь притихшую деревянную дверь и не дожидаясь ответа, пошел прочь.

Вот и попрощались, блин. Кто тут еще долбоеб, спрашивается. Еще бы ножкой топнул. Блин, вроде взрослый мужик уже, а все как дурак себя веду.

— Девиз связистов чем громче крикнешь тем дальше слышно. — как ни в чем не бывало громко продекламировал я, сходя со ступенек клиники.

Нефиг свои «переживалки» и «обидки» бойцам демонстрировать. Я их бодрый и наглый придурок-лейтенант. Таким был, значит таким и должен оставаться. Во всяком случае, пока все не кончится.

— А-а-а, вот и... И... И ты наконец. А я тебя искала, а ты вот он где. Подлец. Ни разу ко мне и не... Ох... Не подошел даже. — раздался чей-то пьяный заикающийся голос откуда-то снизу, когда я поравнялся с Кабановым.

Удивленно посмотрев под ноги, я заметил какую-то ярковолосую мурзилку, которая всеми силами боролась с гравитацией, пытаясь оторвать свою задницу от земли. Чему, со

всем усердием, пыталась помочь еще какая-то лилипутка. Не «барабанщица» ли?

— Аффи, ну хватит уже. Ребятам пора домой. И нам тоже, правда ведь? — все сюсюкала трезвая малявка своей пьяной подруге.

— А эти двое откуда взялись? Не понял, вы их с собой брать собрались?! — офигел я, глядя то на капрала, то на Пугачева, на что те лишь пожали плечами, мол, «мы не при делах, оно так и было».

— Я тебе уже давно хотела... Ох, ядрена кочерыжка... Хотела сказать! Да. Ты урод! Понял, длинный?! И трус! — снова подала голос девчушка в узкой куртёнке, наконец принимая стоячее положение и глядя на меня пьяными глазами.

С секунду потупив в ее хмельные земки, я махнул рукой и уже собрался командовать построение, но алкогольчка все не унималась:

— Но ты мне... Ты мне нравишься... Урод, слышишь? Ты и мне... Вот. Голос такой и на дороге так стукнул, у-у-ух! Но ты такой козел. Ни разу ко мне... Ох...

— Аффи, давай утром, хорошо? Давай утром с ним поговоришь? — вторила ей «барабанщица», пытаясь оттащить свою подругу от меня.

И судя по оскалу Арфы — лучше бы ей это сделать побыстрее.

— Нихера не понял, что это сейчас было. Но полностью согласен! — кивнул я, глядя то на борющуюся с рвотными позывами пьяницу, то на ее эскорт.

Странно. По-моему я ее где уже видел. Не спортсменка ли часом? Ладно, хрен с ними, пускай до других докапываются.

— Так ладно, утром поговорим. Кто бы ты там не была... Взвод!!! В колонну по двое, становись!!! Отставить!

Какие еще колонны, блин?

— Свободным строем, за мной, шагом-марш! — уже заметно тише махнул я рукой и игнорируя парочку странных мурзилков, затопал по тротуару.

Синюшняя кошатина все кричала что будет ждать и что я все равно лох и вообще нифига не седец. Господи, откуда в этом городе столько сумасшедших?

Я молча покачал головой и достал сигарету из своей пачки. Но раздавшийся крик заставил выронить ее на снег.

— Ну пиздец!!! — буквально взорвался Пугачев. — Сраный гаремник какой-то! Аниме ебучее! Сейчас, блять, опенинг заиграет. Цундере галимое! Аска на минималках! Нет, у меня уже конкретно жопа бомбанула! Ну какого хера-то а? Ну как так-то... Заебало уже. Тут люди сгорают. И фелениды тоже. Нашли время... — уже совсем тихо закончил он.

Подобрав сигарету и затянувшись, я лишь покачал головой. Почти ни слова не понял что за херню он орал, но спрашивать как-то стыдно.

— Ну охуеть теперь. — кивнула Арфа, явно соглашаясь с рядовым.

Стоп, она что, поняла его? Блин, да как так то?! Ай, ну вас всех в жопу. Где там эти счетчики-то кстати...

— И вот, стоим мы на плацу, а комбат говорит, «готовь сани летом»! А я сразу струхнул, сани-то со склада я уже спер! А он все продолжает, мол путешествие начинается с первого шага и...

Валентина мало интересовали шаги какого-то давно мертвого комбата. Все что его сейчас занимало, — бочка с чаем в левой лапе и неизвестно откуда взявшаяся тоска в сердце. Впрочем, дракон не был точно уверен в наличии у себя такого важного органа. Он нехотя взглянул на разговорившегося прапорщика, который сейчас явно перегибал с горячительными напитками. Морщинистое лицо мужчины было красным от многочисленной выпивки. Дракон понимал, что разведенный спирт и неинтересные истории из прежней жизни, — всего лишь ритуал покаяния. Прапорщик всем своим видом старался показать, что отнюдь не рад смерти Лукина. Однако дракон ни секунды не обманывался.

«Людам свойственно делать гадости, а потом до-о-олго себя терзать. Чтобы затем все повторить.» — с ноткой разочарования, напомнил себе Валентин.

С чувством досады, ящер приложился к бочке и продолжая игнорировать слова прапорщика, скучающим взглядом осмотрел свое логово. Почему-то дракон всегда предпочитал именно такие места. Освещенные огнем факелов, с земляными полами и такими же потолками. С тесными тоннелями, легким налетом влажности и главное поглубже под землей.

Валентин полагал, что эта тяга к пещерам досталось ему от далеких предков. Вероятно, его мать спроектировала дракона на основе каких-нибудь подземный рептилий, о которых Валентин даже никогда не слышал. А может, все было проще? — под землей ему просто было не так грустно. Парадокс, но на поверхности дракона охватывало ощущение абсолютной тоски. Один лишь вид бездонного неба давил на Валентина, заставляя его все чаще и чаще вспоминать о своем вечном одиночестве. И лишь солнце да луна останутся ему верными спутниками в этой бесконечно долгой и бесцельной жизни.

«Нет, все-таки все дела в древних ящерках. Из какой-нибудь жабы подземной вывела, наверняка. Вот в тесноту и тянет.» — стараясь прогнать от себя невеселые мысли, дракон снова обратил внимания на прапорщика.

Мужчина закованный в подаренные доспехи, что-то тихонько бубнил себе под нос, то и дело прикладываясь к фляге с выпивкой. Он явно желал «накачаться» до отказа, всеми силами излучая из себя сожаление и чувство раскаяния. И ящер все более и более находил это нелепым. Дракон чувствовал, что прапорщик совсем не переживает о случившемся. Даже наоборот, ящер отчетливо ощущал тихую радость человека. Радость от победы и восторг от жизни от того, что Лукин и Солерия мертвы, а Виталий жив. И что именно он может разыграть сценку горечи и самобичевания, а не они.

— Знаешь... Вот есть звери... — прервал ящер бормотания Тараканова.

— Че? — глухой голос дракона застал прапорщика врасплох.

— Вот есть, например, собаки. И они между собой иногда отношения выясняют. Но только рычат и делают вид, что кусаются. Редко когда их разборки заканчиваются настоящей дракой и травмами. Эквалюционн... Тьфу. Эволюционн, сложилось так, что у этих зверей есть острые зубы и большие когти. Если бы они по настоящему враждовали

между собой, то просто вымерли бы. Защитный механизм от внутривидовой агрессии. Это как природные тормоза, понимаешь?

Валентин вовсе не ожидал от человека понимания. Ему было все равно. Просто хотелось говорить. Собственное молчание становилось уже неспособностью.

— А у людей нет ни когтей ни клыков...

— И че? — пожал плечами Тараканов и вновь приложился к фляге.

Валентин ощущал раздражение человека. Виталий обижался и злился, что гигант, вместо того, чтобы утешать его, начал разговор на отстраненные темы.

— И ничего. Механизмов у вас защитных нет. — пожал плечами ящер.

Прапорщик разочарованно вздохнул, но протестовать не решился. Проглотив очередную порцию выпивки, он деланно покачал головой:

— А, совсем склероз закусал. Что твоя бл... Бл... Блоха, блять. — борясь с тошнотой, ворчал мужчина. — Я же тебе не рассказывал... Да, не рассказывал! Так слушай...

Глядя на пьяно блеющего Тараканова, дракон с досадой закатил глаза. Не так он себе людей представлял. Совсем не так.

«И что мать в них нашла? Что особенного в этой старой и мелочной букашке? Что выдающегося в его поступках и достижениях? Как таким вообще восхищаться можно? А любить за что? За то что он, не глядя, убивает своих же сородичей, а потом пускает пьяные сопли? Уже пятый раз, а сценарий не меняется. Сейчас надоест меня доставать и он пойдет, найдет какую-нибудь компанию себе подобных и будет им рассказывать, про свои муки совести, да предлагать обменять собранные золотые зубы и сережки, на какую-нибудь зажигалку. Еще и доспех снять забыл...».

Валентин уже привык к чувству постоянного презрения ко всем, но сегодня оно буквально выходило на новый уровень.

«И остальные не лучше. Прапорщик хотя бы на поступок способен. Пусть и часто вместо выполнения конкретного приказа, он норовит залезть в чей-нибудь дом или карман. А потом плачется, что по нему свои же стреляют. Не тому я броню отдал. Не тому...»

— А другие и не лучше. Сидят по своим домикам, да нос наружу показать боятся. И чем они Мане так запали... Эх... — дракон шумно выдохнул и, напрочь позабыв о прапорщике, перевернулся на другой бок, чтобы в очередной раз рассмотреть кучу барахла, сваленную в центре зала.

Книги, шланги, коробки, унитазы, тарелки и швабры. Рептилию ничуть не волновали составляющие этой кучи. Его интересовала общая картина. Да, он видел в этой куче, именно картину. Произведение искусства. Почти такое же, как те, что они давным-давно творили вместе с матерью. Именно она научила его. И каждый раз глядя на эту мешанину из мусора, Валя видел что-то новое. Новую сценку, вырисовывающуюся из мешанины хаоса. Эта куча хлама, как говорила его мать, неплохо отражала устройство мира. Такой же набор случайностей, выстраивающийся в взаимозависимое нечто. Убери ту сковороду и самовар разобьет чайный сервиз, — переставь огнетушитель и газовая плита рухнет. Тронь хоть что-то и картина уже никогда не будет прежней. Так же и в жизни.

Раньше Валентин боялся вмешиваться в происходящее вокруг. Отчасти, из-за просьбы матери, отчасти, из-за нежелания все разрушить. Но века сменялись тысячелетиями, поколения переходили одно в другое, а картина не менялась. Мир оставался все таким же и жизнь в нем не менялась. Менялись лишь детали. Если, во времена молодости дракона, в небе парили автономные стальные крепости, сыпавшие бомбы на руины давно

уничтоженных городов, то сейчас в голубой синеве летают разноцветные птицы да белые облака. Но для ящера ничего не изменилось. Мир как был пустым тогда, так и остается им сейчас. С момента смерти Александры ничего не менялось. Все такое же гнетущее чувство одиночества.

У дракона не было и не могло быть ничего общего ни с древними механизмами, ни с юными созданиями. Нельзя общаться по душам с компьютером, так же, как и нельзя быть равным с кем-то, чья жизнь столь мимолетна.

Ни Маня, ни Киса, ни пара ее любимых маленьких принцесс — никто не мог быть кем-то близким. Ни другом, ни врагом. Слишком слабы, слишком погружены в свои мечты и фантазии. Слишком переплелись с миром. "Мане" было предназначено стать заменой давно ушедшим, но он не справился. "Кисе" было велено продолжить дело матери, но и она была не вечна. Принцессы же... Дракону даже и вспоминать про них не хотелось. Столь ничтожными они казались. И хоть у ящера тоже была цель, заданная его матерью, но он не был рожден как орудие. Вероятно, ящер стал единственным ее творением, которое она сделала без цели. Так, просто для себя. Чтобы ей самой не было так одиноко. Но, похоже, она нисколько не задумывалась, что станет с ним, когда она уйдет. Единственное существо во всем мире, пусть и не специально, но предало его. Обрело на вечное одиночество. И это больно ранило гиганта.

— Хорошо быть богом, конечно. Но очень скучно... — снова вздохнул он, поправляя хвостом верхушку «картины».

Возможно из-за скуки, он и решил наконец помочь Мане. В конце-концов, дракону просто надоело засыпать и просыпаться спустя столетия и не видеть никаких изменений в мире. Всего два раза ему было весело. Когда он помогал подавлять восстание, затеянное Маней и когда разбирался с какой-то странной инопланетной глыбой, что грохнулась неподалеку. Странная такая, как будто два толстых сталактита переплелись меж собой, стремясь вверх. Да еще вся покрытая какими-то неизвестными символами. Валя даже хотел оставить эту глыбу себе, но та начала излучать какие-то непонятные волны, доводя окружающих до самоубийства. Пришлось ее разломать.

Все-таки, Александра прямо сказала, что дракон обязан оберегать мир от всего чужого. Особенно, инопланетного. Правда, кроме глыбы ничего инопланетного и не было.

— Может так хоть повеселее будет. — хмыкнул он, меняя местами ванну и холодильник.

— Да какой там, к ебени матери, веселее?! Я! Из-за меня! Ух... Блять... — крикнул прапорщик, приняв слова дракона на свой счет.

Валентин устало закатил глаза. Тараканов снова завел свою старую шарманку. Каждый раз, как напивался, он начинал рассказывать одну и ту же историю. Про какую горную страну, какой-то хозяйственный взвод в котором он служил на сверхсрочной службе и про то, как какой-то полковник выгнал всех «хозяйственников» на ночной марш, с целью то ли наказать, то ли просто «покачать». В итоге, солдаты во главе с прапорщиком свернули где-то не там, попали куда-то не туда и совсем заблудились. Ночью, посреди заваленных снегом гор. Рация то ли сломалась в походе, то ли не работала изначально и в итоге пришлось использовать сигнальные ракеты. Но первыми на огни откликнулись отнюдь не однополчане. К утру, разведрота смогла отыскать живым лишь одного прапорщика. Остальных, по каким-то «запчастям» вылавливали из ледника.

— Нехристи, ети их мать! Даже у покойников все отрезали. И эт-самое, мужицкое!

Отрезали и в рот запихивали... Бесово племя, сраку их на кол, блять... — иступленно сотрясал бронированными кулаками Виталий, не забыв при этом поставить свою чарку на поднос, дабы ненароком не разлить.

Окончание истории наизусть знали все обитатели лесного городка. По крайней мере — из тех кто имел несчастье немного владеть русским языком. Героического и, безусловно, невинного прапорщика едва не отправили под трибунал, но по какой-то причине ему удалось избежать ответственности. Правда, вопиющая несправедливость все же настигла военнотружущего и за дальнейшие двадцать лет своей честной и образцовой службы он так и не смог подняться выше заместителя начальника склада горюче-смазочных материалов. Впрочем, Тараканов часто путался в своей прежней должности, что наводило окружающих на определенные подозрения. То есть, наводило бы, если бы кому-то было интересно.

Дракон мало что понимал во всем этом. Да и его это не сильно интересовало. Его совсем не волновали события какой-то давно забытой человеческой войны, произошедшей неизвестно сколько тысячелетий назад. Но Виталий продолжал рассказывать свою историю каждый раз, как напьется. А напивался он, как сам говорил, лишь с горя. Дракон полагал, что это своего рода защитный механизм. Способ убедить себя в правильности своих действий. Доказать, что ты, пусть и не идеальный, но все же хороший человек, который пусть и совершает иногда неприглядные поступки, но только для всеобщего блага.

И от такого Валентина передергивало. Лицемерие и вранье самому себе — отнюдь недостойно гордого звания "человека".

— «Гордость — признак дурака, людей посредственного ума — подлость, а человека истинных достоинств — возвышенность чувств, прикрытая внутренней скромностью.» Или как-то так... Не помню. — наморщил ящер чешуйчатый нос, вспоминая прочитанную цитату кого-то из древних полководцев.

Глядя на самозабвенно «кающегося» прапорщика, который даже не обращал внимания на дракона, Валентин подумал, что сделал неправильный выбор. Возможно, стоило приложить больше усилий в разговорах с лейтенантом? Тот, во несмотря на схожесть с прапорщиком, не страдал чрезмерной жалостью к самому себе. Не плакался дракону каждый раз, как ему придется кого-то убить. Не строил из себя невинность. Придурковатый лейтенантик молча тащил свою лямку и не пытался зарывать свои грехи в землю, сея семена собственной гибели.

«Хм, опять какая-то цитата. И я откуда я ее помню?» — снова хмыкнул дракон, отворачиваясь от надоевшего человека.

Валентин опять взглянул на свои «сокровища». Пустая банка из-под консервов покоилась почти что на самой вершине, отчаянно цепляясь за прижимающую ее снарядную гильзу.

— Этого тут не было... — задумался ящер, не обращая внимания на все более и более эмоционального прапорщика.

На самой консервной банке лежала пачка сигарет. И дракон определенно ее туда не клал. А кроме прапорщика и Мани в берлогу никто никогда не заходил.

— Сигареты и банка. Банка и сигареты... — еле слышно шевелил челюстью Валентин, пытаясь осмыслить смысл инсталляции.

И в этот момент что-то произошло. Возможно прапорщик начал слишком громко говорить или Валентин неудачно вздохнул. Или же то был еле уловимый подземный толчок, но инсталляция пришла в движение. Гильза соскользнула с банки, отчего та накренилась и

со звоном грохнулась на кухонную раковину. Прокатившись по ней и снеся кучку каких-то карманных косметичек, банка закончила свой путь на земле, издав невнятный хлопок.

«Да быть того не может!» — пронеслось в голове у Валентина.

От волнения, дракон нервно сглотнул, жадно ловя взглядом каждую упавшую деталь. Еще от матери он узнал, что когда-то подобные «инсталляции» использовались для гадания. Будто бы по ним, древние предки могли предсказывать будущее и всякое такое. Или даже влиять на него. Звучало как простая байка. Просто попытка нагнать мистики, дабы придать изюминку этому жанру искусства.

Но сейчас Валентин смотрел на помятую консервную банку и ворох разбитых старых косметичек. Облизнув длинным, раздвоенным, языком свои губы, он аккуратно отодвинул банку в сторону. В земле виднелись осколки лопнувшей зажигалки. А загадочная пачка сигарет так и осталась почти на самой вершине, спокойно переехав с банки на лежащую гильзу.

Дракон обернулся на мужчину, который уже начал выдавливать из себя слезу, расписывая самодовольство усатого особиста.

— Проверь посты. — коротко скомандовал он, до сих пор пытаюсь осознать произошедшее.

«Может это... Эта... Как ее? Деменция? У меня ведь тоже должен быть срок годности, верно ведь? Может я сбрендил?».

— Да проверяли они там уже. Праздник ведь и вообще я тут... — собрался обидеться прапорщик.

— Сейчас же. — все тем же ровным голосом потребовал ящер, собираясь с силами и брезгливо махнул хвостом, отшвырнул кубок с алкоголем подальше от человека.

— Ладно-ладно... «Консерву» сыму и проверю... — запыхтел человек, потянувшись к крепежным узлам черной брони.

— Не снимай, прямо в ней иди.

Прапорщик недовольно уставился на ящера и уже хотел сказать что-то вроде «да ты же сам говорил, никому ее не показывать!», но заметив холодный блеск янтарных глаз гигантской рептилии, осекся. Недовольно поджав губы, мужчина подчинился и, неуверенно поднявшись на заплетающиеся ноги, уже забирался в тоннель, как дракон остановил его:

— Шлем надень, быстро! — не глядя на мужчину, он ткнул огромной лапой в лежащую на земле часть брони.

— Ах ты ж... Ну говорю ж, склероз! Прямо как вошь в подушке, ети ее в пердушку... — заворчал Тараканов, подбирая свой шлем с земли.

Но дракон уже забыл про него. Он продолжал таращиться на гору хлама в центре зала, гадая сошел ли он с ума или все это взаправду. Если первое, то ему пора снова ложиться спать. Веков так на пять. Если второе...

— Нет, полный идиотизм... — фыркнул ящер, рассматривая лопнувшую зажигалку.

— Ну и?! Херли возишься! — не выдержал я и дал солдату слабого пинка.

Пугачев обидчиво скривился, но все же указал правильное направление:

— Ну... Ту... Туда. Да. Да-да, туда потопали! — все более уверенно закивал он, вставая на ноги и отряхиваясь от снега.

— Херня какая-то... — пробубнил я, глядя в указанную сторону.

Если прибор не врет, то наши иностранные гости, за каким-то хером, решили свернуть с

дороги и отправится в лес. Причем, уже второй раз, если счетчик не врет, конечно. Или Пугачев. Следы они, что ли, путают? Блин, да их и так нет! Занесло все к едрене-фене. Прохлопали мы следы. Уже часа два как прохлопали.

— Ладно, хер с ним. Ротация, короче. Давай прибор Кабанову. Младший сержант, давай, теперь ты впереди. — скомандовал я.

Рыжий здоровяк послушно обменял Калашников на дозиметр и двинулся в указанную рядовым сторону.

— Блин, до сих пор в ушах трещит. Пиздец, и нахуя я в армию вообще пошел... Товариш лейтенант, а разрешите вопрос? — обратился Пугачев, когда поравнялся со мной и Арфой.

Я без особо энтузиазма кивнул.

— А нахера вообще все это? Ну, я про армию. В смысле... Блять, ну ведь везде же уже контрактники служат. В нормальных... Ну, в других странах, то есть. — спешно поправился рядовой, заметив мой сердитый взгляд.

Я тут план операции пытаюсь продумать, прикинуть, как нам ласты не склеить, а он херню какую-то спрашивает. Нашел время. Скучно ему что ли?

— Ветку воткнула? — обратился я к малявке, на что та быстро кивнула.

Метки еще эти оставлять... Ох, сколько геморроя-то на меня одного.

— Замполит не объяснял, что ли? — вспомнил я про Пугачева.

— Не, ну... Че там было-то? А! Воспитание, долг родине и... Всякая такая хуйня, короче.

Я тебе дам, хуйня! Вообще уже офигел! Разоткровенничался на мою голову. Хотя — ладно, пусть. Всяко лучше так, чем если он насупившись ходить будет. Я вообще удивлен что он добровольно со мной поперся. Он же на меня говнится постоянно.

— Сам ты хуйня. А это мобилизационный резерв.

— Че?

И еще меня дураком считают!

Я хотел уже отмахнуться, но заметил, что Арфа с интересом наострила уши. Ну да, ее же все человеческое интересует. Страсть у нее такая, узнавать чем люди тысячи лет назад жопы вытирали. И главное верит во все что скажу. Надо бы, кстати, сказать ей, что мы кошками жопы подтирали. Интересно, что она по этому поводу предпримет? А ну да, она же... Ладно, пофиг.

— Война начнется... Началась... Закончилась... Блять, короче! — воскликнул я, пытаясь выкинуть из головы извращенные сценки с участием мурзилки, куска мыла, и офицерской задницы.

В меру своих сил я попытался объяснить двум дуракам, что такое мобилизация и для чего она нужна. Мол, контрактники, это конечно круто, но толку со ста тысяч контрабасов, против пяти миллионов обученных срочников? А десяти? Двадцати? Нет, конечно контрабасы тоже в резерв уходят. Да только их мало. Уж больно дорогое удовольствие — профессиональная армия. Даже у заокеанских братьев бабла на это не особо хватало. А они-то у нас на глобусе самые богатые были.

— Если упрощенно, то мысль такая: те срочники, что служат в конкретное время тупо удерживают фронт, пока резервистов из тех, кто уже отслужил собирают, переобучают, вооружают и всякое такое. Ну, а потом бросок на Ла-манш, хуянш, транш и прочая херня. Ибо солдат будет не миллион, а хуй знает сколько. И все с оружием и техникой. Всякие там «Т-55», «АКМ» и прочая древняя хуйня. Зато много. Нет, дохуища. Таковую массу, да еще с

оружием специально спроектированным для ядерной войны... Вся эта новомодная электронная херня кончится быстро, а новую уже не произведут, ибо вместо заводов — одни воронки. Короче, дешево и сердито, как говорится. — пожал я плечами, ожидая пока Кабанов натывается трубочкой куда нужно.

Блин, в сугроб засунул... Хорошо что я их с запасом захватил, а то и этот скоро сломают.

Но прибор, кажется, выдержал все надругательства и Кабанов повел нас дальше по поляне, напрямик в сторону леса. То ли вечнозеленого, то ли постоянно депрессивного... Не помню как он зовется. Знаю только, что дофига большой и аж до грифонов идет. Или до минотавров? Совсем с памятью туго. Надо было карту захватить — совсем туплю.

— Фигня какая-то! Вечно на всем экономят, блин. А мог бы дома сидеть, в универе учиться. Девчонку... А, не важно. — Пугачев с явной досадой подвел итог моим словам.

— Не фигня, а Родиной гордись, пидор! Экономия ему не нравится, ишь какой, вы посмотрите! Немцы вон, не особо сэкономили. Чем закончили? Вот и не пизди... Хотя. Какая уже разница.

— Ну да. Теперь уж никакой.

— Ладно, не скули. Если хочешь, я тебе новую Россию забабахая. Только чур я президент. А что, захапаяем себе островок и будем там каких-нибудь грифонов строить. Или коров этих припашем. Заживем, а?

— Нет уж, спасибо. Я Фелерией обойдусь. — кисло отозвался рядовой, затягиваясь сигаретой.

— Ну ладно, хуй с ней, с Россией, давай свою Фелерию построим. Я, короче, белой краской оболбюсь и хвост приклею, буду как принцесса, а ты...

— Да-да, а я буду главным говночистом, знаем, проходили. — кисло отозвался он, не впечатлившись моим юмором. — А знаете, я вот что подумал. Вот нас четверо, да? — снова заговорил Пугачев.

Дождавшись согласных кивков от меня и Арфы, он продолжил:

— Вот она — он ткнул в малявку — волшебница. А он. — кивнул на идущего впереди капрала — Воин. Ну я тогда вор, получаюсь, да? Так вот и все мы идем убивать дракона... Ничего не напоминает? — засмеялся рядовой собственной шутке.

Так, стоп... Воин, вор, маг и я. А я-то кто? Инвалид? Нет такого класса!

— Не понял, а я тогда кто? — не выдержал я.

— Ну как кто... Паладин, хотя не-е-е... Ну тогда вы вор. Вы же у Греммы драгоценности воровали. А я тогда клириком буду. Или чародеем.

— Ага, чародей! Слышь Кабанов, помнишь как этот чародей в патруле кучу себе в штаны наколдовал?

Кабанов послушно кивнул.

— Да ну вас нахер... Не было там кучи! Просто жарко было и вспотело все. Вот пятно и проступило. — начал оправдываться он.

Но судя по тому, что обращался он больше к Арфе, чем ко мне, сахалинская жара тут не причем.

— Да-да, рассказывай. Кудесник, блин.

Но поугарать над Пугачевым я толком не успел. Мы уже дошли до первых деревьев, когда Кабанов прервался от замеров и принялся обстукивать ботинки от снега о ближайшее дерево. В этот я заметил еще не заметенную вереницу следов. Я уже хотел порадоваться

тому, что прибор не подвел и мой план сработал. Но что-то со следами было не то. Вот чистый ровный снег, а через метр — углубление на пяток сантиметров в форме подошвы.

— Так, тишину поймали и замерли! Куда поперла, стой сказал! — прикрикнул я на мурзилку, хватая ее за воротник и притягивая к себе.

Не отпуская замерзшую лилипутку, я продолжал тупо таращиться на следы, пытаюсь понять, что именно в моем мозгу кричит об опасности. Засада? А почему именно здесь? А если и здесь, то почему не расстреляли нас еще в поле, где нет никаких укрытий? Нет, не засада. А что тогда?

Блять, вот что-то в памяти шевелится, а что вспомнить не могу...

— Э-э-э... А что случилось-то? — первым нарушил молчание Пугачев.

Я лишь покачал головой и жестом попросил сигарету.

— Был у нас в училище инструктор. То ли инженер, то ли сапер, то ли химик, не помню нифига. Но мужик был конкретно контуженный в прямом и переносном смысле слова. Буквально повернут на всякого рода минах и растяжках. Часами про них пиздеть мог. Как ставить, как маскировать, ну и как выявлять, само собой. Параноиком был лютым, везде ему фугасы мерещились. — начал я, принимая у рядового сигарету. — Мол, когда он еще в Афгане служил, как-то раз, на его глаза сослуживец посрать присел. Тупо встал на какие-то валуны возле дороги и нагадил между ними. И все бы хорошо, но между камнями оказалась то ли мина, то ли какой самопал... В итоге падающее дерьмо то ли замкнуло контакты, то ударило своей массой на весы — не важно. Важно, что взрывной волной и осколками солдатику оторвало все причиндалы к чертовой матери. И, видимо, с тех пор, инструктора и самого «замкнуло».

Я затыкнулся пару раз и подошел чуть ближе к следам, чтобы осмотреться.

— Помню, какой-то приколист когда в канцелярке убирался, ему в ящик стола «растяжку» ради прикола сунул. Тупо петарда и черкашик от спичечного коробка. Откроешь ящик, а она и бахнет. Так этот ебанат ее нашел! Он, оказывается, каждый раз свой стол на предмет таких вот «приколов» проверял. Он вообще все проверял. Возможно, что даже в пизду жены заглядывал и щупом тыкал, но не факт. Ну и вздрючил курсантика, само собой... Бедолага до самого выпуска выискивал по всему учебному корпусу муляжи взрывчатки, запрятанные повсюду. Один раз, этот старый маразматик не поленился и аж в анализатор спектра сигнала муляж засунул и нитки из него на полкабинета растянул. И потом дрочил меня в сушилке, за то что я нихера не понял и не обезвредил. Ну, не меня. Курсантика. Того курсанта. Да. Ну вы поняли... Короче не важно! — отмахнулся я, сообразив что спалился с потрохами.

Блин, а к чему я? А-а-а... Вот к чему.

— Если кто не понял, нам гостинцев припасли, еб их мать... — плюнул я, снова затыгиваясь чужой сигаретой и указывая на тонкую, едва заметную нитку. — Знакомьтесь, электронный контактный взрыватель. Ставишь мину, а из нее, через полминуты, куча таких лесок вылетает во все стороны. И задень хоть одну — пиздец. Ибо такие херовины, только на что-то мощное лепят. На ПМКашки эту залупу не ставят... Хотя, некоторые можно и не задевать. У них сейсмометры вхуячены. Мда... — закончил я, глядя в озадаченные лица остальных.

Нифига они не поняли. Особенно Арфа. Но все же успели напугаться. Я покачал головой и еще раз взглянул на следы, возле которых, где-то затаился сюрприз.

Одна из лесок шла аккурат через отпечаток подошвы. Как паутинка прямо. Но не

блестит. Я бы ее хрен заметил, если бы луна из-за туч не вышла. Просто обратил внимания, что на снегу тоненькая тень колыхается — едва заметная. Повезло, можно сказать. Если бы не следы, хрен бы я внимание обратил. Как-то эти иностранцы совсем без фантазии.

Так, что у нас выходит-то? М-м-м... А! Здесь, похоже, немку с французом наконец эскорт встретил. Ну и оставили, на всякий случай, «подарочек», для неугомонных «папарацци». А сюрприз точно дошел до адресата, старательно его украсили, потоптавшись как следует, чтобы следы было хорошо видно.

Блин, а я надеялся что с дураками буду дела иметь. А выходит, что кто-то с военным опытом все же есть. Херово.

— Вот же блядтво... — чертыхнулся Пугачев, следуя моему примеру и закуривая. — А я бы хуй заметил. И как вам это удастся... — смущенно добавил он и я буквально почувствовал, как мой авторитет в глазах остальных подскочил на несколько пунктов.

Примерно, с «бесплезного бомжа» до «рукастого сантехника, который вечно бухой в щи и выглядит как чушка, но все равно полезный». Ну или как-то так.

— Это как сходить посрать. Иногда само выходит, а иногда приходится поднатужиться. — пожал я плечами и тут же хлопнул себя по лбу. — Так, блять! Фонариков никто не взял, я так понимаю? — обратился я к опасливо переглядывавшимся бойцам.

До них, видимо, только сейчас начала доходить вся серьезность ситуации. Ну да, до меня, в общем-то, тоже. Видимо алкоголь выветривается. Господи, какой же я идиот... Устал уже самому себе поражаться.

— Понятно, я тоже долбоеб. — кивнул я, когда оба парня смущенно отвели глаза.

— Эм... Товарищ лейтенант, я могу свет сделать, если нужно. — неуверенно проговорила Арфа, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Видимо, до сих пор считает, что я на нее злюсь за Лисина. Пф, хрен там. Да если бы она ему хуй насовсем оторвала, я бы ей прямо сейчас отдался. Ибо заслужила.

Стоп, что она там говорила? А-а-а, магия! Точно, очкарита же такую фигню в том подземном мавзолее проворачивала. Вернее, в тоннеле, но не суть.

— Как Лисси что ли? Ну давай-давай. Только это, не сильно врубай. А то мало-ли, может они... Не важно. Не сильно свети, короче. — я решил, что лучше зря не нервировать ребят и умолчал про возможную засаду.

Маловероятно, праздник же, все-таки. Поленились бы, полдня на снегу и деревьях шкериться. Не вьетнамцы и даже не финны же.

Мурзилка насупилась, услышав имя другой девчушки, но все же послушалась. Спустя несколько мгновений ее глаза начали излучать слабый свет и между ушек зажегся маленький огонек, с каждой секундой, становясь все ярче и ярче.

— Но-но! Пру-у-у! Дальний не врубай. Вот так оставь. Да-да, вот. Все, молодец. — похвалил я малявку, вызывая у нее робкую улыбку.

Делать было нечего и я занял место в голове колонны. За мной шел наш импровизированный «фонарик», а замыкали Кабанов с Пугачевым. Которые принялись беспрестанно пиздеть о том о сем. То ли почуяли, что мне сейчас не до них, то ли языки от нервов зачесались. Впрочем, у них хватало мозгов говорить тихо, так что я не возражал. Один черт снег под ногами хрустит — какая уж тут маскировка! Идем как в турпоходе, блин. Еще и со светом... Ну полный идиотизм. Но какие варианты? Уж лучше под обстрел попасть, чем на mine всей толпой рвануть.

Одно хорошо — в лесу все еще было видно следы. Из-за деревьев, ветер не успевал так

быстро заметать их. Да и метель уже прошла, к счастью. Так что мне не приходилось трахать голову с счетчиком радиации.

По прохождению первой сотни метров я перестал корить себя за излишнюю беспечность со светомаскировкой. Ибо растяжки и мины «поперли» как грибы после дождя. Правда, насколько я мог судить, все они были не боевыми, а сигнальными или светозумовыми. Но ставил их явно какой-то долбоеб. Причем — вообще не понимавший, что делает. Вон, сигнальную ракету с растяжкой он в землю воткнул и даже кое-как замаскировал, но чехлом защитным не прикрыл. И как итог — она отсырела к чертовой матери.

Я уже хотел было порадоваться тупости моих вероятных противников, как чуть не напоролся на какой-то датчик. То ли лазерный то ли с фотоэлементами, хрен знает. Скорее всего второе, ибо аккумуляторов или проводов не видно.

Похоже, всякой продвинутой хуйни у них в достатке. Как и раздолбайства. Кто же такие датчики на коре дерева вешает? Еще и изолянт. Она же отвалится может и что тогда? Их обычно на кольца ставят, впритык к ветке или стволу, а потом красят или просто в грязи возюкают. Или лучше — саморезы в дерево вгоняют. А еще... Ох, блять!

— Так, на месте, стой! — поднял я здоровую руку и жестам приказал бойцам немедленно дать мне покурить.

— Опять какая-то херня? — спросил рядовой, протягивая мне сигарету и, болезненно морщась, ощупывая замерзшее ухо.

— Шапку носить надо... — буркнул я, чиркая американской зажигалкой. — Херня не херня, а все равно... Смотри.

Я указал здоровой рукой на еле заметную неровность на снегу — прямо возле корней дерева с датчиком. В этом месте, снег лег не по окружности, а как-то слишком ромбовидно. Как будто корень выпирает, но уж больно симметричный.

— Ну-у-у... Камень какой или корень, вроде. — протянул Пугачев краснея то ли от смущения, то ли от холода.

— Мина там. — буркнул я и как следует затянулся.

Мда, теперь понятно почему тут все так через задницу сделано. На психологию рассчитывали. Мол, найдут криво поставленные ловушки и сразу расслабятся, решат что дохуя внимательные. И подорвутся на тех, что устроены по уму. Вот же гадство! Все-таки не все из них идиоты! Как минимум один профессионал у них есть. Коммандос гребанный... И это очень напрягает. Хотя... Может просто совпадение? Может мину просто снегом занесло? Или там и правда корень? Ох, елки... Как же достала эта неопределенность!

— Ладно, Арфа, туши свет. Мы уже на подходе. — мрачно заметил я, докуривая сигарету и бросая ее в снег.

Понять, что мы уже у цели — было просто. То тут, то там валялся мусор. Бычки, пустые банки, обертки от каких-то

шоколадок и прочий хлам, отлично видимый на нетронутым снегу. Но главное — дорога. Совсем рядом, между деревьев впереди, была отчетливо видна утоптанная колея от какого-то транспортного средства. Блин, надеюсь хотя бы танков у этих засранцев нет.

— Зимняя резина... — хмыкнул Капрал, рассматривая узор от шин, когда мы вышли на дорогу.

Я не особо разбираюсь в колесах, так что принял его слова на веру. Судя по проторенности дороги, пользуются ей довольно часто. Остается надеяться, что это действительно дорога, а не очередная «замануха». Хотя, не думаю, что это ловушка. Вырубать деревья и утрамбовывать колею, чисто чтобы понатыкать мин? Как-то слишком масштабно.

— Прикольно, у них еще и машины есть... Хотя, че я удивляюсь? — пожал плечами Пугачев. — Раз силовые доспехи есть, значит и тачки должны быть. Логично же. У всех все есть. А у меня только собственный хуй, да автомат. То ли дрончить, то ли застрелится. Защибись вообще! — он раздраженно сплюнул на землю и уже собрался выдать новую тираду, но я остановил его.

Отвесив бойцу чувствительный подзатыльник и посоветовав говорить потише, я коротко скомандовал следовать прямо по дороге. Ведь куда-то она же должна вести? Или откуда-то... Блин, как-то все это странно. Никто из местных машин в глаза никогда не видывал. И не слышал. А тут — на тебе, целая грунтовка. Да еще весьма утрамбованная.

— Ну... Не знаю, если честно. — виновато покачала головой Арфа, когда я озвучил ей свои мысли. — Про лес всякие истории ходят. И звуков тут странных — полным-полно. И огней жутких тоже. Может кто-то и видел, но принял за очередное местное чудище?

Я невесело хмыкнул и решил немного покурить в кулачок, дабы успокоится. С каждым новым шагом по дороге, я все больше и больше сомневался в успехе нашего плана. Ладно, «моего» плана. Ведь дело не только в каких-то там автомобилях. Ну есть машинки у них. И пусть будут. Подумаешь? У них и ракеты есть, что уж тут. А вот расчистить такую площадь густого леса — это уже больно масштабно. Еще и деревья как-то странно срублены. Вернее — выкорчеваны. Прямо целиком. Как-будто подкопы делали — одни ямы кругом. Ну не лопатами же они мучались? Это дивизию целую припахать нужно.

И тут я увидел как на лунном свете, пробивающемся сквозь кроны ветвей, на обочине, валяется нечто очень знакомое и невероятно мерзкое. От неожиданности, я аж сигарету изо рта выронил. Но прежде чем успел что-то скомандовать, младший сержант был уже впереди.

— А он тут как оказался? Его же в Эверлот отправили, разве нет? — задумчиво поскреб затылок Кабанов, тыкая заснеженным берцем в тушу здоровенной многоножки, наполовину торчащей из-под земли.

Блин, я даже сказать ничего не успел, а он уже к ней ломанулся! А если бы она живая была? Твою мать! Чуть не обосрался. И кого он там куда отправлял?

— Ну, ту глисту, помните? Лисси его Ногамножкой называла. Вы его с той серой девочкой еще осенью добыли. — ответил мне капрал, продолжая с интересом тыкать берцем в пасть мертвой гадины.

Судя по всему — уже давно дохлой. Во всяком случае, кожаные бока монстра уже порядком подгнили и смердели даже на морозе. Мне как-то пришлось присутствовать понятым при извлечении трупа из коллектора. Воняло почти так же — тухлой болотной тиной. Даже странно как-то. Эти многоножки же, что-то типа роботов, нет? Как они гнить-то могут? Или они какие-то «живые» роботы? По-моему, кто-то что-то об этом говорил, но

нихрена не помню.

От мыслей меня отвлек тонкий луч света, полоснувший по лицу откуда-то издалека. Еще до того как это осознал, присел на корточки и жестом скомандовав остальным сделать так же.

— Оттуда, кажется... — ткнула Арфа пальцем по направлению дороги и как-то смущенно перемнулась с ноги на ногу.

Видимо, застеснялась своего роста. Ну да, ей даже приседать не надо. Блин, не о том думаю!

Так, что у нас там, фонарик? А разве он? Ну, вроде да. Вон как луч качается из стороны в стороны. Вроде не на нас светит. Источник света находился от нас не дальше чем в семидесяти метрах. Хотелось скомандовать всем свалить на обочину, но я боялся что хруст снега лишь привлечет больше внимания. А так, — авось там кто-то поссать с фонариком отошел? Не, ну может же быть такое, верно?

Взглянув на Пугачева, я с удовлетворением отметил, что он догадался залечь за тушей многоножки и упереть на нее автомат. Не хватало чтобы он палить начал. Бой с неизвестным противником на открытой местности, да с одним магазином к автомату? Нет уж, хрен там!

— Только, блять, никакой стрельбы без команды! — прошипел я, скептически оглядывая Кабанова, который хоть и присел на землю, но все сильно выпирал на фоне местности.

— Кажется... Ну... — Арфа вдруг начала брезгливо морщиться и отворачивать голову. — По-моему мочой пахнет... Гадость. — наконец выдала она.

Фига у этих кошатин нюх! Ха, походу я угадал и там реально кто-то поссать отошел. Правда непонятно кто. Может там засаду на дороге организовали, но кому-то до ветру приперло?

Через какое-то время, луч света наконец-то перестал елозить окружающим нас деревьям и я скомандовал продолжать движение:

— Только, епт вашу мать, чтобы тихо! Тебя это вдвойне касается. — ткнул я капрала в плечо и сам занял место в главе колонны.

Поднявшись по едва извивающейся дороге, я увидел впереди какой-то холм с огромной дыркой посередине. Не пещера, не тоннель, а именно дырка, вглубь которой вела дорога. С трещинами по краям и всяким таким. Это можно было бы принять за обычную впадину, если бы в глубине дыры не горел свет.

— Нет, ну это уже даже не смешно! — я зло сплюнул на снег привлекая к себе удивленные взгляды остальных. — Та, вас со мной не было но... Как бы сказать? Я уже заебался по всем этим подземельям шарообится. Вечно эти пидоры себе какую-то нору выроют! Задолбали... — я сокрушенно покачал головой, пытаясь отогнать вдруг ожившие картины операционного стола и хирургических пил.

Какого черта все эти засранцы вечно лезут куда-то в пещеры или под землю? Там же сыро и дышать нечем! Блин, готов поспорить, тут еще какой-нибудь очередной бункер заныкан. Блять, ну никакой фантазии у людей!

Я уж молчу про то, что штурмовать закрытый и неразведанный объект — та еще задачка даже для какой-нибудь «Альфы». Что уж говорить про нас? Даже если Селедка сейчас целую дивизию своих мурзилкок пригонит, один хрен все бесполезно.

Мои невеселые раздумья прервала рука, которая настойчиво хлопала меня по рукаву.

— Глядите! — прошептала Арфа, вместе с остальными, уставившись куда-то вперед.

Возле «дырки» стояла какая-то будка. Или вагончик. Почти такой же, какие ставили когда-то на всяких парковках. Я хотел было пожать плечами и спросить «ну и че», как заметил пару каких-то людей, у самой будки. Одеты они были явно по «гражданке» и хоть отсюда было плохо видно, но похоже что у них даже оружия не было. И судя по доносившейся ругани и жестикуляции, они явно не особо ладили. Вплоть до того, что принялись ожесточенно стучать друг-другу по кумполу. Вернее, по кумполу стучал один, а другой, что сильно пониже, лишь пытался огрызаться, но получалось плохо. Походу, это уже не первые их разборки за эту ночь.

— Это че за долбоебы? — удивленно спросил Пугачев, который, походу, охреневал с происходящего не меньше моего.

— А хрен их знает... — буркнул я, спешно думая что же делать.

Эти двое придурков явно были слишком заняты друг-другом, чтобы нас заметить. И не воспользоваться этим было бы просто грешно. Тем более, что в округе, похоже, вообще никого не было. Но блин, а дальше то что? Ну проскочим мы мимо них? А потом вчетвером в эту дырку лезть? Ну нафиг... Уж лучше Селедку дожидаться.

Я зачерпнул снег рукой, чтобы немного остудить голову и хотел приказать всем вернуться назад к минному полю, дабы встретить подкрепление, но рука напоролась на что-то склизкое и противное.

— Да вы охуели... — выдохнул я, глядя на свежее дерьмо размазанное по ладони.

— О! Вот такая мята, товарищ лейтенант! Прямо вот прямо такая же! — прямо над моим ухом пробасил здоровяк, тыкая толстым пальцем в мою руку.

— Это же говно, ты че несешь? Совсем дебил?! — громче чем нужно в сложившейся ситуации, прошипел я, садясь обратно на корточки и спешно вытирая ладонь о снег.

Вот же срань! Ну и гадость!

Но у Кабанова были иные мысли по этому поводу. Он бесцеремонно нагнулся и достал из-под снега кусок смердящего дерьма. Сжимая его в руке, рыжий придурок поднес его к своему лицу, внимательно осматривая. Я ошарашенно выпучил глаза и смотрел на происходящее, как бутылка стекломоя на пропитого алкаша. Кусок мерзости был все ближе и ближе ко рту младшего сержанта, а я оказался не в силах ни отвести взгляд ни остановить его. Все на что я был способен, задержать дыхание в попытке сдержать рвотный позыв. Наконец эта гадость достигла пухлых губ рыжего здоровяка и пока его челюсти медленно работали, лицо Кабанова приобретало все более и более задумчивый вид.

— Фу-у-у... Владимир, ты отвратителен! — закашлялась слева от меня Арфа, не в силах больше смотреть.

— Да ладно вам, нормальная мята. Ее и так рубать можно. Типа как жвачка. — пожал плечами Кабанов и протянул кусок дерьма Пугачеву.

Когда рядовой принял «подарок» из рук капрала, закашлялся уже я.

— Да че с вами двумя? Как на говно пыритесь. Будто мяты не грызли... Обычные листья же. — пожал плечами Пугачев и последовал примеру Кабанова, отправил кусочек себе в рот.

Стоп, листья? Он что, как и Кабанов ебанулся?

— Но это же... Это же... Да это же дерьмо, раздери твое колено! — вместо меня, сказала девчушка, опасливо отступая назад, когда Кабанов протянул к ней обговняканную руку.

— Сама ты дерьмо! А это жвачка! Ну почти... — обиженно заявил рядовой, вслед

кивающему Кабанову.

Так, что-то тут не то... Не может у меня во взводе оказаться сразу двое поехавших копрофилов.

По итогам последующей беседы, мне удалось выяснить, что эта мерзкая и вонючая субстанция, для Пугачева с Кабановым — всего лишь листья мяты. Которая выглядит как мята, пахнет как мята и на вкус как мята. Для нас же с Арфой — это говно. Которое выглядит как говно, пахнет как говно и на вкус...

— Как земля... Вот черт... — закашлялся я, закидывая пригоршни снега себе в пасть и отплевываясь, попутно пытаюсь игнорировать шокированные глаза Арфы.

На кой хер я решил попробовать?! И так же ясно, что эта дрянь только для них листиками предстает. Долбанная мистика!

Я все пытался отплеваться, пока наконец не сообразил что вокруг как-то слишком светло. Обернувшись, я увидел перед собой пару побитых мужчин, в руках одного из которых, покоилась большая переносная лампа. Их глаза скользили то по моему лицу, то по руке, то опять по лицу...

Видимо, ребята не ожидали что посреди праздничной ночи, к ним подкрадутся какие-то извращенцы в форме и примутся жрать говно, шумно споря между собой. Они поди решили, что мы его тут дегустируем или что-то такое...

Или для них это тоже не дерьмо, а что-то иное? Может быть, но судя по выражениям удивленных лиц, что-то явно несъедобное. Блять, да о чем я думаю?!

Немая сцена уже порядком затянулась и я сообразил, что вот-вот и эти поганцы выйдут из прострации, поймут кто мы да поднимут тревогу. Или стволы достанут. А значит пора бы уже вспомнить на кой ляд мы сюда вообще пришли!

— Тьфу, хенде, блять, хох! — продолжая отплевываться, крикнул я, хватаясь скользкими пальцами за рукоять пистолета и наставляя его на парочку охреневших мужиков.

Как выяснилось, по немецки они не говорили. Как и по русски. Да и английский не знали... Короче, объясняться пришлось стволом и пиздюлями. Ибо самый мелкий, отчего-то решил что он пуленепробиваемый. И едва подвернулась возможность, попытался огреть меня по башке. Правда, Кабанов оказался быстрее и по балде получил уже сам мелкий. С тем, что повыше проблем не возникло. Он трезво оценил свое положение и спокойно позволил себя связать и запереть в вагончике, вместе со своим таким же обездвиженным товарищем. Веревок, правда, не было. Но в шкафчиках вагончика, оказалось достаточно комплектов серой спец-одежды, рукава которой отлично подходили.

В самом вагончике нифига толком не было, кроме пустого оружейного стеллажа, десятка магазинов с неизвестными патронами да стола с парой стульев. Единственное что привлекло мое внимание, так это пульт наблюдения с монитором, да микрофон рядом с красной кнопкой. Почесав репу и в очередной раз брезгливо вытерев руку о штанину, я уселся за монитор попутно сказав Пугачеву, чтобы он перестал шариться по шкафчикам и рыться в чужом белье, а связал пленных покрепче. Мало ли развяжутся еще и тревогу объявят. Не зря же кнопка-то красная...

— Мда... — выдохнул я, закуривая сигарету и щелкая наугад по кнопкам на пульте.

Изображения на мониторе сменялись одно за другим, демонстрируя разные виды ночного зимнего леса и участка дороги. Очень качественное изображение, кстати. Цветное и высокого разрешения. Удивительно даже.

Глядя на картинки с камер, я с раздражением думал о том, какие же мы все идиоты.

Устроили тут сцену с этой кучей мятного дерьма и выдали себя с потрохами. Это просто чудо, что эти додики оказались без оружия и вместо того, чтобы сидеть в вагончике и глядеть на монитор, били друг-другу морды снаружи. И то что, услышав иностранную речь в ночной мгле, они решились подойти поглядеть, а не даванули на эту красную кнопку и не вызвали подкрепление. очередное невероятное стечение обстоятельств. Хорошо хоть, удачное. В этот раз.

Хотя... Может я зря себя так запугиваю? Они же тут все гражданские. Да и новый год ведь — бухлом от этих двоих за версту несет. Может проблема в том, что я слишком боюсь? Что если, нужно просто пойти напролом, да положить всех мордой в пол? Глупость конечно. Но черт его знает.

Вдоволь налюбовавшись на статичные картинки в мониторе, я уже собирался остановиться, но новая камера была установлена не в лесу. Изображение на мониторе демонстрировало какой-то плохо освещенный, просторный тоннель. За ней шла картинка настезь раскрытых стальных гермозатворов, прямо как на стратегических складах, а вот следующая...

Сразу за воротами, начинался какой-то то ли склад, то ли гараж, то ли свалка — черти что, в общем. Земляной пол, весь в каких-то глубоких лунках, пара неизвестных легковых автомобилей, стоящие на границе обзора и заваленные всяким хламом стеллажи со столами стоящие у бетонных стен. На одном из столов, вместо глушителей и канистр, была постелена грязно-серая скатерть и на ней стояли бутылки, тарелки, пакеты, а вокруг толпилось десятков фигур одетых кто во что горазд. От юбок с каблуками, до такой же серой формы, которую осматривал Пугачев, о чем-то переговариваясь с Кабановым. За человеческими фигурами виднелись несколько серых котиков. В таких же плащах, которые я видел в полночь на площади Кентервиля.

— Ох ебитская кочерыжка. — выдохнул я, заставляя стоящую рядом Арфу перевести любопытный взгляд с монитора на меня.

Ракурс у камеры был так себе. Очевидно, ее задача была смотреть за въездом в ворота, а не за самим помещением. Но даже так, в центре толпы, я смог углядеть знакомое поблескивание черного металла. Прапорщик был прямо здесь. Примерно в полусотне метров от меня. Он светил на камеру своей физиономией, уже красной от выпитого алкоголя и судя по жестам и реакции окружающих, рассказывал какую-то мало интересную фигню всем окружающим. И хоть он был в броне, но ни шлема, ни оружия видно не было.

Ткнув в пульт еще раз, я понял что то была последняя камера, так как изображение пошло по кругу, снова показывая мне вид грунтовой дороги. Потерев виски, я скосил взгляд на край монитора, на котором показывались часы. И время неуклонно приближалось к семи утра.

Семь утра. Семь часов утра первого января хрен пойми какого года. Все уже как следует напраздновались, напились и натрахались и теперь спокойно спят лицами в салатах. Или как там у этих басурман принято... Лишь немногие еще на ногах, но судя по усталым мордам — ненадолго. Чем не время для атаки, а? Молча пройти через гермоворота, достать пистолет и угандошить этого усатого мудака наглухо?

Шанс! Да еще какой! Разом избавиться от одной из самых опасных фигур, без какого-то риска для себя или остальных. Ну как такое можно упускать?

Но все же стремно. Может все-таки дождаться Селедку с мурзилками? А когда они придут? Время-то уже к рассвету близится. Да и какой с них будет прок, если прапор

наденет шлем и возьмет свою зенитку? Тем более, что будет, если сейчас кто-нибудь придет посты менять и увидит тут двух связанных придурков? Или вообще никого не увидит?

Пугачев, видимо, нашел в шкафу нераспечатанную бутылку бухла с какими-то закусками и теперь тихо перешептывался с Кабановым, косясь то на меня, то на пленников. Будто я в отражении монитора не вижу!

— Блять! — не выдержал я и выругался вслух.

Надо проветрится.

— Следите за этими. И чтобы ни на что, блять, не нажимали! Я курить. — бросил я напоследок, прежде чем выйти из вагончика.

Хрен бы с ними. Пусть выпьют и пожрут для храбрости. А если мозгов не хватит меру соблности, то и нахрен они мне не нужны. Устал я уже с ними сюсюкаться.

На улице было уже совсем холодно, отчего я даже немного взбодрился. А ведь и не замечал, что спать уже хочу. Достав последнюю сигарету из пачки я, невесело хмыкнул и чиркнул зажигалкой. Струйка дыма медленно стремилась вверх, клубясь возле яркого фонаря на крыше вагончика, отчего на снегу отплясывали тени, извиваясь вокруг моего силуэта, словно щупальца спрута. Тьфу, блять, на поэзию потянуло!

Долбаный прапор и его дурацкий шлем! Вот же угораздило его на камере показаться... Ну нельзя же такой шанс упускать! Но, блин, как же стремно туда идти... Еще и гражданские эти. По-любому под раздачу попадут. Скольких придется срезать очередью, прежде чем пуля продырявит седые усы этого маразматика?

Блин. Всегда представлял себя если уж не героем, то хотя бы просто хорошим парнем. Который, как и все, иногда вынужден делать плохие дела. Но сейчас я всерьез в этом сомневаюсь.

— И так уже толпу народу накрошил... Может хватит уже? — спросил я у тусклого фонарика на вагончике.

— А ты не думал, о том, скольких ты спас? — сердитый голос звучал как звон колокола в глухом колодце.

Арфа вышла из-за моей спины, недовольно оглядывая меня с ног до головы. Чего это она? Стоп, я что, вслух рассуждал?!

— Сколько из тех мертвецов были самыми настоящими монстрами? Нет, в голову не приходило? — малявка была явно недовольна моими умозаключениями и смотрела мне в глаза с откровенным вызовом. — Знаешь... Ах, да. Ты не помнишь, знаю, но все же я рассказывала о себе. О своей семье, о том какие у меня были отношения из-за моих увлечений. Как родители смотрели на музыку и, особенно, на увлечение людьми. И, должно быть, говорила как меня все это угнетало. Как я часами глядела в потолок по утрам, пытаюсь найти ответ на вопрос, а зачем нужно вставать и что-то делать? Зачем, если это ничего не поменяет?

Девушка была мало похожа на саму себя. Обычно тихая, улыбчивая — сейчас в нее будто бес вселился. Она ходила передо мной, взад-вперед, то и дело бросая на меня взгляды, от которых я невольно съеживался.

— А потом случилось чудо! В городе, в котором с момента переезда Лисси из столицы не происходило ничего интересного, вдруг, неожиданно, поселились самые настоящие люди! И какие люди! Огромные, злые, и безумно интересные! А ты... Ты! Ты вообще был невероятным! — Арфа остановилась и больно ткнула меня пальцем в ремень. — Ты ведь тоже обычный. Также трусливый, стыдливый, нерешительный, в чем-то глупый, в чем-то

слабый. Где-то подлый и мелочный. Обычный, совсем обычный. Что удивляешься? Я два курса психологии отучила, не надо бровками поигрывать, не в театре. — хмыкнула она вновь продолжила нарезать круги передо мной.

Я же просто стоял и молча охреневал от контраста. Как она бляла и мялась передо мной на лавке у школы и как она ведет сейчас здесь. Может употребила чего?

— Но как ты себя ставил! Ух! У меня коленки дрожали когда ты ходил перед нашим строем! Голос, запах, жесты... Как будто перед тобой не трое балбесов и длиннохвостая чудачка, а вся королевская рать! Армия! Армада! Я глаз отвести не могла. Да ты и сам заметил... — хмыкнула она себе под нос и ее уши чуть поникли, а тень от челки на лице приобрела грустные оттенки. — Но даже если тебе было плевать, это неважно. — вновь продолжила она, после паузы.

Вид грозно шаркающей лилипутки был забавным, но я, отчего-то, не смеялся. Сейчас в Арфе было нечто такое, что иначе как «решимостью» не назвать.

— И вот ты, вот я. Мы оба никчемные. Никуда не годимся и ни на что не способны. Только ты ведешь вперед, а я следую за тобой. Как и мы все. И Сергей и Владимир. Знаешь почему? Да потому что ты ответственность берешь. Когда Сережа ноет и просит нас послать тебя на три буквы, он не берет на себя ответственность за это решение. Он просто хочет чтобы ему дали больше свободы. А если что-то пойдет не так, то это не его вина, а кого-нибудь другого. И Александр такой же и даже бедный Леша... Да. — она остановилась и развернулась ко мне, строго глядя прямо в глаза. — Но раз уж ты теперь решил заняться рефлексией и самокопанием, то ответственность придется брать мне...

Это типа, она сейчас поведет меня прапора мочить? Что-то как-то слабо верится. По моему, ее куда не туда несет.

Поиграв с бледной челкой и, с видимым усилием сдерживая дрожь в хвосте, она наконец кивнула:

— Раз уж совсем скоро я могу оказаться мертвой, то последнее чего мне хочется, так это мяться в нерешительности... Так что долой стыд и... Итак. Кхм. — Арфа прокашлялась и глубоко вздохнула явно пытаясь придать себе уверенности.

Ох блин, кажется я понял что сейчас будет...

— Слушай сюда, ублюдох! Ты теперь мой муж! И да, можешь выебать меня если захочешь, но... Только попробуй и я тебе уши в жопу затолкаю! — обильно краснея, но все же не отводя пронзительных глаз, заявила она.

Э-э-э... Что?

— Эм... Извини, конечно, но... — попытался я объяснить обнаглевшей лилипутке ее место, но она и слушать не захотела.

— Да знаю я. Бла-бла-бла, ты мурзилка, а я офигенно крутой мужик! — она бодро замахала руками, пытаясь изобразить меня. — «Да чтобы я, да с этими малявками...» Тьфу! Ну не любишь ты меня — ну и хрен с тобой! — пожалала она плечами. — Что мне теперь, с моста сигать? Успеешь еще, никуда не денешься. Я тебе уже все сказала. — самодовольно ухмыляясь, закончила она.

— Ну раз так, то иди-ка ты нахуй со своими предъявами! Не буду я тебя ебать! И, тем более, женится!

Вообще обнаглела! У меня тут солдата заживо сожгли, а она тут пиздостраданиями страдает! Хотя... Вообще прикольно даже. Когда такая коротышка что-то там заявляет и пытается указывать, это даже мило. Но блять! Не время же для этого!

— Да мне плевать! Я тебя раскусила! Ты трус, как и я! А раз у тебя сил не хватает отказать, то ты мой! Живи с этим. И по поводу «ебать» я пока ничего не разрешала... — добавила она, отворачиваясь в сторону.

Она постояла так какое-то время изучая что-то вдалеке, а затем еле слышно хихикнула и самодовольно улыбаясь, зашла обратно в вагончик.

Мда-а-а... Если честно, вот прямо такого я не ждал. Нет, ну она давно уже глазки строила, но чтобы так? Неужто страх смерти настолько влияет на характер?

Ладно, это сейчас не важно. Нужно принять решение... Ай, блять, да кого я обманываю! Все я уже принял! Нехрен такой шанс упускать. Да и дерьмо это мистическое тут не просто так. Достав пачку сигарет и убедившись в ее пустоте, я с досадой отшвырнул ее и распахнул дверь вагончика.

За столом сидели бойцы, один из которых яростно точил какие-то чипсы, а второй смущенно прятал от меня бутылку виски. Арфа счастливо лыбилась во все зубы, напевая себе под нос, а пленники о чем-то переругивались между собой, то и дело пинаясь. Странные они какие-то. Говорят на каком-то таджикском, с виду арабы еще и друг-друга не переваривают. Какой дебил их на пост вместе поставил? По-моему, развяжи я их сейчас, они на нас забьют и будут дальше междоусобицы устраивать. Ну и хер бы с ними!

Пощелкав пультом я удовлетворенно кивнул. Компания чуть поредела, но прапорщик был все там же. Он увлеченно кивал кому-то головой, закусывая какими-то галетами.

— Отставить прием пищи! Пугачев, автомат с предохранителя снять, идешь справа от меня. Арфа слева, если что, ебашь своими фаерболами или что у тебя там есть... Кабанов замыкает. — закончил я, забирая у Пугачева початую бутылку виски.

Хм, вроде немного выпил. Молодец.

— Куда идем-то? — переспросил рядовой, нервно поглядывая на бутылку.

Думает будто я его отчитывать собрался. Блин, какой он еще ребенок...

— Прапорщика гасить. А дальше посмотрим. — пожал я плечами.

— Че уже? Товарищ лейтенант, а может...

— Запомни солдат, настоящая война начинается вдруг. Внезапно. Все к ней готовятся и никто никогда не готов. Понятно? — добавил я и сделал большой глоток.

Горло сильно обожгло, но от этого на душе стало как-то теплее и спокойнее.

— Товарищ лейтенант, но ведь это не по плану! Мы должны дождаться...

— Пугачев, если план битвы работает, то скорее всего это ловушка. Да не ссы ты. — похлопал я его по плечу, прежде чем вынуть из его нагрудного кармана пачку сигарет. — Фашистов вон, тоже не супермены всякие в Берлине удушили. А обычные колхозники с прокуренными легкими и семью классами образования. А ты, поди, все одиннадцать закончил. Так что делай что говорят и все будет нормально. — заявил я, закуривая и возвращая пачку обратно.

Пугачев потупил немного в монитор, но потом все же взял себя в руки и подхватив автомат со стола, двинулся наружу. Когда все собрались возле входа в самую «дырку», я решил слегка притормозить и объяснить свою идею.

— Если камеры не врут, то там дальше такие здоровые ворота стоят. И как мы через них пройдем, то с правой стороны будут столы. И вот... Ну, ладно, сами смотрели... — стушевался я, сообразив что бойцы сами все видели на мониторе. — Короче, минуем ворота и гасим прапора. В голову! Броню не пробьешь! И чтобы без соплей. Если кто путаться будет — стреляй и не думай! Просто сади в толпу, если прицелится не можешь. — хлопая рядового

по плечу, закончил я, скептически глядя в его кислую физиономию.

Что-то ему моя идея не нравится. Ну да, мне тоже. Чую не станет он стрелять пс безоружным. А ведь без этого может и не обойтись. Может Кабанову автомат отдать?

— Ладно, дай... — кивнул я Пугачеву и медленно снял Калашников с его плеча. — Все слышал? — протянул я автомат капралу.

Здоровяк молча кивнул, принимая оружие и не замечая недовольного взгляда сослуживца. Арфа же никак не показывала своих возражений. Видимо, она была согласна или просто не поняла. Черт его знает.

Докурив сигарету и выбросив бычок, я первым шагнул в полумрак тоннеля. Тут было заметно теплее чем на улице, но все же слишком сыро и темно, чтобы чувствовать себя комфортно. До ворот было рукой подать и уже за ними ярко горело освещение, доносился шум голосов и громкая музыка. Вроде какая-то западная попса. Было трудно разобрать, но казалось, что говорят чуть ли не на всех языках разом. Как говорится, алкоголь смывает любые языковые барьеры.

Вздохнув и мельком оглядев массивные ворота, которым по виду была хренова тонна лет, я достал пистолет из кобуры.

— Справа, в голову и очередями. Не забудь. — пытаюсь не выказывать своего волнения, сказал я Кабанову и шагнул вперед.

Пол был бетонным лишь у столов и гаражных боксов впереди. Остальное же пространство занимала обычная земля, в которой, с какого-то хера, были прорыты внушительного вида ямы. Метра три-четыре, не меньше. Возле каждой было насыпано по впечатляющей куче земли.

Колодцы что ли копали? Я удивленно хмыкнул, но затем заметил как из одной ямы торчит туша «многоножки». А, так они их как землероек используют... Помнится, перед взрывом Кентердейла я уже видел нечто подобное. Ну правильно, срочников с лопатами у них тут не водится...

Наша компания из трех мужиков и одной мурзилки форме наконец не осталась незамеченной. Но и особого интереса не вызвала. Чужие взгляды скользили по нам, но не выказывали ничего, кроме интереса. Мол, «кого это к нам принесло?». Люди так плотно толпились возле стола, что я никак не мог разглядеть за ней броню. А по лицам в такой мешанине попробуй определи. Впрочем, отметив неестественно высокую башку, я с удовлетворением заметил знакомые усы. Но не успел я вскинуть пистолет, как из толпы, быстро откололась какая-то женщина и с поразительной скоростью оказалась возле меня. Она лепетала что-то, кажется, на французском и схватив мою правую руку, пыталась утянуть куда-то к остальным. Судя по пьяным глазам, мадам была явно «подшофе» и ей не терпелось потанцевать с неизвестно откуда взявшимся уродливым мужиком. Может спутала с кем — вон как ужралась. Я пытался отмахнуться, но лишь сильнее стискивала мою руку до тех пор, пока не заметила пистолет. Но даже тогда она ее не отпустила, а лишь молча уставилась на Кольт, видимо пытаясь что-то сообразить.

А прапорщик уже обратил внимание на непонятный шум. И заметил нас. Хрен его знает где он держал свой шлем. На поясе или на столе. Но спустя мгновение он был уже в его руках и прапорщик спешно пытался прицепить его к своей броне. Бесцеремонно вырвав руку и оттолкнув плечом пошатнувшуюся женщину, я вскинул Кольт, но на линии огня оказалась лишь помятая прическа уже немолодой француженки.

— Блять, стреляй! Кабанов, стреляй!!! — заорал я, пытаюсь сместиться в сторону.

Но женщина следовала за прицелом как удав за флейтой. Наверняка она тоже хотела уйти с линии огня, но по случайности повторяла мои движения. Мельком я видел, что прапорщик уже нащупал пазы на своем металлическом воротнике. А Кабанов все не стрелял. Быстро взглянув на него, я увидел что он, багровея от натуги, пытается надавить на спусковой крючок. Но тот ни хрена не давится... Младший сержант забыл про затвор. Вот же блять! Еще немного и этот пидор снова станет неуязвим! А на моем прицеле все так же находилось испуганное лицо женщины. И я почему-то не стрелял. Казалось бы, хрен бы с этой пьяной дурой. Пуля ей и следующая достанется прапорщику. Весь оставшийся магазин в него всажу, лишь бы одна попала. Но убить невинного безоружного человека... На словах-то просто. Все вроде правильно. Вроде так и надо. А вот на деле...

И пока я сомневался, Тараканов уже закрепил шлем на голове и снова повернулся к нам. В алых визорах на мгновение вспыхнули огоньки, как бы говоря, что время упущено

— Блять!!! — не выдержал я.

Пиздец! Поздно уже. И хули теперь?! Руки вверх?! Охуенно! В пизду все это... Так, ладно, главное без паники! Главное без паники...

Прапорщик уже закончил таращиться на нас сквозь свои визоры и нагнулся, скрывшись в притихшей толпе, что с удивлением таращилась на группку идиотов в форме. Готов поспорить, он там свою «зенитку» из-под стола достает. Пидор бронированный! А и хер с ним! Надо либо бежать либо драться. Драться — вообще без вариантов. Значит бежать. Куда? Назад бессмысленно. В лесу он нас догонит и выебет. Тепловизоры у него просто обязаны быть, а скорость которую этот доспех развивает, я уже несколько раз оценил. Значит нужно ломиться...

Отведя взгляд от толпы, я наконец увидел, что скрывалось в мертвой зоне камеры. Это были какие-то бетонные боксы для военной техники. Пять боксов, из которых четыре были наглухо закрыты какими-то вертикальными воротами. А вот пятые были открыты ровно настолько, чтобы в них можно было просунуться согнувшись. Ну что же, выбора особого нет.

— За мной, бегом-марш! — на одном дыхании крикнул я и, дал Арфе пинка одновременно хватая Пугачева за рукав и увлекая за собой.

Те пятнадцать метров до бокса мы преодолели, как мне кажется, в рекордные сроки. Правда я нечаянно впечатал рядового носом в ворота... Ну да и хер с ним! Пригнулся он и сам мог, долбоеб. Дождавшись когда Кабанов наконец протиснется внутрь, я ухватился рукой за поручень и попытался опустить ворота. Какое-то время они оставались неподвижными и я уже боялся что нихрена не выйдет, но вдруг, механизм пришел в движения, и тонкая стальная плита медленно поплыла вниз.

— Пульг же есть, ептить... — нервно буркнул Пугачев, отходя от каких-то кнопок на стене и осторожно потирая разбитый нос.

Есть-есть. Хуй бы на твой пульг! Я схватил какую-то трубу и со злости стукнул по панели аж искры полетели. Фух, полегчало! Так, а теперь...

— Арфа и ты, быстро обежали помещение. Ищите запасной выход или еще чего... За теми ящиками особенно! — ткнул я пальцем в нагромождение каких-то деревянных ящиков, бочек, коробок и бог знает чего еще, расставленных у одной из стен.

Обычно в таких боксах есть внутренние проходы между собой. Может и здесь они будут.

Я продолжал вертеть головой, осматривая помещение. Обычный армейский бокс. В центре стоит какой-то большой военный джип с вращающейся башней, но без оружия. Возле раздолбанного пульта — столы. На них инструменты, какие-то детали и, вроде бы, разобранный станковый пулемет или что-то вроде того. Цинковые коробки с маркировками на английском... Хм, американские флаги нарисованы. Прикольно. Выходит, что это какой-то довоенный склад. Хм, а с виду не такой и старый. Да и машина вроде на ходу... Удивительно. Магия опять или законсервировали хорошо?

Продолжая осматриваться, а наконец встретился взглядом с младшим сержантом, который вытянулся по струнке, явно ожидая команды.

— Затвор дерни, увалень! — бросил я, сдерживаясь, чтобы не залепить ему по морде.

Идиот. Ну ладно-ладно, я и сам-то забывал... Блин, такой момент упустили и в такой жопе оказались.

Снаружи послышался громкий стук.

— Лейтена-а-ант... Ты че тут делаешь-то, лейтена-а-ант? Дверь мне зачем запилил?! Лейтена-а-ант?! За мной пришел? А ху-у-уй тебе! — послышался усиленный шлемом «железный» голос прапорщика:

— Как ты выжил-то вообще?! Эй, слышишь меня?! А ну дверь мне запили!

Слышишь?! — не унимался он и продолжал колотить по металлу, отчего ворота ходили ходуном и казалось, что еще чуть-чуть и они развалятся.

Блять, как в фильме ужасов каком-то! Возвращение синего «аватара» или что-то вроде. Я бы даже посмеялся, не будь все это так стремно. То что он бухой в хлам, было только страшнее. Спьяну человек на такое способен... Помнится где-то под Владиком наряд котельной обдолбился анашой, и забил помощника дежурного по части до полусмерти кочергами. После чего решили, что он помер и попытались избавиться от тела в печке. Засунули его туда головой вперед и сами вырубались на половине. А боец-то был еще живой, как потом заявили медики... Мда. Такую хуйню на трезвую голову не всякий маньяк придумает.

— Дверь мне запили!!! — завопил он, так, что у меня аж уши заложило.

И че его так громко слышно-то? Дверь то стальная! А-а-а, вентиляция сверху... Ну и хер с ней.

Так, судя по тому, что эти двое нарезают уже третий по боксу — боковых дверей нигде нет. Прикольнo. Сказав Кабанову чтобы искал оружие, я решил осмотреть бронированную машину. Благо она оказалась незапертой.

— Блин, какое сиденье-то удобное... — вырвалось у меня, когда я уселся за руль и уставился на приборную панель.

Гребанные американцы! Нафига тут столько приборов-то?! Счетчик давления в шланге? А это че, радиационный фон? Индикатор загазованности кабины? Блять, а зажигание-то где?! А, вот же кнопка...

Хоть и говорят, что американский автопром не сильно лучше отечественного, но едва я надавил на кнопку, как мотор «чихнул» и приятно зарычал. Странно, и аккумуляторы заряжены и баки заполнены... А, походу они именно на этой тачке немку с французом встречали. Тогда понятно. Блин, жалко только пулемет с башни скрутили...

— Товарищ лейтенант, вот, это сойдет? — Кабанов остановился возле дверцы, с трудом удерживая в руках какую-то здоровенную, спаренную трубу.

Бля, это же установка для ПТУР'ов! Без прицела, но со станиной. Точно она!

— Там еще ракеты какие валяются... — добавил он и, стиснув зубы от натуги, прислонил установку к машине.

— Ага... — кивнул я, зачарованно глядя на спаренные трубы.

Уж ПТУР'ом-то прапора мы точно достанем! Только вот... Ну не с рук же с нее стрелять?! На земле поставить? А целится как? Тут же расстояние будет, дай бог, метров пять. Он просто шаг сделает и ракета мимо пройдет. Блять и реактивная струя еще... Подлая штука, эта струя. Туповатые боевики себя так сжигали — высовывали ствол РПГ из окон и по танкам стреляли. Танк-то может и выживал, а вот боевик — нет. Ибо реактивная струя в тесном помещении, да еще с рикошетом от потолка... Ух, копченые бородачи! Нет, ПТУР точно не вариант. А жалко.

Покинув водительское сиденье и едва не столкнувшись с Арфой и Пугачевым, которые продолжали носиться по боксу, нервно сжимаясь от криков прапора, я скомандовал им идти за мной. В дальнем углу, как показал капрал, и правда громоздились распечатанные ящики с какими-то ракетами, крупнокалиберными патронами и малокалиберными снарядами. И автоматический гранатомет на земле стоял. Без станины и ленты. Бесплезно.

Ну и че мне делать со всем этим?

Тараканов, по видимому, устал стучать кулаком по воротам и теперь пытался

прорваться внутрь. Отчего стальная плита ходила ходуном, с потолка сыпалась шукагурка, а в центре ворот, начал расти устрашающий бугорок. Где-то с третьего удара сталь наконец подалась и в центре ворот образовалось дыра размером с мою башку.

— А я тебя... Бля... Я тебя вижу! А ну вылезай, блять! Это моя тачка, хули ты ее завел, лейтенант, блять?! — как в каком-то фильме ужасов, прапорщик прильнул к дыре и с интересом разглядывал помещение.

Или без интереса... Я хуй знает, у него шлем! И какого хера он зениткой нас тут всех не порешит? Дал бы от бедра и вся история... А-а-а, машину ему жалко. Вот пидор бережливый!

— Мудила ты грешная... Ну все, моя терпелка того — кончилась... Я тебе сейчас уши-то жужжалкой-то прочищу. — пообещал Тараканов и издал какой-то хлюпающий звук, отходя от дыры.

По-моему он себе в шлем плюнул... Вот же пьянь!

— Т-т-товарищ лейтенант... — заскулила Арфа, отступая подальше от ворот и испуганно прижимаясь ко мне.

Пугачев нервно курил в сторонке и бормотал что-то о том, какие же все кругом уроды и нахер он вообще пошел. Даже Кабанов как-то весь осунулся и побледнел. Да, кажется нам и правда пиздец. Хотя...

Я снова поглядел на раскрытую дверь заведенного броневика. Никогда таких не видел. Похож на «Хамви», но черт его знает... Задавить прапорщика у нас навряд-ли выйдет. Вкорячить станковое оружие в башню — тоже. Уехать? Может и получится... Хотя же тоже носится как умалишенный. Догонит еще.

— Бля, точно! — воскликнул я с силой стукнув себя по лбу покалеченной рукой.

Три пары глаз с надеждой уставились на меня. Типа, «ну давай, говори что придумал!».

— Грузи всю хуйню в багажник! — крикнул я, кидаясь к ящикам с боеприпасами и схватив ракету, засунул ее в открытый кузов джипа.

Остальные, видимо, решили что я немного ебнулся, но спорить не стали. Кабанов принялся за ящики, Пугачев за коробки с патронами, а Арфа, за каким-то хером, подняла магией чемоданчик с инструментами.

— И в кабину тоже! Все засовывайте!

Прапорщик как-то затих снаружи, видимо прикидывая как лучше всего выломать ворота. Но не надолго. Едва мы наполовину закидали грузовое отделение всякой херней, как ворота снова затряслись. Но не от ударов. Тараканов, похоже, нашел за что ухватится и теперь пытался просто поднять их. Механизм был достаточно крепким, но долго он не продержится. Вот же умный пидор! Стоп... А почему снаружи пульта управления нет? Или он его не видит? Или забыл? Или я его разбил? Блять, да какая разница?!

Оторвавшись от погрузки, я снова огляделся в поисках того, что может сойти за детонатор. Динамит там какой или пластическая взрывчатка...

— О! Заебись, сойдет! — крикнул я, хватаясь за ящик с ручными гранатами.

Хрен его знает, что за модель, какая у нее задержка и есть ли вторая. Но это уже и не важно. Трех секунд должно хватить.

Механизм на воротах наконец не выдержал и после громкого треска и скрежета, стальная плита начала подниматься. Время пошло на секунды и быстро выхватив одну из гранат, я ломанулся обратно к месту водителя. В кабине уже было порядком навалено всякой фигни. От малокалиберных гранат, до канистр с чем-то булькающим.

— Та-а-ак... — протянул я, глядя на педали и пытаясь сообразить как бы заставить машину газовать.

Сначала ручник... Нейтралка это или что? А хрен его знает. Че там еще? Тормоз зажать, сцепление выжимаем, газ... Ох епт!

Джип резко рванул вперед и остановился, буксуя на месте. Вот это рев! Это что у него за движок?! Авиационный что ли? Маловероятно, но один хрен. На чем он ездит-то вообще? По запаху — нифига не на бензине и не на соляре. Во пиндосы дают...

Схватив со стола у стены разводной ключ, я положил его на педаль и зафиксировав с помощью гранаты, заставил машину снова буксовать на месте. Стоит только убрать руку с тормоза и она должна рвануть вперед. По идее.

— Назад! Все назад!!! — орал я, пытаясь перекричать рев мотора.

Выждав пару секунд, я наконец выдохнул и отскочил от открытой двери кабины, сжимая в руке предохранительное кольцо гранаты. В момент когда джип рванул вперед, прапорщик наконец смог рывком поднять ворота на высоту вытянутых рук. Но лишь для того, чтобы в следующий момент получить мощный удар бампером по ногам. От тарана, прапорщика закинуло грудью на капот, отчего передние колеса автомобиля закрипели, истошно визжа на бетонном полу. Машина забуксовала, остановившись на месте и я уже хотел испугаться, но джип снова продолжил набирать скорость. Какой бы тяжелой броня не была, но машина все же потяжелее.

Прапор, видимо от испуга, отчаянно цеплялся руками за капот машины, пытаясь удержаться, отчего джип мотало из стороны в сторону. Что происходило дальше, было уже не видно, ибо сломанный механизм на воротах больше не фиксировал стальную плиту, из-за чего та начала быстро опускаться.

Ну, вроде получилось. Я по привычке потянулся к нагрудному карману за сигаретами, но вдруг обнаружил, что все еще сжимаю в руке кольцо. Ох блять!

— Ложись!!! — заорал я во всю глотку, падая на землю и стараясь прижать воротник бушлата как можно ближе к ушам.

Уж я-то помню, насколько громким может быть взрыв. А уж в замкнутом помещении...

Несмотря на то, что электронные часы возле входной двери настигли отметки в семь часов утра, за окном еще продолжался праздник. Не с тем размахом, с которым начался и даже не с тем задором, который успела застать Николь, прибывшая всего несколько часов назад. Но тем не менее, разношерстные компании из людей говорящих на десятках разных языках и оттого плохо понимающих друг-друга, никак не хотела закругляться. Вероятно, виной тому была праздничная речь шефа в которой он, не скупясь в эпитетах и выражениях, всячески нахваливал вклад каждого из сотен людей в «общее дело». Так же, он не преминул упомянуть, что уже с рассветом начинается новая эра и что человечеству больше не придется прятаться в лесной глуши и питаться древними консервами. И далее-далее-далее. Обещаниям не было конца. Во всяком случае, если верить пересказу из уст уже порядком подвыпившего Йохана, с которым Николь имела неудовольствие встретится в раздевалке душевой. То что он оказался там не случайно и искал именно ее, было совершенно очевидно для девушки. Как и цель его «поисков». Впрочем, удовлетворять похоть немолодого Франкфуртца отнюдь не входило в планы Николь и вместо «приятной компании» в его кубрике, блондинка предпочла отправится в штаб.

И сейчас, поглядывая то на часы, то на шефа, Николь так и не знала с чего начать

разговор.

— Я видела у входа Мансура и этого... Не знаю имени, мелкий такой, со сломанным носом. — наконец заговорила она, болтая растворимый кофе в своей кружке.

Бледное лицо командира приобрело насмешливый вид, а изогнутая бровь как бы заявляла: «и что с того?».

— Насколько я помню, они уже раз пять друг-другу морды били. Я понимаю, что вы не сильно разбираетесь в наших взаимоотношениях, но поверьте — ставить араба и еврея вместе в караул — не самая разумная идея.

Шеф ухмыльнулся и придвинулся к столу, на котором были разложены папки с картами, бумагами и досье. Сложив ладони домиком он оперся на них подбородком и заговорил нейтральным тоном:

— Я отлично осведомлен об их взаимоотношениях. Именно поэтому им нужно научиться работать вместе. Несение караула, отличная возможность для налаживания отношения. Вы так не считаете? — стрельнул он красными глазами в блондинку.

— Отношения-то они наладят. Сразу после того как перестреляют друг-друга, конечно. — скрывая свое раздражение от самодовольного вида мужчины, процедила она.

— Ну что вы. Разве я мог допустить подобные эксцессы? Конечно же они несут свою службу будучи безоружными. — на чистом немецком языке ответил шеф.

Этот красноглазый человек, или «почти человек», как называла про него Николь, помимо весьма своеобразной внешности, обладал еще одной странностью. Он говорил на любом языке без всякого намека на акцент. Никто не знал как такое вообще возможно, что лишь придавало его персоне загадочности.

— Безоружный караул? Позвольте спросить, а нахрена он тогда нужен?! Почему бы тогда снеговиков не слепить или пугал каких-нибудь из соломы? Или просто табличку повесить — заходи кто хочет, мы тут все в сопли упились?! — все еще пытаюсь сдерживаться, выпалила блондинка и залпом опустошила свою кружку с кофе.

— Эм... — до этого неопределенное лицо шефа, сейчас приобрело несколько сконфуженные нотки, но он быстро нашелся с ответом. — Полагаю, если приложите некоторые усилия, то увидите, что упустили из виду одну маленькую деталь. — с едва заметным, насмешливым оскалом закончил он.

Выглядело это очень убедительно. На месте девушки, многие бы потупились и начали спешно обдумывать эту самую «деталь». И не найдя ее, но не желая признавать собственную недалекость, заявили бы «да, вы правы, жаль я сразу не заметил» или что-то в этом роде. После чего разговор был бы уже закончен. Такое случалось уже не раз и не два. И, к собственному стыду Николь, с ней такое тоже происходило. Однако не в этот раз. Сейчас она не желала быть задавленной силой авторитета и ореола недосказанности. Ее больше не трогала та зловещая загадочность исходящая от этого странного человека. Только не теперь.

— Полагаю, вы про ту же «деталь», что случилась с той русской?

Шеф едва наклонил голову, словно позволяя ей продолжить.

— Студентка медицинского института. Хорошо говорила по немецки, не ладила с мужчинами и очень тосковала по котлетам... — Николь скрипнула зубами. — Валерия, если помните.

— Да, конечно. — коротко ответил «не совсем человек», ни капли не изменившись в лице.

Девушка сильнее стиснула зубы. Та студентка неплохо сошлась с немкой, насколько это

вообще было возможно в сложившихся обстоятельствах. Но в один момент, она вдруг исчезла. Все говорили, будто бы она собрала вещи и отправилась в лес. Рассказывали, что она очень хотела изучать местных феленидов, их культуру, общество. Что она получила разрешения от шефа и что русская этого давно добивалась. Николь с трудом верила в пересуды, но не видя причин для лжи, все же принимала озвученную версию.

Однако, побывав в Кентервиле и пообщавшись с тем назойливым солдатом, девушка услышала от него одну странную историю. Будто бы с ними в казарме живет одноногая фелисина, которую лейтенант приволок откуда-то из лесной деревни. Где неизвестная ненормальная женщина хирург творила с местными жителями ужасные вещи. Когда напрягшаяся Николь попросила описать ту девушку, солдат лишь пожал плечами и ответил, что сам там не был и знает обо все со слов своего взводного. «Русская блондинка. Большая грудь, длинные ноги и напрочь отбитая сука.» на ломанном английском пересказал солдат устное описания лейтенанта.

— Хватит валять дурака! Ты отлично знаешь что с ней стало! — вспыхнула Николь, с грохотом стукнув кулаком по столу.

Шеф скосил свои красные зрачки на дребезжащую кружку.

— Знаю.

— И?! Это все?!

— А есть что-то еще? — спокойно пожал он плечами.

— Да твою... — девушка цокнула языком и в очередной раз пожалела, что слишком рано бросила курить.

Поначалу, она, как и все, безоговорочно верила этому странному существу. Особенно после того, как он лично вытащил ее из пасти дикого льва с хвостом скорпиона. После чего привел сюда. В их новый дом. Маленький городок, возле старинного военного склада посреди леса. Одинаковые домики из гипсокартона, общие кухни, столовые, бани, душевые и кинотеатр с библиотекой. Куча консервов, воды, одежды и электричества. Оплот цивилизации. Настоящий рай, после недели выживания посреди неизвестного леса. Особенно в компании хлюпика-француза и диких тварей из детских сказок.

Их было чуть чуть больше тысячи. Люди всех возрастов и национальностей. Семь сотен женщин, четыре сотни мужчин и несколько десятков странных ушастых гномиков, именуемых «феленидами». Все они были одинаково серые и одинаково неразговорчивые. Шеф объяснял, что именно эти фелениды помогли ему построить лесной городок, специально к прибытию людей. Этот, странного вида человек, рассказал остальным о причине, по которой они оказались здесь. О большой войне в прошлом, гибели человечества, о инопланетном существе с невероятными способностями. И также не забыл упомянуть про Фелерию. Про славное и спокойное место, где живут миролюбивые гномики. Процветающая страна, с богатыми землями и добрыми и веселыми жителями. Все было хорошо в Фелерии. Кроме одной персоны. Местная королева честно заботилась о своих подданных, защищала их от всех угроз и всеми силами поддерживала мир. Однако, сколь сильно она оберегала своих подданных, столь же жестко она давила любое инакомыслие. Любой технический прогресс, любые политические движения. И с той же ненавистью она относилась к людям.

Мужчина с красными глазами во всех красках рассказал про ту жестокость, с которой королева расправилась с группой африканцев в лесу неподалеку отсюда. Как цинично расстреляла отряд американской морской пехоты, как обошлась с борющимся за права людей подпольем в столице. Как по ее преступной халатности был уничтожен целый

небесный город с тысячами жителей.

И про предателей. Про тех людей, что присягнули королеве. Чьими руками она и орудовала, наводя в стране угодный ей порядок. Не забыл шеф так же упомянуть и о перспективах, которые открылись бы при сотрудничестве людей и феленидов, если бы не эта королева.

Все это не было одной пылкой речью, отнюдь — брошенное слово тут, небольшой рассказ там, объявление по громкоговорителю, минута молчания, несколько видеороликов в кинотеатре, чудом спасенный раненный очевидец — и на голосовании, все кричат «За». Королева должна умереть. Как и предатели. А люди обязаны взять на себя груз ответственности и помочь этим милым гномикам сбросить камень невежества и взобраться на гору прогресса. Из склада извлекаются невиданные образцы оружия. Вчерашние студенты, таксисты, менеджеры и детские воспитатели облачаются в диковинную военную форму. Все в восторге, все аплодируют. Каждый чувствует себя героем летнего блокбастера.

Все просто, все понятно. Но не для Николь. Только не теперь.

Девушка побывала в Кентервиле. Видела принцессу своими глазами. И смотрела на предателей. Она осталась живой и почти нетронутой. Мерзкий русский офицер не отдавал ее на растерзание своим угрюмым оркам, а Рене не допрашивали чекисты в застенках ГУЛАГ'а. Тот, покрытый шрамами мужчина, ограничился лишь тем, что облил их обоих маслом на прощание. Видимо демонстрируя странный русский юмор, о котором упоминал сопровождавший назойливый солдат, с треугольничком на груди.

И королева не промывала мозги своим подданным. Она максимально честно и открыто выступала на праздничной сцене. Каялась в своих ошибках, указывала на просчеты, объясняла как она все исправит и обещала что впредь этого не повторится. И фелениды не ликовали в исступлении, не брызгали слюной от восторга. Они серьезно слушали свою правительницу, глядя на нее с уважением и любовью. В Кентервиле не было ни одного стражника тирана, ни одного сотрудника тайной полиции, ни одного агитатора. Там были лишь гномики, которые доверяли своей высокой и мудрой правительнице.

Правительнице, которая не врала своим подданным.

И сейчас, сидя за столом и глядя в эти загадочные красные глаза, Николь силилась найти хоть один пример лжи шефа. Но его не было. Это необычное существо ни разу не обмануло, ни разу не подделало ни одного факта. Он лишь подавал их нужными порциями, а люди сами нарисовали «правильную» картину в своих головах. Легко и непринужденно. Будто бы шеф сам вложил им нужные мысли. Будто бы залез к ним в головы. Но теперь, девушка наконец вспомнила, что были и другие. Несколько человек, которые не разделяли общего мнения. Те, кто требовал разрешения покинуть городок, чтобы самим провести расследование.

Большинство из них, со временем передумало. Некоторые, как Валерия, все-таки ушли из города. Но некоторые просто исчезли. И никто про них не вспоминал. И это пугало блондинку сильнее всего.

— Ты телепат или типа того? — наугад спросила Николь, стряхивая с себя задумчивость.

Шеф лишь удивленно поднял бровь, но ничего не ответил, так же пряча лицо за ладонями. По всей видимости, он не был способен на ложь.

— Почему-то мне так и показалось... — вздохнула она и хотела спросить что-то еще, как вдруг дверь в штаб распахнулась и в нее влетел огромный сомалиец.

Щелкая языком и активно жестикулируя, он эмоционально обращался к командиру. Николь ни слова не понимала из его речи, а лицо шефа оставалось таким же непроницаемым. Наконец, закончив говорить и получив от мужчины какие-то указания, сомалиец вышел на улицу с задумчивым видом.

— Температурные датчики среагировали в гараже. Пожарная группа уже выслана. Не о чем волноваться. — мужчина снова заговорил на немецком.

Николь взглянула на ряд мониторов, висящий на одной из стен. Некоторые из них вместо изображения выдавали на своих экранах лишь «NO SIGNAL».

— Ой ли? — девушка сложила руки на груди и скептически взглянула на мужчину.

Ее откровенно достала та атмосфера загадочности, которую он сеет вокруг себя. Прямо как какой-то персонаж из фильма или даже тех японских мультиков, что постоянно смотрит Рене.

— Считаешь иначе? — так же невозмутимо ответил шеф.

— Ну-у-у... Конечно... Русский спецназ из Кентервиля, наверняка мирно спит в своих кроватках, обнимая плюшевые игрушки в виде Путина, а пожар на складе, это всего лишь со-о-овпадение. — махнула рукой немка, притворно зевая.

— Лукин был мертв еще до вашей эвакуации из Кентервиля. — отозвался командир и Николь показала, что за его ладонями показалась ухмылка.

Блондинка на секунду уставилась в глаза мужчины, а затем бесцеремонно закинула левую ногу на стол.

— Да, конечно! А портки маслом мне его привидение заляпало! — девушка ткнула пальцем в темное пятно на камуфлированных штанах.

На секунду лицо шефа приобрело растерянный вид, что с удовлетворением отметила Николь.

— Сначала шпион, потом пожар... Если ты говоришь правду... — еле слышно забормотал он, уставившись в глаза блондинки. — Ты говоришь правду. — наконец утвердительно кивнул мужчина и тут же, в одно движение, оказался на ногах.

— А ты долбаный экстрасенс... — буркнула в ответ девушка, нехотя сжимаясь в своем стуле и глядя как шеф быстро приближается к панели с мониторами и включает микрофон.

— Внимание, возможно в районе склада замечена вооруженная группа. Ополчению собраться на площади, остальным рекомендовано разойтись по домам. — громко пробасили динамики по всему городу.

Командир нажал еще на несколько кнопок и сообщение заиклилось, повторяясь каждые несколько секунд. Наконец он снова повернулся к блондинке:

— Ты, кажется, состоишь в ополчении... — с намеком бросил он.

— А ты, кажется, не причастен к смерти Леры? — как можно решительней, в лоб сказала Николь.

Шеф на какое-то время замолчал, внимательно оглядывая мониторы.

— То была трагическая случайность. Я просто пытался помочь ей успокоиться. Хотел избавить от всех этих глупых фобий и объяснить, что покидать город очень опасно... Все оказалось сложнее, чем я думал. Она сошла с ума не из-за этого. — наконец уклончиво ответил он.

— Ага, конечно! Психопат чертов... — сквозь зубы процедила Николь.

Раздраженный блеск в ярко-красных глазах заставил сердце девушки стучать быстрее.

— Оружие можешь взять отсюда. — безэмоционально отрезал шеф, приближаясь к

оружейной стойке и выбирая себе пистолет. — Я отправляюсь на склад... Но сначала зайду кое-куда. — нехотя добавил он, открывая дверь.

— Да катись ты куда хочешь! — плюнула блондинка, не шелохнувшись с места.

Она с трудом боролась с подступающим бешенством. Еще позавчера она спокойно сидела в их с Рене домике и, зевая, смотрела с ним его тупые мультики для умственно отсталых. Она была обычным человеком в обычном месте в совершенно невероятной ситуации, но с великой целью. А сейчас она оказалась всего лишь пешкой в руках какого-то непонятого экстрасенса. Телепата, с манией к нагнетанию таинственности и наполеоновскими планами по построению светлого будущего. Или темного — кто его знает. И еще это непонятное чувство, будто на самом деле главный тут отнюдь не этот красноглазый...

— Достало... Пошли все нахер! Пусть хоть этот однорукий маньяк им всем глаза на жопу натянет... Где там этот долбаный задрот? — заворчала девушка, нехотя поднимаясь с мягкого сиденья и приближаясь к оружейному стенду.

Пусть ей было плевать на шефа так же, как и на большинство людей обитающих в городе. Но уходить, бросая Рене в одиночестве, Николь никак не собиралась.

Глава 16

Первое чувство, что посетило меня, — это нестерпимо соленый привкус крови во рту. Проведя языком по щеке наткнувшись на что-то острое я быстро бросил эту затею. В глазах было совсем темно и я уже испугался, что лишился зрения, но через секунду сообразил, что мне на спину давит что-то тяжелое. Упершись рукой о бетонный пол, я с трудом скинул с себя какой-то гнутый железный лист. Одного взгляда на железку хватило, чтобы понять откуда она. Чертовы ворота...

Я уселся на колени и проморгался, пытаюсь оглядеться. Освещение не работало от слова совсем и если бы не всполохи пламени, которое горело то тут то там, то было бы вообще ничего не видно. Ощупав лицо, я с удивлением обнаружил какой-то посторонний объект. Крякнув от острой боли я удивлением вытащил из щеки кусок металла.

Твою же мать, как мне херово... Еперный театр, что же за пиздец. Ох елки. Если бы я был в компьютерной игре, моя полоска жизни была на нуле. Башка-то как кружится. Ух...

Судя по разрухе, мой план таки удался. Джип, нагруженный по самую жопу всякой херней — таки бабахнул. Да так, что никакие ворота не выдержали. Правда, я надеялся что он успеет доехать до тоннеля, а прапорщик решит что мы убегаем и ломанется за ним... Ох елки, как же херово.

Я с трудом попытался встать, но не удержавшись, снова грохнулся на пол. Кажется, тут лужа моей блевотины... Блин, прямо лицом туда. А это еще что?

Снова усевшись на колени, я удивлением увидел мелкую девчушку, которую, должно быть, прикрывал своим пузом, пока валялся в отключке. Арфа болезненно морщилась, из ушей и носа тонкими струйками текла кровь, а вокруг рта была видна... Тьфу, она еще и меня заблевала! Вот гадина мелкая!

Обернувшись, я увидел сидящего на столе Кабанова, которого самозабвенно рвало себе под ноги и валяющегося мешком Пугачева. Надеюсь он там живой. Я снова попытался встать. Медленно-медленно, борясь с головокружением и упершись рукой о стену. Не с первого раза, но мне все же удалось. Глядя сквозь пролом в воротах, я видел как горят ошметки машины, осколки деревянных столов, резиновые покрышки, ящики. Дым поднимался куда-то к высокому потолку, чтобы затем, бурным водопадом нестись к выходу в тоннель. Это правильно, это хорошо, что потолки такие высокие. А то угорели бы нахрен.

Я хотел присесть на стол и помочь Арфе подняться, как вдруг, краем глаза, заметил какое-то движение в дыму. Я решил что мне показалось и это всего лишь тень от пламени, но движение повторилось. Я снова проморгался и с трудом принялся протискиваться сквозь разнесенные ворота. Снаружи творился полный пиздец. Повсюду были разбросаны части машин, вперемешку с кусками человеческих тел. Под ногами тлела то ли обмотка провода, то ли чьи-то волосы. Епт твою мать. Люди же... Тут же люди были. И их всех вместе с прапором... Ох е-мое.

Наступив на чью-то оторванную, обугленную руку, я испуганно отступил, нервно сглатывая. В голове почему-то возникло изрытое морщинами лицо офицера-воспитателя и из глубин сознания возник далекий, давно позабытый детский страх. Контузило походу. Ну да, а как иначе-то.

Я переступил через руку и прошел несколько метров вперед, огибая чадящую покрышку. Впереди ковылял прапорщик. Вернее, то, что он него осталось. Броня вся покрылась сажей и

копотью и уже ничто не напоминало о былом тусклом поблескивании. Весь доспех был поломан, искорежен и будто вмят сам в себя. Он шел, с трудом переставляя левую ногу с которой текла какая-то жидкость. Кровь вперемешку с маслом, что ли... Даже через муть в глазах, я видел, что каждый шаг дается ему с огромным трудом и болью. Но он был жив! Неубиваемый пидор!

Плохо соображая, я принялся шевелить ногами с удвоенной скоростью, пытаюсь нагнать покалеченного Тараканова. Чем ближе я приближался, тем отчетливее видел, насколько же сильно его приложило. По всему телу болтались какие-то трубки, с которых вытекала бесцветная жижа. Дыра в спине слегка светилась и мигала в темноте. Из нее текла какая-то фигня, капли которой превращались в пар, едва достигали земли.

Это не реактор случаем? А не рванет ли? Вон как светится зловеще...

Я все еще не знал, что буду делать когда догоню бредущего прапорщика. Огрею вот этой валяющейся под ногами трубой или еще чего... Но случай решил иначе. Прапорщик как раз огибал одну из глубоких ям в земле, когда я настиг его. Я что есть силы пнул его в бок, что заставило старика лишь покачнулся. Но и этого оказалось достаточно. Потеряв равновесие, он заскользил по краю ямы и замер, пытаюсь сохранить равновесие. Но то ли не смог, то ли шлем слишком смещал центр тяжести, — едва я пихнул его в спину, он тут же рухнул вниз, как мешок с дерьмом.

Дальше все пошло как-то само собой. Подойдя к куче вырытой земли, я поначалу пытался спихивать ее вниз ботинками, но процесс шел очень должно. Потом в руке, сам собой, оказался кусок то ли стола, то ли капота и процесс пошел быстрее. Под конец я уже просто ползал на карачках, сгребая землю руками и сталкивая ее вниз. Не знаю сколько времени прошло с тех как я начал. Но из транса меня вырвал голос прапорщика. Появившись где-то на грани сознания, он становился все ближе и ближе пока наконец не разорвался в моей голове с жутким звоном. Не знаю, что он говорил. Я ничего не соображал. Лишь быстрее засыпал землю в яму.

И только потом, спустя какое-то время, когда уже сидел на полу и кидал комья земли в уже заполненную яму, когда наконец до меня дошло.

— Бля-я-ять... — выдохнул я, хватаясь руками за голову и пригибаясь к земле.

Вот это меня приложило! Ебанный нассал... Я и не понял, как сильно оглушило даже. Блин, как звенит-то! Ух. Бля, а че я делаю-то? Твою мать, кажись я его живьем зарыл! А он орал, просил остановится. Вот же пиздец!

Когда слух-то вернулся? Я и не заметил что его не было. Вот это да! Я чувствовал как по щеке струится кровь, как сильно болит левая рука, повязка на которой превратилась в кроваво-черное месиво.

— Прикольнo погуляли... Здравствуй жопа-новый-год. — выдохнул я, оглядывая сначала себя, потом окружение.

Дыма становилось все больше и больше, а огонь не давал достаточно света, для осознания полной картины. И это хорошо, ибо того что я видел, хватало на десяток военных трибуналов. Трупы, конечности, куски одежды и обувь... Блять! Сколько же народу я положил?! Е-мое. Еще и прапора живьем закопал! Да что со мной такое?! Лейтенант, ты ебанулся?! Твою же мать.

А ведь если бы грохнул ту пьяную бабу... Может обошлись бы парой аккуратных трупиков. А не этим филиалом ада! Как там говорят? Благими намерениями... Да. Ну и бардак же тут теперь!

— А и ладно. На войне, как на войне. — высморкался я на землю, с трудом вставая на ноги.

В другом конце зала, сквозь дым сновали чью-то силуэты и фонарные лучи подергивались, ощупывая окружение. Заработали переносные огнетушители. Вот блин... Этого еще не хватало. Ладно, раньше надо было думать. Теперь уже поздно. Нехер сопли жевать, идти надо, остальных бодрить. Там еще остался дракон и...

— Красноглазый. — вслух закончил я, глядя на пару красных точек, прыгающих в темноте, позади снующих теней.

Ну все. Теперь точно пиздец. Глядя как силуэты медленно, но верно приближаются ко мне, я уже приготовился получить пулю, но ее отчего-то не было. Даже когда фонарики заскользили по моей физиономии, заставляя истошно жмуриться. Даже когда чьи-то руки принялись похлопывать меня по бокам.

Я снова открыл глаза. Передо мной было женское лицо в респираторе. Не переставая меня ощупывать, она что-то лепетала на непонятном языке. Потом перешла на английский. Не дождавшись от меня ответа, она наконец увидела то, что осталось от моей левой руки и обернулась, чтобы крикнуть остальным. Она не узнала меня. Решила, что это кто-то из ее товарищей чудом пережил катастрофу. Ну да, я же весь в крови, дерьме и копоти. Тут даже не поймешь, что у меня за одежда.

Остальные продолжали работать огнетушителями, застилая помещение снежно белым паром. Сквозь который приближался этот гребанный мультяшный урод вместе с каким-то огромным мужиком. Мне почему-то показалось, что это негр. Пользуясь тем, что девушка продолжает что-то говорить, не глядя на меня, я незаметно положил правую руку на кобуру — Кольт был на месте.

Огромный черный мужик держал в руках нечто, похожее на автомат, только очень большой. У самого красноглазого я оружия пока не видел. Есть ли оно у этой бабы? Хрен знает, темно, не вижу. Сколько здесь еще людей снует? Понятия не имею. Трое вроде, если по огнетушителям судить. Отличный расклад, ничего не скажешь.

Но не успел я ничего придумать, как красноглазик подошел совсем близко и вдруг остановился. Замер гораздо дальше, чем нужно было, чтобы меня осмотреть. Я вдруг почувствовал что меня как будто трогают. Нечто склизкое как бы скреблось где-то внутри. То ли в голове, то ли в груди, хер пойми. Шум еще какой-то...

Сердце предательски сжалось. Лицо офицера-воспитателя всплывало то тут то там, на фоне пронсящих воспоминаний. Ревущая подо мной и отчаянно шмыгающая разбитым носом Лисси. Розоволосая девчушка, горестно вздыхающая над барабаном, мелкая котейка, рыдающая над «кирпичом». Негры, морпехи, серые коты, подвал в лесу, Лера и Шепилов.

Последний стоял в сушилке и весело трепался с Замуруевым о предстоящем полевом выходе. Пацанам в пиксельных кителях, накинутых на голые плечи не терпелось заполучить автоматы с полным боекомплектom. Они все спорили, поедем ли мы на «мотолыгах» или пойдем пешком. Мечтали о деревеньке или речушке, что окажется неподалеку. О магазине с выпивкой да шоколадками или стройных девчушках, копающих картошку в поле...

Чувство глубокой досады, вины, и жалости к погибшим мальчишкам перехватило дыхание. Мне вдруг резко захотелось грохнуться на колени и неистово просить окружающих о прощении. Молить о шансе на искупление, о возможности все исправить...

Не в силах выдержать обвинительный взгляд алых глаз, я зажмурился и походя смахнул выступившие слезы. В нос ударил резкий противный запах. Правая рука была измазана в

дерьме. В очень вонючем дерьме... Я недоуменно уставился на свою грязную руку — какого черта мне вдруг о «прощении» молить захотелось?

Блять, да этот пидор мне в башку залез!!!

От этой мысли мне стало так страшно, что я мигом выхватил Кольт и без колебаний выстрелил несколько раз в две красные точки в дыму. Шум идущий изнутри тут же замолк, уступая место жуткому звону в ушах и усиливавшемуся головокружению. Громко-то как!

Девушка, все еще держащаяся за мою левую руку, испуганно пригibasась, не понимая что происходит, а уже смещал ствол на второй силуэт. Снова выстрел. Тряхнув головой и моргнув, я понял, что больше не вижу никаких силуэтов. Попал? Вроде да.

Давление на левой руке ослабло и я понял, что девчонка вышла из протрации. В сполохах еще не потушенного пламени, я видел как она испуганно уставилась мне в лицо. Не знаю, есть ли у нее оружие или нет, но игнорировать слишком опасно. Впрочем, стрелять тоже не хочу.

Она была невысокого роста, так что мне не составило труда со всей силы пнуть ее между ног и, едва она согнется, огреть рукояткой по затылку. Минутку-другую должна провалиться. Поплакать там, пострадать от боли, покашлять и всякое такое. Хотя, мог бы ее как живой щит взять... Жестоко, конечно, но альтернатива еще хуже. Ладно, уже поздно. Не поднимать же ее? Одна рука, все-таки...

По мне скользнули фонариком, потом в глаза засветил какой-то зеленый луч. Рефлексы опередили сознание и я как можно быстрее грохнулся на пол, утыкаясь в задницу болезненно стонущей девки. Блин, как мягко-то! А вроде в джинсах...

В следующий момент я мигом позабыл и про задницы и про джинсы. Забыл как зовут и сколько у меня должно быть звезд на погоне. В стороне нечто громыхнуло с такой силой, что почувствовал как сознание покидает тело. И лишь на одной силе воли, я удерживаю его где-то на грани. Спустя какое-то время, я снова смог соображать. В ушах звенело и нихрена не было слышно, а голова уже привычно ходила ходуном. Короче, все как обычно.

Проморгавшись и поднявшись с затихшей девушки, я развернулся туда, откуда светил фонарь. Луч света застыл на месте, освещая дым чуть в стороне за моей спиной. Подходя ближе, я снова заметил странный зеленый луч, пробивающийся вверх сквозь дым и пляшущий на потолке. Лишь когда я доковылял к лежащему на земле фонарю, я увидел пару людей в противогазах. Один согнулся в три погибели и блевал прямо в маску, тщетно пытаясь развязать ремешки на затылке. Второй же сидел на коленях, опираясь руками о внушительного вида дробовик с присобаченным лазерным целеуказателем. Я такие только в кино видел, елки-палки.

Глядя на качающегося на коленях парня с ружьем, я пожал плечами:

— Ну, а хули ты хотел, в закрытом помещении из дробовика долбить...

Я убрал пистолет в кобуру и без труда вырвал диковинное оружие из рук мужчины. После чего он незамедлительно огрел прикладом по затылку, а его товарищ со слабым желудком, прямо по морде. Аж противогаз слетел! Ну, хоть не захлебнется теперь.

— Ты бы еще гаубицу приволок, долбоеб. — добавил я, не слыша своего голоса и вышвыривая ружье куда-то во тьму.

Так, сколько их там еще... Один как минимум?

Едва я вспомнил про остальных, как вокруг меня заплясали зеленые лучи. Бля, надеюсь дробовиков больше не будет. А то я точно копыта отброшу. Лазерные указатели ощупывали пространство вокруг меня, изредка задевая мою грудь. Вот же дебилы, а? Нахрена им ЛЦУ?

В игрушки переиграли или кина насмотрелись? Хотя, какая разница...

Снова выхватив пистолет из кобуры, я согнулся и быстро отбежал в сторону. Огибая все еще тлеющий остов легковушки, я примерно оценил с какой стороны целятся. Едва не споткнувшись о кусок чьего-то туловища без головы и ног, оказался прямо позади еще двоих людей. Причем, обе были бабами. Одна нервно обшаривала пистолетом застланную тьму перед собой, а вторая, отвернувшись, шарила рукой по полу, что-то выискивая.

«Искательница» получила первой, после чего тут же «отъехала» на землю не подавая признаков жизни. Блин, я ее не убил случайно?! Все-таки берцем в висок получить, да с такой дури... Пока я испуганно глядел на обмякшую женщину, та что с пистолетом, видимо заметила возню и тут же обернулась в мою сторону, немедленно наводя пистолет мне в область таза.

Времени на сближение уже не оставалось. А дотянуться я не мог. Я даже не успел увидеть ее лица, а оно уже превратилось в кровавое месиво из кожи и осколков противогАЗа. Не теряя времени зря, я быстро перезарядил пистолет, отшвыривая пустой магазин в сторону. Борясь подступающей тошнотой и звоном в ушах, я опасно покрутил головой по сторонам. Не обнаружив больше никаких зеленых лучей или дергающихся фонарей, я убрал Кольт в кобуру и быстро приблизился к трупу девушки, вырывая из ее рук пистолет.

Незнакомая модель, конечно, ну да ладно. Главное лазерный целеуказатель отключить и сойдет. Я нагнулся еще раз, но на этот раз к первой женщине. Пощупав шею, я все же ощутил какое-то подобие пульса и уже собирался встать обратно. Но любопытство пересилило и я положил пистолет за пазуху, дабы посмотреть, что же она искала на земле.

— О! Сойдет! — кивнул я, еле слыша свой голос и щелкая выключателем на внушительного вида фонаре.

Теперь можно и своих проверить.

Правда, не успел я разогнуться, как тут же огреб по хребту чем-то тяжелым. Воздух из легких тут же испарился и я больно приложился носом о землю, тщетно пытаюсь вздохнуть. Не успел опомниться, как на меня навалилась какая-то туша и принялась дергать за кобуру на поясе.

Вот сука, а?! Моим же стволом хочет!

Рыча и извиваясь ужом, я тщетно пытаюсь скинуть с себя противника, попутно закрывая правой рукой доступ к пистолету. Получалось хреново. Враг явно был не из слабаков и пресекал все мои попытки сопротивления на корню. Но жить захочешь — не так раскорячишься. До треска в ребрах, я извернулся чтобы переместить корпус в сторону и что есть силы ткнуть левой культией за спину. Судя по острой, до тени в глазах, боли, — попал.

— Блять, прям в нос! Больно же, сука! — раздался позади еле слышный, сквозь звон в ушах, голос.

Стоп... Что-то голос знакомый.

— Кабанов, овощ тупорылый, это я!!! — заорал я в пол что есть силы забирая за щеки полные горсти земли.

Рука, до этого пытавшаяся вырвать кобуру вместе с поясом, тут же ослабла, я крушащее ребра давление ослабло.

— Ох блин, виноват, товарищ лейтенант... Извините, я щас! — принялся тараторить здоровяк, пытаюсь аккуратно подняться с меня.

Получалось не очень, и пару раз этот урод все же задел мои бедные почки своими коленями. Когда меня наконец, в две пары рук, подняли на ноги, первое что я сделал, это как

следует влупил пощечину первой попавшейся морде.

— А меня-то за что... — обиженно проскулил Пугачев, потирая челюсть.

— Было бы за что, вообще бы убил! — отмахнулся я:

— Арфа где?! А, вижу. — кивнул я, хреново выглядящей малявке, стоящей позади меня.

Ее милая бледная челка смешалась с копотью, отчего девчушка походила на стопроцентную брюнетку, но между ушами все так же покоилась ярко белая искра, освещающая окружающую тьму, словно прожектор. Левое ухо бедолаги было заметно оборвано.

Не тратя время разговоры, я скомандовал всем идти за мной и пошел обратно к тому месту, где последний раз видел красноглазика. С Арфиным освещением это было на порядок проще. Девушка в респираторе корчилась на полу, вызывая на себя жалостливые взгляды бойцов и неодобрительное хмыканье на меня. Пройдя дальше, я остановился, отмахиваясь от вездесущего дыма и присел, внимательно разглядывая трупы.

Наглухо, вроде бы. А негр-то какой здоровый! Больше Кабанова даже. Вот тебе раз. Это что он в Африке такое жрал? Хотя, почему Африка-то сразу... Хер с ним.

— Это тот самый, да? — хмыкнула Арфа, со смесью страха и интереса осматривая труп красноглазого.

Он поймал головой две пули. Одну в глаз, другую в верхнюю часть лба. Зрелище было довольно жутким, если по правде. Ибо вместо крови и мозга взгляду представала какая-то неестественно бледная жидкость.

— Блин, да его в аниме видел, этож этот... Как его... Блять, с каких-то там дней, кажись. Студенческих, что ли... Хентай, короче. — проговорил Пугачев и вдруг смущенно замолк, решив, что сболтнул лишнего.

Нихера не понял. Ну и ладно.

— А он точно мертвый? — донесся вопрос Кабанова.

Поднявшись обратно на ноги и достав из кармана рядового сигарету, я пожал плечами:

— Хрен его знает. Но притворяться мертвым с пулей в башке, это тоже самое что притворятся натуралом с хуем в жопе. Понял? — добавил я, чиркая зажигалкой.

А пистолет-то где? А, вот он, к португее провалился. Блин, тупой Кабанов. А если бы себе хер отстрелил? Стоп, какого хера мы тут толпимся-то?!

Курить посреди догорающего пожара — такая себе идея. Но что поделать. Руки уже трясутся. Еще и болит все...

Едва я об этом подумал, как почувствовал, что буквально каждая частичка моего тела буквально вопит о страданиях. Я чуть не упал, покачнувшись и оперевшись на плечо Пугачева. Промедола что ли вкатить? Не, рано. А то поплыву и тогда точно кирдык. Хрен его знает, сколько еще здесь всяких...

Дым уже потихоньку рассеивался и уже не так сильно мешал обзору. Мы стояли лицом к гаражу и вдруг сбоку от нас промелькнул луч света. Сначала один, затем второй, третий... Затем донесся топот ботинок по бетону и, кажется, позвякивание металла. Как будто автоматный ремень о цевье бьется.

Быстро осматривая помещение еще до всех этих взрывов крови и убийств, я мельком заметил что кусок одной из стен, возле боксов, покрыт металлом. И сейчас я понял зачем. Это была поднимающаяся дверь, похожая на те, что были на боксах. Не такая массивная правда и, без пультов на стене, но все же. За этой дверью начинался узкий коридор, по которому, судя по моему возвращающемуся слуху, ломилась целая толпа.

Выругавшись, я кинулся к проему и прижался спиной холодному бетону.

— Где автомат?! — крикнул я вжавшемуся в стену Пугачеву, на что тот испуганно дернулся и кивнул на Кабанова.

— Куда!? Стоять! С трупов подбирайте!!! — снова заорал я на метнувшегося было капрала.

Заметив как на дальней стене, сквозь дым, пробился первый зеленый луч, я вздохнул. Хорошо, конечно, что они такие же идиоты. Но плохо что все-таки вооружены. Ну и хер с ним...

Высунувшись из-за стены, я быстро сделал несколько выстрелов и тут же скрылся обратно, даже не осознав, увиденного. Хм, а стреляет куда как тише чем Кольт! Ну надо же, даже уши не заложило... И гильз не было. Я удивленно повертел пистолет в руках, но так и не обнаружил окошка экстрактора. Чудеса техники, мать их. На гильзах экономят, капиталисты проклятые! Ну или кто их собирал, пистолеты эти...

От созерцания оружия, меня отвлекли чьи-то отчаянные вопли из коридора. Походу дела я попал. Ну и хорошо. Хрен они к нам сунутся. В таком проходе, мы даже пистолетом целую роту удержим... Коридорчик короткий, узкий. За ним вроде еще какое-то помещение видел. Нормально, держимся. Стоп, а гранаты? Гранаты же существуют! Сука!!!

Я аж чувствовал как сердце начало бешено колотится, а зрачки расширились от осознания нашего положения. Им же просто пару гранат из-за угла швырнуть и все, пиздец. Будь они хоть трижды гражданскими, но фильмы-то смотрели! Так, ладно, без паники. Без паники я сказал!

Быстро сунув за угол, я сделал еще несколько выстрелов, на что в ответ тут же получил несколько очередей. Некоторые прошли так близко, что я ощутил тепло на пальцах. Ну все, они уже догадались лупить, как и я, из-за угла. Сейчас про гранаты вспомнят. Самоучки долбанные!

Стоп! Магия же!

— Арфа! Барьер давай! — крикнул я стоящей рядом малявке, неуверенно сжимающей в руках пистолет.

Та удивленно посмотрела на меня, нифига не понимая что он нее хотят.

— Как Селедка! Ну, давай щит колдуй!

— Да я же не принцесса! Не могу пулю остановить! Камень — максимум! — с обиженными нотками в голосе, прокричала она.

— Да похую! Колдуй сказал! — прохрипел я, повышая голос, чтобы перекрыть новую очередь.

Камень это именно то что нужно, как ты не поймешь-то... Блин, что-то опять в глазах темнеет. И дышать нечем. Что за... А! Сигарета еще в зубах! Да чтож такое!

Арфа испуганно поджала уши, от очередной очереди и с силой затрясла головой:

— Не могу я! Я видеть должна, где ставить, а там... Там... — истерично повторяла она, сжимаясь от каждого нового выстрела.

Стреляют там. Что, стремно оно? А офицеров к извращениям склонять не стремно было?! Блин! Я просто чувствую что уже вот-вот гранаты полетят. Еще чуть-чуть и пиздец...

В стену напротив меня впечатался Кабанов, сжимая здоровенный автомат отнятый, вроде у негра. Пугачев же подбежал с моей стороны, держа в руках увесистый...

— Еще один долбоеб... — плюнул я, заметив дробовик в руках бойца.

Выбив оружие из рук солдата, я сунул ему свой пистолет, а сам достал Кольт из кобуры. Он непонимающе уставился на меня, но ничего не сказал.

— На счет три огонь на подавление! А ты колдуешь! — сказал я.

Арфа испуганно замотала головой. Я фыркнул и нагнулся к ней:

— Колдуешь, слышишь! Я тебя прикрою! За моей спиной будешь! Только попробуй подвести, мать твою... — с нажимом добавил я, не тратя время на сентиментальности.

И в этот момент я понял, что стрельба стихла. Очередей уже пару секунд не слышно. Чувствуя как дрожат колени, я прижался лбом к холодному бетону и, буквально одним глазком, посмотрел в коридор.

Он совсем короткий, метров десять. Два тела на полу, один шевелится, другой неподвижен. В конце освещенное помещение. В нем, по углам прячутся люди. Возле правого угла, на земле лежит автомат. Какие-то голоса. Че-то не по русски — «Айнц, цвай...» Что это значит? Ебать!!!

— Три! — заорал я во всю глотку и выскочил в полный рост в коридор, садя в белый свет, как в копеечку.

Кабанов высунулся первым, за ним Пугачев. Всполохи оружейного пламени, запах пороха, звон в ушах. Трясущиеся колени и острая боль где-то в животе и, кажется, давление в груди. Я даже не замечал, стреляют ли по нам в ответ, продолжая что есть сил давить на спуск снова и снова. А вот и они! Одна, вторая, третья и еще целую связку швырнули! Щедрые гады! Совсем гранат не жалеют.

Гранаты проделали уже полпути по коридору, как вдруг впечатались в невидимый барьер и, не теряя скорости понеслись обратно. Все-таки не подвела. Не подкачала ушастая овца! Обожаю эту дуру хвостатую!

Вспышки дыма в помещении, замигавший свет и страшный грохот.

Я не понял как оказался на земле. То ли сам упал, то ли хрен знает. В ушах стоял противный писк. Я вспомнил, что так умирают какие-то нервы в мозгу. Что означает, что на этой частоте я уже никогда ничего не услышу. Мне показалось это смешным, но вместо смеха я отчего-то закашлялся. Какая-то вода на губах? Что за фигня?

Утерев губы рукой и поднеся руку к глазам, я увидел кровь. Меня подстрелили что ли? Или осколки? А где все? А, вижу. Кабанов что кивает Лисину... Нет, это Пугачев. Да, он что-то говорит и тычет пальцем мне в живот. Ой, фонарем-то по глазам зачем? Арфа? Что это у нее глаза светятся? Ничего не понимаю. Спать хочу, блин. Устал уже.

Блять, дракон же еще...

— Да епт вашу мать... — прокряхтел я, с трудом преодолевая бессилие и принимая сидячее положение.

Голос отозвался только в правом ухе. И то очень тихо. Пройдет? А хрен знает.

— Лежи! Лежи! Тебе нельзя! — кричала на меня Арфа, пока я, хватаясь за штанину Кабанова, пытался подняться.

Наконец рыжий увалень сообразил и помог мне, подхватив за подмышки.

— А че китель-то порван... — буркнул я, ни хрена не соображая, пока не заметил на полу коробку промедола.

Точно, меня же ранили. Я же кричал. Ох, совсем смутно все. Сколько мне вкололи? Три?! Да вы ебанулись... А не, одну. Две просто упали. Или нет? Надо идти. Надо что-то делать.

Не обращая внимания на остальных, я, ковыляя, поплелся вперед к мигающему свету и разорванным трупам. Аккуратно перешагивая через тела, я все же запнулся и грохнулся прямо на бездыханную грудь какой-то женщины. Ее лицо было на удивление гладким и даже симпатичным, если бы не рваное отверстие в виске толщиной с кулак. Я попытался снова подняться, но вдруг заметил темно-зеленую сумку, притороченную к боку следующего трупа. Тисненый крест на ней, явно намекал на медицинскую принадлежность. Подтянувшись поближе, я с третьего раза открыл аптечку и начал изучать содержимое. Все на английском, ничего не понятно. Что я ищу-то вообще? Не знаю. А, понял. Эпинефрин! Двести мили-чего-то там. По-моему надо шестьсот. Три ампулы значит. Где шприц-то? А, тут такой пистолетик есть. Прикольнo. Так, сюда вставил. Круто. Куда колоть? В мышцы или в вены... Не помню. Сердце? В каком-то кино было. Нет, в сердце страшно. Давай две в вены и две в мышцы. В крайнем случае просто помру. Хотя не, давай по одной пока.

Вмазавшись двумя ампулами я бросил пистолет и перевернулся на спину. На меня с ужасом и непониманием смотрели три пары глаз. Что-то говорили, но я опять ничего не слышал. Сильно хотелось курить, но глаза как-то сами собой закрывались. Я подумал, что поспать было бы неплохо... Стучит что-то. Сильнее и сильнее. Как-то странно.

— Ох епт!!!

Сердце так и норовило выпрыгнуть из груди. Шум в башке, туннельное зрение в глазах и сковывающая боль где в животе.

— Да что ты творишь, идиот?! — крикнула Арфа мне в лицо, на что я только отпихнул ее левой культей и поднялся на ноги упершись рукой в стену.

— Вы хули творите? Кто на промедол... Команду... Блять, нахуй идите, дебилы. — кашлял я, стараясь дышать не сильно глубоко.

Как вставило-то! Ух! Всегда бы так было. Башка правда ватная и слышу плохо, ну да пофиг.

Что тут за комната-то? Стеллажи аж до потолка. Погрузчик электрический стоит. Склад что ли? А, ну точно! Продуктовый. Вон, консервы какие-то огромные, мешки, коробки. Да, точно склад. Хера у них тут жратвы!

— Кровь сначала останавливать надо, а не промедолом тыкать. Или разом все, не помню. — отмахнулся я от наступавшей малявки и обступивших бойцов.

— Мы уже остановили кровотечение, мудак ты тупой! Какого хера ты встал! Ты же еле живой! — все никак не успокаивалась она.

Еще и словечек нахваталась... погоди, остановили? Я взглянул на свой живот и потыкал в него пальцем. Больно конечно, но вроде ничего не подтекает.

— Ну, спасибо тогда. — кивнул я и жестом попросил у Пугачева сигарету.

— Всегда пожалуйста. — раздался откуда-то новый голос.

Повернув голову, я увидел Солярку с парой стражников по бокам. Она все так же щеголяла в рубашке с брюками под моим бушлатом. Вид внушительной груди зажатой в темно-зеленый пиксель подействовал на меня как-то странно. По-любому побочка от

эпинефрина.

Королевна глядела на меня широко раскрытыми глазами, а в голосе, несмотря на очевидный сарказм, слышалась озабоченность.

— О, явилась, жопа карамельная... — буркнул я, снова поворачиваясь к своим.

И где ее, блин, носило. Нас тут уже сто раз чуть не убили.

— Не, товарищ лейтенант, ну вы, блять, даете, конечно... — со смешком заявил рядовой доставая пачку из кармана. — Мы думали вы уже все, отъехали нахрен. Две пули и осколки еще. А вам хоть бы хуй... — пожал он плечами, держа зажигалку возле моего лица.

Две пули? Хера себе. И правда, как я еще жив-то? И на ногах стою, хоть и шатает? Магия? Хм... Да нет, не только. Помнится, после первой пули я неделю в отключке лежал. Привык уже, что ли? Кстати, вполне может быть. Бабы-то к кровотечениям больше устойчивы, чем мужики. Хули, месячные же постоянно. Что там Пугачев говорил? А, точно.

— Та это серебряные пули были. Они только против вампиров работают. — вяло отбрехался я, затягиваясь табачным дымом.

Блин, как сердце-то колотится! Ужасно себя чувствую, конечно. Но идти могу! Правда куда и зачем... Не знаю.

— Если вы не против, я бы хотела переговорить с вашим лейтенантом с глазу на глаз. — снова донесся голос принцессы.

Арфа что-то резко ей ответила. Завязалась словесная перепалка и итоге ее увел то ли Кабанов, то ли Пугачев. Не разобрал. В глазах все плыло, а башка ничего не соображала. Сил хватало только на то чтобы удерживать вертикальное положение и изредка затягиваться сигаретой.

Из прострации меня вывела физиономия Солярки. Она образовалась где-то на границе зрения стремительно приближаясь. Не успел я ничего понять, как она уперлась губами в мой рот. Я попытался отпрянуть, но женщина лишь сильнее придвинулась. Нашла время лобзаться, дура ушастая! Хотя, погоди-ка...

— Какого... Ух, е-е-е... Это че было?! — трясая головой, спросил я, когда Селедка отпрянула.

Боль заметно притихла, как и шум в голове. Да и вообще как-то нормально стало. Ни вялости, ни тупости. Даже сердце успокоилось.

— Блин, ну спасибо еще раз! — радостно заявил я, разминая затекшие мышцы.

Вот что магия животворящая делает! Клевая она штука, все-таки.

— У всего есть побочные э-э-э... Эффекты... Ох, мама... — закачалась принцесса, топчась прямо на трупах недавно убитых людей.

Что это с ней?

— А, это типа ты на себя мое недомогание взяла? Ну, извини. На вот, обопрись... Блин, тяжелая! — крикнул я, поддерживая Селедку руками.

— Нет, я про другие побочные эффекты. Но ты можешь продолжать. — подмигнула она мне и стрельнула глазами куда-то вниз.

Это она ко мне подкатывает? Стоя на трупах? Да она вообще что ли... Я проследил направление ее взгляда и охнул. Мои штаны были мокрые. И отнюдь не от крови. И сзади тоже...

— Да нахуй твои эффекты! Я же обосрался! Твою-то мать... — запричитал я, отпрянув от женщины и осматривая свои портки.

— Теперь ты понимаешь, почему я попросила всех выйти. — хмыкнула она,

облокачиваясь о стену.

— И че мне теперь, обосранным в атаку идти?!

— Ну... Можешь воспользоваться трофеями. — принцесса ткнула пальцем в сторону наиболее уцелевшего тела.

Я секунду просто пялился ей в глаза, пытаюсь понять шутит она или нет. Но королева лишь отвернулась, прикрыв глаза. То ли чтобы я не стеснялся, то ей просто дурно стало. Блин, мне правда придется это делать? С ума сойти можно!

Раздевшись и как следует отерев причинные места штаниной, я, кое как стянул камуфлированные брюки с какого-то мужика. По размеру чуть больше моих, но ремень уже вдет, так что не страшно. Я хотел было перевесить кобуру, но вспомнил, что патронов к Кольту больше не осталось. Поэтому просто подобрал с пола чей-то пистолет и убедившись, что он полностью заряжен, сунул его в карман.

Дожил, блин. Портки с трупов снимаю! Когда же это все закончится...

— Я подсматривала, если тебе интересно. — наконец заговорила принцесса, отлипая от стены и трясая головой.

— Да мне похуй... — буркнул я, шаря по карманам своих новых штанов.

О! Кэмел! Ништяк! И зажигалка! Блин, газовая.... Ну да ладно. Закурив, я молча кивнул принцессе, мол, «дальше че делать будем»?

А сам думал о том, как же все так выходит. Ведь буквально стоим на трупах, а еще шутки шутим. Как так-то? Может мы монстры какие-то? Может это они хорошие, а мы плохие? Или вообще хороших нет? А может так и надо? Может так человеческая психика устроена? Может-может-может... На войне как на войне. Чему удивляться? Что уж теперь. Говорю же, трибунал по мне плачет.

План Селедки разнообразием не блистал. Идти вперед и гасить или разоружать всех кого найдем. Благо с ней два батальона стражи. Что королевской, что ночной. Собственно, это я понял бы и без нее. Ибо когда мы вернулись в гараж к остальным, первое, на что я обратил внимание — напряжение Арфы, которая недовольно смотрела на кого-то вдалеке. Дым уже рассеялся, а пожары стихли. То ли само собой, то ли магией помогли. Вдоль стен висели яркие шарики пламени, ярко освещая зал в котором толпилось не меньше сотни лилипутов в доспехах. Фольгу свою золоченую они надели, а вот палок в руки взять — не догадались. Блин, я же видел в их музеях мечи! Какого черта они вечно безоружные ходят?!

Ушастые «вояки» воротили носы и о чем-то переговаривались меж собой, безгласно посматривая на разбросанные по полу человеческие «запчасти». А, еще и лилипутские. Вон, чей-то серый хвост со стола свисает. Ну точно, я же видел на камерах каких-то котов...

А! Так вот чего Арфа такая злобная сейчас. Вон же, Сивира стоит! С каким-то доходным котиком базарит. Впрочем, да и хер с ней.

Солерия, казалось, не обращала никакого внимания на окружающий бардак. Она вышла вперед, пару раз кашлянула, привлекая внимание всех собравшихся и приказала какому-то первому отряду следовать за ней.

— Собственно... Мы сразу после вас. С отрывом в полминуты. Ну, если ничего не случится, конечно. — с бодрой усмешкой добавила она, обращаясь уже ко мне.

Поглядев на своих бойцов я только сейчас заметил, насколько хреново они выглядят. В крови, грязи, копоты. Ужас. Даже Арфа вся покоцанная. Ухо ободрало, китель порван, а штанина вся красная от крови. Жуть.

Я попытался сказать ей, чтобы она осталось здесь, вместе с оставшимися стражниками.

На что получил лишь взгляд, полный злобы и негодования.

— Да пошел ты!

— Ну как хочешь... — смущенно хмыкнул я, не найдя в себе аргументов настаивать.

Когда я уже скомандовал бойцам двигаться за собой и развернулся к коридору, то увидел как Сивира еле заметно мне кивнул. Чуть задержавшись на месте, я неуверенно взмахнул покалеченной рукой. Из-за чего тут же получил кулаком по жопе и злобное шипение, требующее, чтобы я не задерживался.

— Если я хоть один раз увижу тебя вместе с этой... — снова зашипела Арфа, едва мы оказались в помещении с трупами.

— Иди в жопу, а?! Нашла, блять, время! Хочешь замуж? Ладно, хуй с тобой! Только, блять, будь серьезнее! Мы тут на покойниках отношения выясняем! — выпалил, еле сдерживаясь, чтобы не отвесить малявке командирского леща.

Нет, правда, какого черта?!

Арфа смущенно ступевалась, обильно краснея и уже открыв рот, чтобы что-то сказать, но вдруг сморщилась.

— Это разве не ваши штаны? — брезгливо зажимая нос пальцами, спросила она, кивая в пол.

— Идем не задерживаемся! — скомандовал я, чувствуя как сам начинаю краснеть.

Пока мы проходили через стеллажи, Кабанов не удержался и залез в одну из коробок:

— Че это? Р-а-д-и-а-т-е-д... — по буквам прочитал он этикетку на английском. — А, облученные продукты! Нам про такие в институте рассказывали. — воскликнул он, немедленно засовывая пакет в набедренный карман.

— Че? Кто будет облученные жрать? Херню несешь. — вяло отозвался Пугачев.

Этот говнюк все-таки дорвался до того дробовика. А я и не заметил... И почему всех идиотов в мире так привлекают дробовики? Нет, серьезно?!

— Та не, это нормальная жратва. Ее типа облучают радиацией всякой, запаковывают и она не портится. Только это теория была. По настоящему их вроде не делали... — задумчиво протянул здоровяк, недоверчиво оглядывая коробки на стеллажах.

— Да хорош гнать, в институте он учился... — отмахнулся рядовой.

Кабанов хотел было обидеться, но не успел. Я поднял вверх здоровую руку, в которой сжимал пистолет и указал вперед.

— Тихо! Пугачев — влево, Кабанов вправо, ты за мной! — кивнул я Арфе и подождал, пока бойцы займут положение возле очередной вертикальной двери.

Обернувшись, я заметил как позади нас, в начале склада на месте остановилась Солерия, ведущая за собой кучу стражников. Толку с них, конечно. И чего это нас вперед отправили... Еще затошнило опять.

— Приготовится. — сказал я, убирая пистолет обратно в карман и приближаясь к двери и берясь за поручень внизу.

Ну вот, опять! Стоило нагнуться и башка закружилась. Селедка меня точно вылечила? Что-то не похоже. Сердце что-то еще... Ай, пофигу! Я напрягся и дверь довольно легко пошла вверх, открывая передо мной картину ночного города.

Я даже проморгался от неожиданности. Но наваждение не прошло. За дверью и правда расположился небольшой городок. Или деревня, хрен разберешь. Но выглядела довольно уютно. Чем-то напоминало наш военный городок. Разве что, этот был расположен на равнине, а не склоне очередной сопки, которых на Сахалине — как тараканов в голове у

Арфы. Нет, серьезно! На том чертовом острове вообще ровных мест не было! Ну, не считая нашего плаца, конечно...

В общем, неплохой городок они себе тут построили. Домики все однотипные, но так даже привычнее. Электричество горит, тротуары проложены — лепота! Если бы не баррикада не двадцати метрах от меня.

— Вот же блин... — буркнул я, с досадой отмечая, что так залюбовался видом лесного городка, что даже не заметил что тут оборону подготовили.

Посреди главной улицы красовались в спешке организованные укрепления. Электрический погрузчик, бочки, мешки с крупой и столы с креслами. Ну точно фильмов насмотрелись! Будто сраный диван — пулю остановит! Впрочем, стволов у них уж больно много... За баррикадами толпилось не меньше сотни гражданских, вооруженных кто чем горазд.

Правда, в меня никто не стрелял. Да и в других тоже. Удивленно приглядевшись, я заметил что они на нас вообще внимания не обращают. Тупо пялятся куда-то вверх.

— Вот блять! — снова воскликнул я, обнаружив, что прямо над моей башкой свисает огромная голова рептилии.

Теперь понятно, куда эти придурки со стволами тарацились! Нашел где прятаться, горыныч обосранный!

— Сам такой... — нехотя проворчал дракон и извиваясь словно змея, сполз с холма, заняв пустырь между мной и баррикадой.

— Нихуя он здоровый... Слышь, так это ты у него рубины пиздил? Ну ты бессмертный конечно... — нервно заключил Пугачев, явно обращаясь к стусевавшемуся Кабанову.

Елки-палки, какой же он огромный-то! Вроде уже не в первый раз вижу, но... Какой-то он слишком большой. В эту пасть двое меня влезут и еще место останется! Где там Селедка застряла?! Она меня кинуть что ли решила?!

— Я так понимаю, ты всех уже убил, да? — повернувшись к баррикаде задницей, спросил Валя.

Я как-то по детски развел руками:

— Ну, типа того...

— Экий ты террорист. Прямо таки "ударь-мужика агент четыре-семь." — хмыкнул ящер.

— Че?

— Да так, на коробке с каким-то блестящим блином прочитал... Ну и что мне с тобой теперь делать? — спросил дракон, одергивая хвост и грозно смотря на кого-то позади себя.

Видимо, кто-то любопытный решил у него чешуйку-другую спереть. Они там что, его первый раз видят? Хренли морды у всех такие напряженные? Еще и почти все стволы на него смотрят. Хотя должны на меня.

— Ладно уж, забирай зачем пришел. А то разошелся, понимаешь. Еще поубиваешь тут всех, кем мир-то потом заселять? — хмыкнул Валя и, не оборачиваясь полез лапой куда-то в толпу.

Он состроил задумчивую морду, бормоча что-то вроде «не та, не та, не эта». Судя по чьим-то пискам и возмущенным голосам на баррикадах, он лапал исключительно баб. Наконец он громогласно объявил, что «нашел» и выдернул из толпы какой-то желтый комок. Брошенный драконом, мешок протащился несколько метров по земле, болезненно ойкая, пока не замер у моих ног. Я не сразу смог опознать рыжую журналистку в желтом комбинезоне. Она была вся перетянута веревками, как подарочная упаковка — только бантика не хватало. Еще и кляп вставили. Понятно, видимо она и тут всех достала... Ну что же, за это я никого попрекать не стану.

— Не понял, а ты-то тут отку... Кхе, блять... Откуда ты? — резко закашлявшись, еле закончил я, уставившись на Бэйри.

Девушка вытаращилась на меня удивленными глазами. С секунду поглядев на мою физиономию, она вдруг пискнула и попыталась отползти назад. Не будь она связана, вообще бы за дракона спряталась. Блин, неужто я так плохо выгляжу?

Прокашлявшись, я сказал Пугачеву развязать журналистку. Блин, какого черта я кровью кашляю?! Селедка, как ты лечишь вообще, мать твою?!

— Да я тут... Ну... Гуляла. Интервью там... — неуверенно проблеяла рыжая дура, продолжая таращиться на меня, как кролик на удава.

Я заметил, как Арфа играет жевалками, явно не обрадованная неожиданной встречей. Как, похоже, и сама Бэйри. Она все пялилась на меня, с крайне испуганным выражением.

— Солерия милосердная, что с тобой стало... В смысле... Ну, хорошо выглядишь! —

фальшиво лыбясь во все зубы, выдавила журналистка, благодарно кивая рядовому и поднимаясь на ноги. — Ну я это... Пойду? Не буду мешать вам и все такое... Святые небеса, какой же ты страшный! — не удержавшись, выпалила она и тут же, спохватившись, комично стукнула себя кулаком по голове, высунув язык.

Типа шутка такая.

— Странная у вас любовь какая-то. Может этот, как его... Недобор? Нет. Недотрах! Точно. Недотрах у вас. — закивал Валентин, до этого молча наблюдавший за этой сценой.

Какая еще любовь? Блин, он как всегда в своем репертуаре... Вот послушаешь его — придурок придурком. А с виду вроде страшный. Может Солерия ошиблась? Может он не при делах?

— Я не понял, ты не за ней что ли пришел? — спросил он, после недолгой паузы.

Краем глаза, я отметил, как Арфа внимательно уставилась на меня, так же ожидая ответа. Да и солдаты тоже как-то напряглись. Они что, серьезно поверили что я сюда из-за этой дуры приперся?!

— Да я понятия и не имел что она здесь. Хренли уставились?! — развел я руками и обернулся к бойцам.

— Ну, а зачем ты тогда здесь? — удивленно почесал затылок Валентин.

Эм... Я уже и сам забыл. А! Вспомнил!

— А затем, пидорасина чешуйчатая, что ты меня грохнуть пытался!

Удивительно, но в этот раз я даже не пытался подавить страх. Его просто не было. Даже самому не верится. Стою и в открытую наезжаю на эту огнедышащую громадину.

— Я?! — возмутился Валентин.

— Ну прапор. Один хер он из твоей шоблы! — отмахнулся я, устало растирая глаза пальцами.

Опять меня в сторону повело. Кружится все, что аж тошнит.

Валентин несколько раз удивленно моргнул, что-то пробубнил себе под нос, почесал подбородок когтем размером с мою ногу и наконец заявил:

— Ну, точно. Так и было.

Хм, я уж подумал что он отмазываться начнет. Типа, неправда все это... Хотя, с чего ему отмазываться? Он гигантский крылатый динозавр, а я калека с пистолетом. Было бы перед кем оправдываться, как говорится.

— Знаешь... Вот люди. Ну, вы, люди. — он ткнул когтем в нас. — Вы же живете всего ничего. А раньше жили и того меньше. Нет, я больше скажу! Девяносто процентов своей истории вы все жили банальной охотой и собирательством. Никакой цивилизации не было, понимаешь? — щелкнул он языком, обращаясь ко всем и ни к кому одновременно.

— Ну началось... — устало проворчал я, усиленно массируя висок и борясь с все усиливающимся головокружением.

Но никто никак не отреагировал на мою бурчание. Что Арфа с Бэйри, что бойцы с интересом уставились на дракона, ожидая продолжения. По-моему, на баррикадах кто-то принялся переводить его речь. Тьфу, идиоты. Он этим бредом меня каждый раз потчует. Нашли кого слушать! Мои истории про училище хотя бы смешные, а этот... А ну да, он же дракон! Чего бы дракона не послушать? Идиоты, говорю ведь.

— Никакой письменности, никаких технологий. Старшие поколения ничего не оставляли потомкам. А к чему это я? А! Я говорю о краткости человеческого бытия! Что в масштабе личности, что в масштабе мира. Вы и получились-то случайно! Нет, ну правда! Вы

вообще знаете что ваш вид возник в время межледниковья? Что та самая, "вечная" зима была вообще не из-за войны? Вернее, из-за нее, но она лишь ускорила процесс и вообще... — Валя замолчал, раздумывая над следующим предложением, задумчиво щелкая когтями. — Вот вы все про свободу болтать любите, что фелехрены, что люди. А ведь по настоящему свободные народы не основывают государств! Понимаете? Чтобы покорить других, нужно сначала самим покориться кому-то. Другим людям или еще кому. Драконам, например! Можно даже одному. — усмехнулся он, горделиво расправляя крылья.

Он продолжал самозабвенно трепаться о прогрессе, жесткой, но справедливой руке и о светлом будущем, которое мы заслуживаем, но которое не способны построить сами. Достал, debil чешуйчатый!

— Не понимаете ведь, правда? Вижу, не понимаете. А и ладно. Не понимайте дальше. Запомните хотя бы, что можно повлиять на ход истории, но остановить ее никак нельзя. И вот есть два стула... — Валентин ткнул когтем куда-то за мою спину.

Обернувшись, я увидел Солярку, наполовину высунувшуюся из коридора.

— Есть она, которая будет вам всем утирать сопельки и сюсюкать. Пока не помрет или крыша не съедет. И начнется у вас полное веселье и скатывание в каменный век. А есть Маня... А нет, Мани уже нет... Да и хрен с ним! Все равно дурак был. — пожал ящер плечами и хлопнул себя по груди. — А есть я. И я вам сопельки тереть не стану. Я вас сам разотру, если что не так. Зато вы людьми станете! Ну, естественный отбор, научный прогресс и всякое такое. Это-то понимаете? Что смотришь, толмач? Переводи давай. — бросил он в толпу.

Я уже почти не слушал. Шум в висках все усиливался и мешал сосредоточиться. А к горлу подкатывал какой-то ком и отнюдь не тошноты. Что-то со мной совсем не то.

Дракон что-то еще рассказывал, распинался перед толпой, перед нами. По всей видимости, он дико перся от возможности выговорится. Прямо какой-то депутат или сенатор перед электоратом. Разве что флаеры никто не раздает.

— А можно я тоже кое-что скажу? — наконец напомнила о себе Солерия, выступая из-за моей спины и становясь спереди.

— Ну, валяй. — разочарованно выдохнул ящер, нехотя уступая сисястой барышне воображаемый микрофон.

Солерия обвела всех присутствующих взглядом, зачем-то кивнула Бэйри и на секунду задержала взгляд на мне. По-моему, в ее глазах было сожаление или что-то такое. Но через мгновение она опомнилась и снова приняла статную позу.

— Одиссей, возвращаясь на Итаку увидел призрака, и призрак сказал ему, что когда тот вернется домой, убьет своих врагов и наведет порядок, то он должен взять весло и идти вглубь острова. Идти сквозь горы и через реки. В дождь и бурю, в засуху и жару. Идти до тех пор, пока его весло не примут за лопату. Ибо только там, где море не причиняло человеку страданий, он сможет обрести покой...

И далее-далее-далее... Блять, как же вы заебали пиздеть! Я тут сейчас кони двину, похоже. А им лишь бы поболтать! Что-то мне совсем дурно... Нет, пора завязывать с этим. И когда они оба такими начитанными стали? Селедка вон, Илиаду оказывается читала. Откуда эта книжка здесь взялась вообще?

Закурив взятую с трупа сигарету, я вышел вперед, поднимая вверх руку.

— Вы меня оба... Кхм... Оба заебали уже. Хватит представление устраивать... — я снова закашлялся, но все же смог привлечь внимание этих мутантов. — Валя, я так

понимаю, ты от своих бредовых идей не откажешься? — обратился я к дракону.

Я уже вообще смутно понимаю что там за планы. Знаю только, что в них входила моя смерть. Да и не только моя. А значит это крайне херовые планы!

— Это каких именно? От идеи не позволить какому вонючему, полумертвому человечку себя убить? — приподнял Валя чешуйчатую бровь и загнул первый коготь. — Или ты про ту, где эта унылая земля туповатых фелехренов наконец перестанет стагнировать и начнет делать хоть что-то интересное? — закончил он, зажав лапу в подобие кулака.

Значит, ни о каких «мирных» исходах речи не шло с самого начала. Тогда зачем болтовню разводить?! Чтобы меня помучать лишний раз?

— Короче, это да или нет?!

В голове все пищало с нестерпимой силой. Я с большим трудом умудрялся стоять прямо и фокусировать взгляд на рептилии.

— Вопросы задают дураки, повторяют дважды — идиоты! — сжав губы, заявил гигант.

Понятно.

Выплюнув сигарету, я проверил пистолет:

— Я вообще-то дохрена умный, чтобы ты знал. И вообще знаток. Вчера вот, мать твою знавал! — плюнул я алой слюной и, вскинув диковинный пистолет, выстрелил.

Целился я в глаза. И вроде даже одна из пуль попала куда надо, но то ли дракон зажмурился, то и глаза у него тоже бронированные, но толку особого не было. Он лишь болезненно рявкнул и замер уставившись на меня, злобно раздувая ноздри. Обычно добродушный и придурковатый взгляд, уступил место чему-то новому. На меня смотрел уже не Валя. Не странноватый дракон из какого-то детского мультика, а огромное чудовище, способное лапой раздавить пяток человек или броневик. Устрашающе раздувшиеся ноздри и гигантский злобучий дракон. И глядел он на меня с неприкрытой враждой. Нет, даже со жгучей ненавистью. Дело было не в пулях. И, наверное, даже не в словах. А том, что я на мгновение смог его уязвить. Напугать, сделать больно. Напомнить ему, что он такой же смертный кусок говна, как и все остальные. И этого он мне прощать никак не собирался.

Из широко открытой пасти показалась искра и через мгновение мир вокруг заполонил полыхающий огонь. А я же просто продолжал стрелять ему в пасть, даже не понимая, почему пламя не достигло меня и не испепелило на месте. Огонь просто сталкивался с невидимой стеной и рассеивался по краям.

Ящер закрыл пасть и злобно зыркнул в сторону. Махнув лапой с невероятной скоростью, он играючи впечатал Солерию в стену возле тоннеля. Да так, что бетон пошел трещинами, а женщина стала напоминать поломанную куклу на шарнирах.

Снова уставившись на меня, он угрожающе начал приближаться. Нет, не затем, чтобы убить. Не только за этим. Он мог легко испепелить меня на месте, искрошить, разбить или разорвать на части. Но ему это казалось скучным. Он хотел отомстить. Показать мне, насколько я ничтожен. Ему было важно, чтобы я ощутил весь спектр отчаяния перед смертью. И вот, его голова, размером с грузовик, уже в какой-то паре-тройке метров от меня, а пасть медленно раскрывается. И я вижу как в глубине зажигается искра. Но и тут ящера ждет облом.

Оружейный грохот сразу трех стволов отозвался дикой болью где-то в черепе. Кабанов тупо садил длинными, Пугачев херачил огромного дробовика и даже Арфа наконец исполнила свою мечту и нашла себе живую мишень. Жаль, что не по размеру.

Валентин болезненно скривился и, быстро захлопнув пасть, отпрянул от меня.

Угрожающе перебирая лапами, он небрежно направился к тройке самоубийц во главе с поломанной Селедкой. Я еле увернулся от когтистой лапы, едва не располозовавшей меня надвое и вскинул пистолет, целясь под длинный чешуйчатый хвост. И тут я кое-что увидел.

Тупой ящер напрочь позабыл про меня, решив оставить напоследок. Позволить мне насладиться гибелью остатков взвода, так сказать. Но он забыл, что у меня может быть свое мнение на этот счет. А ведь мнение, как и дырка в жопе, есть у каждого! И эта самая дырка небрежно покачивается в какой-то паре метров от меня.

Мое тело почти не слушалось. Ног я и вовсе уже не чувствовал. Но на войне, как на войне, хули... Сжавшись пружиной, я наконец собрал все что еще теплилось во мне и вложился в единственный рывок. Прыжок, второй, третий и вот я уже складываю руки перед собой сигаю в прямо в чешуйчатую бездну. Удивительно, но узкий проход с легкостью пропустил меня, буквально засасывая внутрь с поразительной скоростью. Наконец, «вход» начал сужаться и я ощутил, как с ноги исчезает подошва, но было уже поздно Слишком поздно, пидрила чешуйчатый!

Не знаю, должно быть со стороны все это смотрелось очень комично. Наверняка дракон соорудил непонимающую физиономию и вылутился на окружающих, потом наверное начал трясти хвостом, пытаясь вытряхнуть меня обратно. Не знаю, мне изнутри не видно.

Присказка "насоса" о том, что лейтенанта второго взвода "вечно все через жопу" — приобрела пророческое значение.

— Бля, фонарик бы... — буркнул я, цепляясь за склизкие и противные стенки руками и отталкиваясь ногами от чего-то твердого, стараясь провалиться как можно глубже вниз.

Или вверх? Все ходуном ходит, хрен поймешь! Пистолет уже куда-то подевался, а я продолжал проталкиваться сквозь тесно сжимающиеся стены. Я в кишке или где вообще? Ухватившись за что-то более-менее твердое впереди, я изо всех сил подтянулся и тут же провалился куда-то вниз. Меня погрузило в какую-то теплую противную слизь. Желудок что ли? Дышать нечем... Да пофиг! Сейчас посмотрим, какой он бронированный изнутри!

Хватаясь за все что можно взяться, я дергал изо всех сил. Открывая куски то ли органов, то ли плоти, то ли хер знает чего. Ну почему я с собой штык-нож не ношу? Было бы в разы проще. А то приходится аж зубами грызть... Стенки камеры судорожно сжимались, а меня кидало то вверх, то вниз. Или вправо-влево — хер пойми. После одного из таких толчков, я почувствовал, как в лоб больно врезалось что-то твердое.

Пистолет! Вывернув руку, я ухватился за рукоять и начал палить наугад во все стороны, даже не понимая, стреляю я вообще или просто так на спуск жму.

Наконец, судороги начали ослабевать и я уже хотел было порадоваться, но почувствовал, что зацепился за что-то ногой. И это что-то никак меня не отпускало. Дырка какая-то, что ли? Блин, засасывает! И воздуха уже вообще нет. Нет, ну нахрен, давай лучше в эту дырку. Здесь уже ловить нефиг. Кое-как втянувшись в узкий канал я попытался вздохнуть. Но тут же закашлялся. Дикая вонь! Но жижи нет, за что можно сказать спасибо.

— Это опять кишечник или что вообще? Почему не одного, блять, указателя?! Долбаный лабиринт... — подбадривал я себя, бубня под нос и пытаюсь протиснуться дальше.

Но все-таки было очень страшно. Стенки давили так, что никак не мог даже нормально вздохнуть этого вонючего воздуха. И, хоть я никогда не страдал клаустрофобией, но находясь среди неизвестной тесноты, в полном мраке и не в силах пошевелиться, во мне разгоралась паника. Я даже не разу почувствовал, что стенки пульсируют, проталкивая меня все дальше и дальше. Не знаю, сколько времени я так «путешествовал». По-моему даже сознание терял,

настолько сильно давило. Но одуплился я от чего-то твердого, ударившего по голове.

Писк в ушах превратился в гул паровоза, отчего я немедленно вскочил и, подскользнувшись, грохнулся обратно в какой-то рыхлый студень. Откашлявшись от мерзкой субстанции во рту, я осторожно открыл глаза.

— Ну охуеть теперь... — буркнул я, глядя на большую зубастую пещеру, висевшую в полуметре надо мной.

Это была пасть. Здоровенная драконья пасть! Раскрытая в немом исступлении, усеянная рядом острейших зубов и парой неподвижных ноздрей сверху. Из ее недр, прямо на меня, лилась какая-то гадость. Закончив наконец охуевать, я все же решил, что принятие душа из слюней и дерьма не входит в мои планы и отполз в сторону.

Нашарив руками более-менее сухую поверхность, в виде занесенной снегом брусчатки, я наконец попытался подняться на ноги. Все тело били судороги, то ли от холода, то ли от страха, или от всего на свете. С одежды и головы падали куски всякой гадости и текла противная жидкость. Наконец распрямившись и проморгавшись, я огляделся.

Дракон неподвижно лежал на снегу. Видимо, он недавно то ли бился в конвульсиях, то ли катался по земле... Баррикады из корзин с песком, мешков с крупами и всякой мебели — превратились в щепки и пыль. Несколько деревьев вокруг оказались поломаны, а невдалеке, виднелось огромное бревно, застрявшее в пробитой крыше одного из домиков.

Но главное, Валентин валялся без движения. Его глаза тускло уставились на меня, без какого либо намека на жизнь. Он однозначно был мертв.

Хрен знает, что я ему повредил. Порвал какие-то сосуды, попал пулей в сердце или еще что, но он таки сдох. Эта огромная древняя тварь взяла и сдохла. И убил ее я. Правда какой-то радости по этому поводу я не почувствовал. Меня всего трясло и казалось, что сердце стучит как-то не так. Будто пропуская удары.

Попытавшись утереть глаза от всякой дряни, я уставился на пистолет все еще лежащий в руке. Ствол был разорван, а казенной части вообще не было. Одна рукоятка осталась невредимой. Я трудом пытался бросить бесполезную железку, но кулак отказывался разжиматься. Лишь когда я больно приложился кулаком о бедро, пальцы наконец разжались и железка со звоном грохнулась о камень.

А вокруг меня толпились люди. Много людей. Они с неподдельным ужасом таращились на меня, нервно теребя в руках оружие не решаясь ни выстрелить, ни убежать.

— Ох, а про вас-то, дебилов, я и забыл... — проворчал, с трудом подходя поближе.

Передо мной оказалась какая-то молодая девчушка, которая при моем приближении взвизгнула, пытаясь отскочить назад, но напорвшись спиной о чью-то грудь, лишь в испуганно уперла в меня ствол какой-то винтовки. Оптику еще присобачила... Дилетанты.

— Дай сюда! А теперь пошла нахрен отсюда! — скомандовал я, хватаясь за ствол винтовки и без труда отшвыривая ее в сторону.

Девчушка даже не сопротивлялась. Она затравлено подняла плечи и упершись взглядом в землю пошла в указанную мной сторону. Будто ее мамка в угол поставила...

Я приблизился к следующей. Приглядевшись, я понял что мы уже знакомы.

— Гитлер капут, ептить. — сказал я первое, что пришло в голову.

Как будет «здрасте» по немецки я просто не знал. А говорить «бонжюр, ебать» не тянуло. Немка, вперившись в меня округлившимися глазами, нервно сглотнула и сама отшвырнула от себя автомат. Затем несколько раз моргнула, кивнула самой себе и обернувшись назад в толпу, сама выкинула оружие из чьих-то рук.

Дальше процесс пошел быстрее. Люди, уже сами начали сдавать стволы, без моей помощи. Они бросали винтовки в кучу и молча отходили в сторону, стараясь не смотреть на меня. Я поначалу не понял, с чего это они вдруг такими сговорчивыми стали. Пока не заметил, что позади меня, у тоннеля, выстроилось не меньше сотни мурзилков в доспехах. Среди них, болезненно морщась и опираясь на Кабанова, стояла Солерия. Арфа, Бэйри Пугачев и даже Сивира. Судя по их взглядам я выглядел ну очень хреново...

Ну да, весь в дерьме, крови и грязи. Куда уж хуже.

— Могли бы и помочь, хули вытаращились! Слышите, я кому... Ух е-мое... — я вдруг снова закачался, чувствуя как сердце пропускает удар за ударом.

Странное это ощущение, чувствовать как твое сердце совсем не бьется. Такая тишина вокруг сразу. И почему-то очень спокойно. По-моему, я сейчас упаду.

Было темно, холодно и пахло какой-то дрянью. Тело сильно сдавливало что-то горячее и очень склизкое. Мне никак не удавалось ни вздохнуть, ни открыть в глаза. Внутри черепа пульсировала паника, разрастаясь с каждым мгновением. Еще чуть-чуть и я останусь тут навечно и тогда...

— Ох епт! — выдохнул я, рывком принимая сидячее положение.

Ошалело крутя башкой по сторонам, я пытался понять где я, кто я и что тут, блять, вообще происходит.

С первым разобрался быстро — вроде бы я в какой-то комнате. Она вся белая, есть широкое окно, за окном солнце. Ага, я еще и на кровати. На тумбочке рядом какие-то пузырьки и бутылка с бесцветной жидкостью. Больница? Да вроде нет, балдахин какой-то над койкой да и уж слишком просторно. Дворец, что ли? А я... Кто я? М-м-м... А! Я же самый тупой ублюдок на свете!

— Блять, точно! — буркнул я, ощущая, как сознание приходит в порядок.

Дракону он в жопу залез! Да как мне такое вообще в голову-то пришло?! Ты бы еще себя керосином облил да поджог! Лейтенант хренов. Отлично! Оказывается я гребанный суицидник! Шахид-жополаз! Да твою же мать...

Несмотря на то, что я лежал на мягкой широкой кровати живой и в очевидной безопасности, я все сильнее и сильнее ощущал накатывающий приступ паники. В голове бешено проносились еще свежие воспоминания. Разорванные трупы, закопанный прапорщик, летящие в лицо гранаты и огромная пасть сраного дракона.

— Просто пиздец... — вслух прошептал я, хватаясь обеими руками за сердце и с досадой отмечая, уже привычную пустоту на месте левой кисти.

Вид свежей повязки на левой культе произвел странно-успокаивающее воздействие. Я медленно откинулся обратно на подушку, продолжая ощупывать грудь в области сердца. Вроде бьется. И на том спасибо.

Наконец успокоившись, я удивленно уставился на новенький гипс, в котором была подвешена правая нога. Что-то не помню, чтобы ногу ломал. Я хотел уже нагнуться и посмотреть поближе, но вдруг услышал какие-то голоса, доносившиеся из-за только что замеченной двери. Через мгновение она открылась и в гордом одиночестве в комнату вошла Солерия в своем обычном прикиде, в виде дорогущего белого платья и охеревших туфель с драгоценностями. Ну прямо сама скромность...

Я уставился на нее, она уставилась на меня. Какое-то время мы просто глядели друг на друга не шевелясь и не произнося ни слова. Она внимательно разглядывала мое лицо несколько секунду, прежде чем наконец шумно выдохнуть:

— Ну, кажется ты меня узнаешь... А то я уже начала волноваться. — добавила она и, с помощью гребанной магии, вытащила откуда-то с дальнего угла комнаты большую черную подушку. — А ты гораздо крепче чем я думала. — заявила королевна, бросая подушку размером в полкойки, на пол возле моей кровати и падая на нее животом.

Я недоуменно уставился на августейший зад, слегка прикрытый пушистым хвостом. Нет, я точно не в раю, а в цирке, блин! Чего она опять комедию ломает?!

— Честно говоря, я была абсолютно уверена что ты умер. У тебя сердце вообще отказывалось биться. Я и так и этак, а оно ни в какую. А стоило отвернуться и ты, седлать

твою мать, возьми и задыши. Черемухи ты кусок... Живучий как... Не знаю даже как что. — устало бормотала она в пол. — А потом опять помирать начал. Добраться не успели, а ты снова не дышишь. И давай по новой... В этом захолустном Кентервиле даже волшебниц толком нет! Ты знал это? Одна Лисси да эта мерзкая белая портниха. Мне стукнуть ее пришлось, чтобы она перестала орать, о том, какой ты подонок, что ты натворил с ее бедняжкой и что она ни за что на свете не станет тебе помогать. Прямо об стол приложить пришлось. У меня сил уже совсем не было. Сама все у сестры забрала. А все из-за тебя! — стукнула принцесса руками по полу и ловко перевернулась на спину.

— Закидоны эти твои... На дракона он полез. Самоубийца. — елозила она хребтом по подушке, устраиваясь поудобнее и вытягивая ноги к потолку.

То жопу отклячивает, то сиськами дергает, теперь вот — туфли продемонстрировать решила. Блин, может я все еще в бреду?

— Делать мне больше нечего, как тебя щитом закрывать! Сама обе ноги сломала! И вон, три ребра из-за тебя потеряла! — подняла она голову, чтобы поглядеть себе на грудь и начала изгибаться, усиленно тыкая пальцем в бок. — Кто меня теперь замуж-то возьмет? Без ребер кому я сдалась? — наконец повернула она морду в мою сторону.

Я лишь развел руками. Что за спектакль она устраивает? К чему все эти детские ужимки?

— Вот-вот, правильно на себя показываешь. Ты и возьмешь. Эй, люстрой своей не верти, не отбрехаешься! Жизнью обязан! И вообще, будь благодарен. Такая честь выпала... — отмахнулась она и снова уставилась в потолок.

— Считай что я уже занят, так что иди в жопу. — буркнул я, следуя ее примеру, отворачиваясь к потолку.

— А, ты про эту милую малышку с бледной челкой? Я не против. Пускай она первая. Хороший феленид... Ух! — хрустнула она ногой. — Как хорошее вино. С возрастом только лучше. А пока ты и правда, слишком уж молод для меня. Вот как раз, лет через шестьдесят... — она снова блаженно потянула затекшие мышцы, кажется, демонстрируя свою гибкость

Она меня соблазнить пытается что ли? Эй, я очнулся-то десять минут назад!

— Люди столько не живут. И хорош уже ужом виться, задолбала! — раздраженно бросил я, отворачиваясь к стенке.

— Не живут? Какая досада... Но ничего, мы что-нибудь придумаем. И шестьдесят и семьдесят, а может и сто семьдесят. У меня на тебя большие планы, а дряхлым стариком ты мне не нужен. Вот так вот. — цокнула она языком и я услышал какой-то шуршание у тумбочки.

Настороженно оглянувшись, я едва не столкнулся носом с окутанной белым сиянием пачкой сигарет висящей прямо в воздухе.

— Считай это свадебным подарком. Тебе, конечно, курить нельзя, но... Я же тебя как облупленного знаю! Тебя ведь не остановишь. Бойкий ты такой. — говорила она, извлекая из прикроватной тумбочки пепельницу с зажигалкой.

Взяв пачку в руки я вдруг вздрогнул. Кэмел. Тот самый, что с трупа. Перед глазами снова предстала та сцена. И мерзкие картинки на пачке сигарет, гласящие о вреде курения уже не были такими незаметными, как раньше. Что-то как-то мне нехорошо. Я потер заслезившиеся глаза и тут же испуганно вжался затылком в подушку. Прямо перед глазами нависла рожа Селедки.

Нет, она не валяла дурака и не пыталась меня поцеловать. Она лишь внимательно смотрела мне в глаза и я не сразу заметил, что ее мягкая ладонь аккуратно гладит меня по голове. По-моему, Валя ее уж слишком сильно приложил. Она еще ебнuteй, чем обычно!

— Прости меня, пожалуйста. — совсем по детски, одними губами произнесла она.

— Че? — затравленно глядя в ответ, переспросил я.

Но барышня ничего не ответила, продолжая стоять над койкой в неловкой близости моего лица. За что она извиняется? Она же ни хрена не сделала, вроде. Спасла даже. Во дворец притащила да и еще там, на складе она... Она...

Блять! Да она же меня наебала! Не было никакого чудесного исцеления. И быть не могло. Не способна Солярка на такое. Не с людьми, во всяком случае. Солерия всего лишь что-то сделала со мной. Выключила какие-то чувства или что-то такое. Заставила организм работать в форсированном режиме. И погнала дальше. На убой. Чтобы я успел сделать как можно больше, прежде чем мое тело наконец откажет. И я успел. И оно отказало.

А то что я жив, всего лишь нелепая случайность. Счастливый случай. Чудо господне, подаренное мамой и папой в виде лучших генов. Или что-то иное. Чья-то посторонняя воля, пульсирующая где-то во тьме... Что? Че за бред? Не было никакой чужой воли! Или была? Что-то странное в памяти. Будто бы запах дерьма или что-то такое.

Видимо на моем лице промелькнуло нечто и Солерия наконец отпрянула, предварительно чмокнув меня в лоб.

— Ты понял, вижу... Так вот, прежде чем ты что-то скажешь... — она отвернулась от меня, затихая на секунду. — Это очень большая ответственность. Быть... Ну, принцессой. — ее голос принял низкий хриплый оттенок. — Ты всегда должна думать о стране. Понимаешь? Нельзя позволять эмоциям тобой руководить. Никак нельзя. Этому не сразу учишься, но... Знаешь, а ведь ты мне правда симпатичен. Не только потому, что над тобой можно поиздеваться...

Она обернулась уставившись на меня мокрыми глазами.

Блять, да что за дурость?! Почему всех так и подбивает устроить какую-то драму на ровном месте? Еще и мне в симпатиях объяснятся. Они тут обдолбались все? Сначала Арфа, теперь Селедка! Да что с ними такое?

— Не верь если хочешь. Но с тобой и правда легко. Снова себя юной ощущаю. Обычной такой юной фелисиной. Но даже это ничего не значит. — хмыкнула она, снова отворачиваясь. — Ты пойми, я обязана была так поступить. Как бы мне не хотелось обратного. Твоя жизнь против двух сотен стражников. Против тысяч жизней моих подданных. У меня просто не было выбора. Ты ведь понимаешь? Я знаю, ты обязан понять! — эмоционально заявила она, снова поворачиваясь ко мне, неловко тыкая в подушку туфлей.

Ага, понять и простить. Хрен тебе. Хотя... Я и не злюсь, наверное. Ну да, все вернeсь ведь. Я и сам знал, что так будет. С самого начала знал что такой момент настанет. Но когда он случился я и не заметил. Прохлопал. И вот это обидно. А остальное... Да пофиг уже.

— А нас вообще никто не считает... — пожал я плечами и все же достал сигарету из пачки.

Набрав полные легкие дыма я неожиданно закашлялся. То ли отвык, то ли оттого что грудь все еще щемит. Я пожал плечами снова затягиваясь:

— Та ладно, я всю жизнь в армии. Привык уже. Не парься, мне насрать. Поздно уже драму устраивать...

Солерия какое-то время просто молчала, наблюдая как разгорается и загорается сигаретный огонек. А я старался не смотреть на нее. Уж больно меня смущали все эти сопли. Осталось только сценку разыграть, типа «да она не может любить меня, да я люблю тебя» или что-то вроде. Молчание все затягивалось и я чувствовал что начинаю краснеть под взглядом принцессы.

— Ага, покраснел! Я победила! Теперь я босс этой палаты... То есть гостевой. — подняв руки вверх, объявила Солерия, игнорируя тот факт, что сама вся красная.

Да и хрен с ней.

— Ладно... Пора мне бежать уже, сколько можно в кабинете торчать? Там такое творится, ты бы знал... У самой голова кругом! Кто бы мог подумать, что бывают люди еще хуже тебя? Вот я бы ни в жисть не поверила! — дергала женщина плечиками, приближаясь к двери.

— Эй, погоди! Че там с бойцами-то?! И что у меня с ногой-то? — наконец вспомнил я про гипс.

Принцесса остановилась у самой двери и удивленно посмотрела на меня:

— А ты не помнишь?

Я отрицательно помотал головой.

— Хм, может все-таки что-то в мозгу и повредилось... Ну, в общем... Когда ты в драконе ползал, то, похоже, заблудился и где-то ногу повредил. Когда ты вылез, у тебя нога... — Солерия на секунду остановилась, постукивая туфлей по полу, явно пытаюсь вспомнить какое-то слово. — А, ступня! Ступня в другую сторону смотрела. И нога вся перекрученная, как спираль! Что тарацишься, а ты думал тебя все просто так шарахались?! — рассмеялась она. — У меня вот оружия не было, но если бы ты ко мне подошел, то я бы наверное хвост отпилила и в общую кучу выкинула. Подходит такой, весь крови, слизи и какахой на ухе... И главное пар! Пар от всего поднимается, на коже пузыри какие-то кипят... Жуть да и только! Там бедолаги сознание теряли, если не помнишь. Ух... Ладно. — тряхнула она головой, пытаюсь отсмеяться:

— А дурашкам твоим повезло. Живые, здоровые и чересчур охочие до прислуги. Ну, тот что пониже. Рыжий-то до поварихи охотник... А с остальными вопросами невесту свою пытай. А со мной, увы, только лет через... Может лет через сто. Как раз про какашки забуду. Да. Ну поправляйся быстрее. У меня на тебя еще планы. — снова повторила она, закрывая за собой дверь, но вдруг снова ее распахнула:

— А! Под кровать загляни! Только не буди, она уже два дня не спала. Фух, чуть не забыла, вот голова садовая... — бубнила она, уже вышагивая по коридору.

Какаха на ухе? Нога спиралью? Еще и пар... Вообще ничего не помню. Как из жопы вылез — помню. А вот про ногу — нифига. Я же на ней ходил спокойно и не болело ничего? Или это шоковое состояние такое? Пф... Ну дела.

Стоп, а че там с кроватью было?

Я наклонил голову через край. Прямо возле меня, у стенки, свернувшись калачиком на такой же подушке какая была у Солярки, мирно посапывала Арфа. На ней не было ни привычной формы, ни кепки, ничего. Абсолютно голая и лишь повязка на боку, с проступающими алыми каплями. На лице виднелись многочисленные ссадины и по всему телу, то тут, то там, проступали темные пятна синяков и ушибов. Про порванное ухо и говорить не хочется.

А че она голая-то? Она меня тут не того, не «этого»? Да нет, вряд ли... А, ладно. Она

всегда поехавшая была, потому и голая. Чему тут удивляться?

— Мда, ну и потрепало нас, конечно... — протянул я, просовывая покалеченную руку к малявке и аккуратно поправляя ее подгоревшую челку.

Теребя спящую мурзилку за волосы я сам не заметил как заигрался и Арфа начала сонно ворчать. Блин, разбудил похоже. Глядя как голая лилипутка сонно открывает глаза и, выгибая спину словно кошка, встает на ноги ничего не видя перед собой, я уже успел десять раз себя отругать.

Ну сейчас начнется... Слезные вопли, типа «я так волновалась» или начнет скакать по мне на радостях. Ну или ныть, жалобно утирая слезы. Знаю я все эти бабские ужимки. Телек смотрел.

Но Арфа решила меня удивить.

Потерев забинтованным руками глаза и недовольно фыркнув, она наконец подняла веки и уставилась на меня немигающим взглядом. Я уже внутренне приготовился к очередной сцене из дешевого сериала, как девушка чуть улыбнулась и прошептала что-то вроде «я так рада что ты рядом» и положила голову на мою покалеченную руку, будто верная овчарка. Мда, такого я не ожидал.

— Ну... Я тоже. В смысле, рад что жив. Ну и ты жива. Ага. Ты только это... Китель-то надень, пожалуйста. — чувствуя себя крайне неловко от всех этих нежностей, пролепетал я и быстро схватил с тумбочки пачку сигарет.

Дальше все пошло своим чередом. Как выяснилось, Кабанов с Пугачевым валялись неподалеку, буквально в соседних комнатах. Типа гостевые, поспешно переоборудованные в лазарет. У рыжего амбала все было в порядке, а вот рядового собирали едва ли не по частям. Двадцать костей парень поломал. Не повезло ему, что он ближе всех к дракону стоял. Но ничего, оклемался. В его палате мы обычно и зависали все дни. Курили, ебланили, играли в электронные игрушки, что нам из конфиската приволокла Солярка. Бухнули пару раз. Лисин заезжал, правда не ко мне. Видеться со мной он наотрез отказывался, каждый раз посылая прислугу убедиться, что меня нет в комнатах Кабанова или Пугачева. Обидчивый он, похоже. Пипирка его, кстати, не пострадала. Арфа ему только мочевого пузырь проколола. И, со слов капрала, обещала проткнуть еще и жопу, если ефрейтор продолжить гнать на меня за спиной. Честно говоря, я перед парнем не в обиде. Ему есть за что меня ненавидеть. Да всем есть, если по правде.

Где-то через три недели меня таки выписали из «дворцового лазарета», где мы и лежали все это время. Гипс сняли, нога более-менее зажила. Поначалу хромотал, но потом прошло.

Солерия не врала, когда говорила про планы на меня. Не успел я надеть трофейные брюки, как за мной в палату прислали гонца. Мол, дуй в тронный зал, мил человек, к принцессе на «стрелку». И уже в своем маленьком кабинете, позади роскошного трона, Селедка начала грузить меня на тему службы на благо родины. Ее родины, понятное дело.

Людей и мурзилок из лесного городка отпустили на все четыре стороны. Даже личные вещи вернули и подъемных денег дали. На работу их устраивали, жильем обеспечивали. В общем, всячески ублажали и показывали, какая же Селедка добрая, милосердная, и прекрасная.

Разоружить-то их разоружили, — стволы заперли в подземельях замка, но толку-то, если средний мужик и простой палкой десяток мурзилок может покалечить? Не прямо любых, конечно, но все же. И подобный эксцесс уже произошел, пока я в больничке валялся.

Мол, пара каких-то дураков и одна дура, нахерачились в баре и отказались платить за поганый сервис. В итоге половина улицы превратилась в поле боя, со стражниками, баррикадами и «коктейлями Молотова». А Солярке не уперлось каждый раз подрывать свой августейший зад и рисковать шкурой из-за каждого психа. Да и самостоятельно исцелять десятки поломанных стражников — тоже не прикольно.

Так что, несмотря на сомнения своей скептически настроенной сестры, Солярка поручила мне почетную должность полица. Типа, чтобы я за нее всяких охреневших человечков гасил. Мол, «у тебя же хорошо получается». Вот гадина, а? Я отбрехивался как мог, но принцесса намекнула, что успел поубивать уже слишком многих, чтобы просто так жить, не оглядываясь и не опасаясь мести за погибших товарищей. А оружие-то все у нее. А просто так, она мне его давать не собирается. И лыбилась во всю морду, при этом.

Короче, делать было нечего и я спустился в эти долбанные катакомбы, чтобы набрать себе пару пистолетов, пяток магазинов и коробку патронов. Всякие пулеметы, гранатометы и снайперские винтовки и огромный шестиствольный пиздец, по понятным причинам, мне не подходили. Гранат разве что захватил.

И с тех пор уж три года как прошло. Обычно целый день ни хера не делаю, балду гоняю да у очкариты в дереве шухер навожу со скуки. Но иногда, приходится неделями по лесам каких-нибудь долбоебов разыскивать. То кто-то что-то сопрет, то по башке настучит. А один раз, так группу особо-ебанутого расстрелять пришлось. Коров по ночам ловили, усыпляли и жрали. Мяса ребятам не хватало. Ну, пусть свинцом довольствуются. Или что тут за металл в этих странных пулях? Селедка, конечно, распекла меня по этому поводу, но в целом обошлось. Не, ну, а что мне с ними делать было? Их десять и с ножами, а я один. Но с пистолетом... Правда, закидывать гранатами жилой дом в центре крупного пограничного города и правда было хреновой идеей. Но я же не знал что пожар начнется?! Да и не ломится же к ним внутрь одному. Порезали бы...

Если подумать, то с тех пор, как оказался в этой «Кошколяндии», я уже столько народу положил... Заметно больше, нежели среднестатистический маньяк. И не сказал бы, что это проходит бесследно. То ли это какой-нибудь комплекс вины, то ли посттравматический синдром, но спится мне крайне беспокойно. Да и порой бывает, что посреди дня какие-то панические атаки начинаются. То глючит что я снова в кишках у дракона ползаю, то покойники всякие мерещатся. Или просто тревога накатывает. Когда во сне, это еще ладно. А вот посреди бела дня — ни хрена не норма.

Если бы не Арфа, я бы уже совсем чокнулся.

Она, кстати, не соврала ни разу. И правда, едва мы вернулись в Кентервилль, как она немедленно арендовала халупу. Ту самую, в котором еще Сивира жила, пока за мной шпионила. Хвостатая немедленно начала вертеться вокруг меня, как ужаленная. То домогалась, то пот мне по ночам утирала, пожрать готовила, всякие нежности говорила... Короче, прикольная она. Хорошая даже. Ревнивая до жопы, но не смертельно. Да и жить с ней не так уж и плохо. Поначалу неудобно было, пока дом не расширили. А то устал башкой о косяки биться и люстры задевать. Если бы она меня еще и выебать меня постоянно не пыталась — вообще бы сказка была. Но, слава яйцам, она часто по командировкам таскается. Так что жить можно.

Селедка ее на командирскую должность поставила. И хвостатая теперь «типа полковник». Каждый раз угораю с этого. Но ушастая относится к своему званию со всей серьезностью и очень на меня обижается, если я смеюсь.

Подразделение у нее свое, гоняет она их там, учит чему-то. Не знаю точно. Не помню. Фишка там в том, что они типа как вооружены. Такими же паровыми пушками, как и те пидоры на складе у Лизери. Огнестрел-то под запретом. Только у меня и у Селедки есть. И слава богу. А то меня уже разок самодельного мушкета чуть не укокошили. Хорошо хоть он прямо в руках стрелка взорвался.

Кабанов как тусовался в библиотеке, так и живет там. Местные его любят, обожают и готовы памятник поставить. Он ко мне часто заходит побухать или в игрушки поиграть. В остальном ничего особого. Пугачев сидит безвылазно на ферме иногда присоединяясь к нашим, с капралом, посиделкам. А про Лисина ничего толком не слышно. Уехал куда-то и как концы в воду. Я подозреваю, что с остальными бойцами он связь поддерживает, но просит их ничего мне не сообщать. Во всяком случае, Кабанов как-то раз по пьянке проговорился о чем-то подобном. Жалко, конечно.

Сивира служит рядом с Арфой. Они там друг-друга сильно не любят, но с тех пор как зубастая выскочила замуж за какого-то адъютанта, все более-менее устаканилось.

Бэйри, как выяснилось, все это время работала на Селедку. Шпионила для нее. Еще в больничке приходила, извинялась. И долго не верила что мне насрать. Ну были у нее там скрытые мотивы — мне пофиг. Ничего не поменялось. Так себе, тайна. Сейчас она все так же трудится в столице. Собственно, в основном по ее наводкам меня и вызывают. Рыжая, нет-нет, да пытается строить глазки, но зная нрав Арфы, делает это очень осторожно. Даже не задалбывает. Почти.

Ну и Сэйли еще. Чтоб ее. Чем старше становится, тем дурнее. То она котов к себе водила, то кошек, последний раз вообще с каким-то пацаном застукал. Короче, черт ее знает, что в ее башке творится. Но вроде без экстрима. Все по паровозам угорает, всю комнату их моделями заставила. Хрен его знает, может это возрастное?

А что касается самой Кошколяндии Ну... Вроде нормально все. После смерти святой троицы из прапора, красноглазого и дракона, люди вроде более-менее встроились в местные порядки. Технологии всякие появились. Телефоны домашние, телевизоры и всякая херня. Качество дерьмовое, но что поделать. Дети даже появляться начали. Нормальные, человеческие, а не мурзилки. Хотя, большинство мужиков, почему-то, предпочитает малявок, а не нормальных баб. Извращенцы, как по мне.

Конечно, не все так радужно и кое-где становится напряженно. То кто-то слишком упьется и дебош устроит, то какие-то умники демократию требовать станут, быстро перетягивая на свою сторону местных «гномиков», то еще какая-то лажа. Если все совсем плохо, то дергают меня. Обычно, хватает одного моего появления, чтобы все успокоились и пошли на контакт со стражниками. Ну, а хренли, морда-то у меня сейчас страшная, что пиздец. В желудке у дракона побывать... Такие ожоги остались — охренеть. Ну, сейчас уже почти все прошло, но первые два года, ух... Сам зеркала шугался. Да и Арфины гомики иногда что-то полезное делают, а еще...

— Лукин, раздери твое колено... Какой кочерыжки ты мне это рассказываешь? Я тебя про другое спрашивала! Ты на блядюшник едешь или нет?! — резко надулась малявка с рваным ухом и грозно постучала кулаком по столу.

— Да еб твою мать! Дай басню-то рассказать! Заебала! Я твою херню про твой «потешный батальон» слушал и не выебывался! — всерьез обиделся я, отворачиваясь от мурзилки и без интереса оглядывая внутренности «Сладкого уголка».

Пара человек да десяток лилипутов старательно делали вид, что не обращают на меня

внимания. А кобуру на столе и вовсе в упор не видели.

— А-а-а, ну конечно... — закивала Афра. — Поебушки во дворце — это же государственная тайна! Что это я, в конце-концов...

— Да ты задрала! Это просто пьянка, а не поебушки!

Ну, почти...

Девчонка в пиксельной форме смерила меня скептическим взглядом и показательно отвернулась к кружке с чаем.

Блин, каждый год одно и то же! То про свадьбу талдычит, то про родителей, то про Солярку с ее посиделками! Я что, виноват, что эта сисястая дура под каждый новый год дергает меня во дворец для докладов? Ну да, доклады больше похожи на обычную попойку с участием пары дебильных принцесс, одна из которых ноет о сложности управлении дурдомом под названием «Кошколяндия», а другая воротит нос от моих манер, но каждый раз норовит то ногу под стол сунуть, то белье в карман подкинуть.

— И ты хочешь сказать, что ни разу мне не изменял?! — длинный хвост крепко обвил мое колено под столом.

— Нет! И я с тобой даже не встречаюсь, задолбала!

Нет, ну правда! Не знаю как эти отношения называются, но точно не «встречаниями». Больше походит на хардкорное садо-мазо и с перерывами на кексики, чай, и бесконечные командировки.

— Точно?! — дергающиеся уши и все сильнее сжимающийся хвост намекали, что отвечать лучше побыстрее.

Иначе она и в этой кафешке пиздец устроит. Будто гостиней было мало...

— Точно, точно. Хвост убери!

Или не точно... Все-таки, ежегодная трехдневка беспробудного пьянства в обществе пары августейших особ запоминается лишь урывками. В одном, Селедка рассуждает о божественной сущности «мятного дерьма» и устраивает полуторачасовую лекцию на тему сильных эмоций инопланетной твари и их отголосках в реальности. А в других, она игриво машет хвостом и зачем-то просит расстегнуть платье. Но ведь, если ты ничего не помнишь, то это не измена, верно?

— Ну-ну... Посмотрим. — ушастая наконец убрала хвост и отложив кружку, кинула на столик несколько монет. — Поезд у тебя лишь утром. — то ли спросила, то ли заявила она и встав из-за стола, кивнула головой в сторону двери.

Мда... Ладно, черт с ней. Разборки лучше дома устраивать, а не на глазах у всего городка. На мурзилку-то пофиг, но тут ведь еще и несколько людей поселилось. Включая француза с немкой. А перед иностранцами позорится не комильфо.

Едва выйдя за порог и ощутив холодный зимний ветер, я сунул было самокрутку в зубы, как вдруг ощутил что-то склизкое и до боли знакомое под подошвой берца.

Опять?! Три года ведь не было! Блин, только не снова...

Я опасливо убрал ногу и уставился на кулек разноцветных конфет, оброненный кем-то на пороге в кондитерку.

— Чего встал, кочерыжки кусок!? У меня только двенадцать часов, чтобы подготовить тебя к аудиенции с принцессой! Шевели поршнями! — зашипела Афра и не дожидаясь ответа, бодро зашагала по улице.

Поглядев на отчаянно виляющую задницу в пиксельном камуфляже, я сразу понял, о какой «подготовке» она говорит. Вот же гадина ревнивая! И озабоченная! И еще словечек

моих нахваталась!

— А и похуй... — бросил я, и подкурив самокрутку из противного самосада, нехотя двинулся следом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net